

**Курганская областная
универсальная научная
библиотека им. А. К. Югова**

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ – 2020

**Сборник работ победителей
межведомственного
областного конкурса**

СБОРНИК РАБОТ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

МОЛОДАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ЗАУРАЛЬЯ -
2020

Курган
2021

84(2РОС=РУС)6

Д 69

Молодая литература Зауралья – 2020 : сборник работ победителей конкурса. – Курган, 2021. – 176 с. : фот.

Сборник составлен из лучших произведений, поступивших на конкурс “Молодая литература Зауралья – 2020”. В конкурсе приняли участие 77 авторов из 18 районов Курганской области.

Давайте посмотрим на мир глазами детей и взрослых...

ПОБЕДИТЕЛИ
В ЧОМПАЦАНИ
“ПОЭЗИЯ”

ФРОЛОВА
Полина Николаевна,
ученица 6 “А” класса
Петуховской средней школы № 1

СКАЗКА О ТОМ, КАК КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ ГЕРБ СЕБЕ ИСКАЛА

В некотором царстве, в некотором государстве,
За Уральскими горами, за зелёными лесами
Область славная жила, краше всех она была.

Удивляла всех порой своей волшебной красотой,
Ярко-жёлтыми полями, изумрудными лесами,
Алыми закатами над *изба*ми и хатами.
Курганскою она звалась, на границе находясь
С одной из дружелюбных стран по прозванью Казахстан.
Но беда случилась вдруг – появились вокруг
Нашей области родной иноземцы, и с тоской
Ей сказали, что она и ничем и не видна,
Что леса, поля, холмы есть в любом краю страны.
Область наша загрустила, а потом она решила:
“Обойду свой край большой и создам я герб златой,
Чтобы все вокруг узнали, чем славны Кургана дали”.
Собралась скорей в дорогу и пошла искать подмогу.
Первым встретила она на холме Богатыря,
Он свой славный щит стальной чистил крепкою рукой.
Область наша рассказала, почему в пути застала
Славного Богатыря.
Он ответил ей любя: “Я тебе, земля моя,
Дарю щит из крепкой стали, чтобы все вокруг узнали,
Что Курганская земля и могуча, и сильна.
Для меня он другом был, он врагов в бою слепил,

Ты себе его возьми, для потомков сохрани!”
Для герба щит стал основой, наша область в пути снова.
За холмом монах стоял, монастырь он охранял.
Этот дивный Божий дом всем в Далматово знаком.
Раньше крепостью он был, от врагов людей хранил.
Наша область в знак почета зубцы крепкие прихода
На стальной щит приложила и, подумав, так решила:
“Щит украшу я зубцами, чтоб страна гордилась нами!
Над зубцами два кургана, два холма в снежном тумане,
Чтобы каждый мог понять, почему меня так звать!”
Так сказав, земля родная дальше двинулась, шагая.
Впереди виднелся лес, там по древу кто-то лез.
Область ближе подошла – удивилась: вот дела!
Это прыгала не птица, а хвостатая куница –
Самый хитрый зверь в лесу, обошла даже лису,
Хвост пушист, быстра, легка, острозуба и ловка!
В наших землях их полно, живут тут они давно,
И куниц тут обитанье – чем не символ процветанья,
Чем не символ жизни вольной, изобильной и раздольной!
Так на щит зверёк попал, чтобы каждый вмиг узнал:
Коль куница на гербе – на Курганской ты земле.
Пока область герб искала, солнце много раз вставало,
Лист в лесу озолотило и на герб его спустило –
Получилось так красиво, словно сказочное диво:
Вдоль щита, как бусин ряд, листья золотом горят.

Вот и сказочке конец!

Область наша – молодец!

Регион весь обошла и для герба всё нашла:

Щит и крепости зубцы – силы нашей образцы!

Зверь лесной и лист златой – знак обилия простой!

Лента синяя вокруг – доброты курганской дух!

Силой, мощью, добротой славен край наш дорогой!

ИВАНОВА
Алина Александровна,
ученица 5 класса
Бутыринской основной
общеобразовательной школы
Частоозерского района

Наставник – Иванова
Елена Владимировна,
библиотекарь

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Деревенская жизнь – ох, не мёд:
То жара, а то дождик льёт,
А то снег засыпает пути,
Не проехать сюда, не пройти!

Здесь упорные люди живут,
И земля уважает их труд...
Если ты не лентяй и не плут,
То тебя на земле этой ждут.

КРИГЕР

Александра Константиновна,
ученица 7 “Б” класса Уксянской
средней школы Далматовского района

Наставник – Бендюжик
Алёна Юрьевна,
библиотекарь

ЗИМА

Осенние краски смывает зима,
Первый снег принесёт, а за ним холода.
Заберёт яркий свет и подарит бледней.
Дни короткими будут, ну а ночи длинней.

Ветер в окна стучит, вьюга просится в дом.
А мы тихо сидим на кухне с котом.
И не страшен нам вой одинокой метели,
Мы на чай её пригласить захотели.

БАСТРИКОВА
Алёна Андреевна,
студентка 3 курса
Курганского областного
музыкального колледжа
имени Д. Д. Шостаковича

* * *

Тягучим мёдом растворился август,
В любимой чашке веточка рябины...
Кому-то осень – временная тягость,
А мне – со сладким вкусом сердцевина.

Пестрящим клином облетают листья,
Земля готовится ко сну – совсем устала.
Природа безупречно яркой кистью
Такой сюжет в альбом зарисовала...

В её этюдах нет минорных нот,
Она так быстро незаметно пролетает...
И с отвращением ждёт её лишь тот,
Кто просто красоты не замечает.

* * *

Осень. И воздух прозрачен,
Дышится полно, легко.
Птицы в берёзах судачат,
На сердце уютно, тепло.

Осень. Всего середина
На календарном альбоме,
В алом платке из сатина
Танцует на смятой соломе.

На юбке узорная клетка,
Утро умыто украдкой...
Осень – такая кокетка,
Пусть остаётся загадкой.

* * *

Очаровательное нынче время года...
Да, всё же осень – истинная леди.
Загадка, тайна ей дарована природой,
Понять которую не все умеют.

Никто её красы не разгадает,
Всем кажется – “природы увяданье”,
А всё же за собою увлекает,
В стихах ей оставляется признание.

Рисует капельки на окнах утром осень,
Устало небо укрывает одеялом.
Среди могучих и спокойных сосен
Ветра поют протяжно и устало.

Но почему-то не до грусти и печали...
С улыбкой нежности смотрю в чужие лица.
И каждую минуту замечаю,
Ведь больше это всё не повторится.

СОТНИКОВ
Дмитрий Сергеевич,
ученик 11 класса Гагарьевской
средней школы Юргамышского района

Наставник – Сумарокова Людмила
Николаевна

УЖАСНЫЙ ЗВЕРЬ

Я возвращался с бала издалёка
Лесной дорожкой, что вымерла уж, верно.
И к ночи в поселении одиноком
Я зашёл в старинную таверну.

Договорившись, заплатил за койку,
Решил немного в зале постоять.
Сидела за столом младая тройка,
Решившая вина повыпивать.

В углу лежала пропитая тётка.
И лишь старик, сидящий за столом,
Обхватив стакан руками плотно,
Интриговал меня со всех сторон.

К нему я подошёл с вопросом:
“Чего, дедок, так сильно загрустил?
Ответь ты мне лишь на один вопросик:
С чего тебе так вечер стал не мил?”

Старик поднял глаза и произнёс он тихо:
“Я недавно сына схоронил.
Он всю жизнь охотник был великий.
Но страшный зверь его в ту ночь убил...”

Немного удивился я от фразы.
Ветер распахнул таверны дверь,
И я спросил с интригою заразной:
“Скажи, что это был за зверь?”

Старик вздохнул, попил, стакан поставил.
И начал откровенно говорить,
О том, как сын его зверей дрожать заставил,
И как же зверю удалось его убить:

“Случилось это ночью – с неделю вот назад.
Пошёл он, как обычно, на охоту.
Ходил ведь по знакомым всё лесам
И вот погиб – к тридцатому-то году!

Он был парнем резвым и бесстрашным,
Без труда любого зверя бил
И с хищниками встречу брал отважно,
Но страшный зверь его в ту ночь убил.

Двенадцать лет он продавал добычу.
Но деньги он не тратил, а копил.
Идя по лесу, слышал каждый шорох.
Но страшный зверь его в ту ночь убил.

Копил он деньги для заветной цели –
С оружием новым выйти в свет.
Ходить среди высоких елей,
Держа в руках новёхонький мушкет.

Но вот дошёл он до заветной цели,
И мушкет новёхонький купил.
Но вышел на охоту еле-еле,
И страшный зверь его в ту ночь убил.

Не случайно копил он дюжину лет,
Ведь желал непростое оружие,
Он получил необычный мушкет:
Такого и лорд не заслужит.

Он деревом был сделан красным,
С металлами, каким износу нет,
И с золотою росписью прекрасной.
А как же отражался на нём свет!

А точности его и не было предела.
Работой мастеров специально сделан был.
От такой работы аж душа немела...
Но страшный зверь его в ту ночь убил.

В мыслях об охоте мой сын в леса помчался,
Желая получить бесценнейший трофей.
Но вскоре по дороге ему и повстречался
Страшнее всех зверей тот ужасный зверь.

Но зверя не увидев, мой сын стрелять не стал
И просто мимо он хотел пройти.
На дорогой мушкет звериный взгляд упал,
И от удара было не уйти...

На следующий день мы тоже в лес пошли,
Когда долину озарил рассвет.
И сына моего убитого нашли.
Но не нашли мы дорогой мушкет..."

Я выслушал историю и тягостно вздохнул.
И вот старик опять взгляд свой опустил.
Немного посидев, я к комнате шагнул.
И дед тихонько тут проговорил:

“Запомни раз на целый век:
Имя зверя – ЧЕ-ЛО-ВЕК...”

ПАСТУШКОВ
Алексей Владимирович,
ученик 11 класса Боровской средней
школы Белозерского района

Наставник – Ильина
Ирина Афанасьевна

ВЫЙДУ Я НА УЛИЦУ...

Выйду я на улицу,
Обернусь кругом,
И глаза любятся
Маленьким селом.
Я взгляну направо
И увижу лес,
Милая дубрава –
И расту я здесь.
Посмотрю налево:
Речка протекает
И своей прохладой
Манит, искушает.
Что ещё для счастья
Может пригодиться?
Разве, что любви
Малая крупица.
Вот она, деревня –
Родина моя,
Где проходит детство,
И где счастлив я!

ЛИТВИНОВА
Мария Валерьевна,
преподаватель
в Лесниковском лицее
имени Героя России А. В. Тюнина

ПРЕЛЕСТЬ УЧИТЕЛЬСКИХ БУДНЕЙ

А я просто хочу войти в класс
И услышать знакомый шум:
Смех и топот, слияние фраз
В бесконечно-задорный гул.

И пусть кто-то что-то поёт,
А другой пускай ищет тетрадь,
Кто-то ручку свою достаёт,
Кто-то ластик успел потерять.

И пусть кто-то промчится вскачь,
А второй закричит ему вслед.
И пусть кто-то играет в мяч,
А другой доедает обед.

И пусть кто-то хохочет до слёз
Над нелепою шуткой своей,
А другой говорит всерьёз,
А кому-то молчанье милей.

И пускай они окружают
Мой учительский стол всей толпой,
И пускай они ГОВОРЯТ –
Хором. Разом. Наперебой.

А потом пускай школьный звонок
Оборвёт череду затей...
Я хочу начинать свой урок,
Видя лица, улыбки ДЕТЕЙ...

* * *

Что же такое счастье?
Кто сможет вмиг ответить...
Счастье – когда ненастье,
Счастье – когда дует ветер.

Счастье – когда метели
И когда дождь в окошко.
Счастье – под звук капли
Даже взгрустнуть немножко...

Счастье – рано проснуться
Под пение птиц весенних
И всей душой окунуться
В знойный запах сирени.

Счастье – нарвать ромашек
Солнечным жарким днём.
Счастье – дрожать до мурашек,
Под летним танцем дождём.

Счастье – смотреть и видеть,
Счастье – искать и найти.
Счастье – среди тысяч тропинок
Знать, по которой пойти.

Счастье – за чаем с подружкой
Час или два скоротать,
Счастье – в обнимку с подушкой
Ночь напролёт промечтать.

Счастье – когда мама рядом,
Счастье – её обнимать,
Счастье – под листопадом
Бродить и листвою шуршать.

Счастье – в снежинок сиянье
Свою судьбу угадать,
И в новогоднем желанье
Впервые любовь распознать.

Счастье – признанья и свечи,
И нежности полная чаша.
Счастье – семейный вечер,
И дети смеются. Наши.

Счастье – ситец берёзы
И пестрота полей,
Счастье – когда в глазах слёзы
От того, как поёт соловей.

Счастье – задумчивый лес
Счастье – раздолье лугов,
Бездонность синих небес
И белизна облаков.

И счастье – две кружки кофе
С сахаром и молоком.
Так начинается утро,
А всё остальное – потом...

Топот маленьких ножек,
Детских сияние глаз.
Счастье быть разным может,
Счастье – в каждом из нас...

В том, сколько видим света,
В том, сколько в нас доброты,
Нет сложнее и проще ответа;
Мир таков, как его видишь Ты...

Что же такое счастье?
Как же правдиво ответить?
Счастье – оно повсюду...
Его только нужно заметить!

* * *

Милые девчонки,
ласковые дочки,
Мамины помощницы,
папины звоночки.

Вот стоят, стараются,
месят тесто сладкое
И тихонько с венчика
пробуют украдкой.

Все в муке волосики,
и реснички тоже,
Но, кажется,
счастливее
их нет.
И быть не может...

* * *

А юность так прекрасна,
Как роза майским утром.
На лепесточках красных
Росинки перламутром

Горят, блестят, сияют,
Что глаз не оторвать.
Так много обещают,
Что хочется сорвать.

Но нежен так и хрупок
Юности цветок,
Что, взяв его чуть грубо,
Испортишь лепесток.

О, сколько судеб юных
И пламенных сердец
Нашли под гнётом будней
Печальный свой конец...

Ведь в беге этих будней
И суете всечасной
Заметить очень трудно
Мольбу души несчастной.

Для них вражда и дружба,
Измена и любовь
Порою так огромны,
Что сердце рвётся в кровь.

Они полны слезами
От боли и обиды,
А мы скользим глазами
И ничего не видим.

Мы, взрослые, большие,
Нам с высоты не ясно,
Что заморозки лёгкие
Для роз порой опасны.

Мы, взрослые, забыли,
Как тяжело бывает,
Когда тебя родные
Совсем не понимают.

И как впервые любишь,
Всем сердцем, беззаветно,
И как же это больно,
Коль чувство безответно.

Как грустно, одиноко,
Когда с своей бедою
Приходишь к самым близким,
Они ж махнут рукою:

“Всё – ерунда! Забудешь!
Тебе всего двенадцать!
Ещё сто раз полюбишь!
Не стоит волноваться!”

Наедине с собою
Подросток остаётся.
А вдруг своей бедою
Он просто захлебнётся?

Но мы же с вами – люди,
И это наши дети!
Мы перед Богом будем
Всегда за них в ответе!

Найдём ж для них крупицу
Заботы и участия,
Утрём с их щек слезинки,
Разделим их ненастья.

Пусть дети наши знают:
Всегда мы будем рядом!
Пусть розы расцветают
Огромным пышным садом!

Росинки пусть сияют
Волшебным перламутром,
Ничто не омрачает
Пусть юной жизни утро!

ТАБУЕВА Тамара Вячеславовна,
студентка 4-го курса Южно-Уральского
государственного
медицинского университета
(участница конкурса из Шумихи)

МАМЕ

С серьезным видом, вкрадчиво и чётко,
Холодным голосом мурашки вызывая,
На кухне в полночь обсуждать чечётку,
В которой ничего не понимаем.

Придумывать свои слова, названия,
Фиксировать их в памяти, смеяться,
И по пути встречать в глазах признание.
Не находя, почти серьезно обижаться.

О важном, о высоком и прекрасном,
Обычно между делом и с улыбкой,
О выборе, о чувствах и опасном –
Поменьше, чтобы избежать ошибку.

Болтать и много думать по ночам.
Идти к мечтам не очень-то уверенно,
Быть честными и удивляться мелочам,
Учиться разуму и доброте немереной.

Быть близкими по-настоящему, по правде,
Не просто мамой с дочками по двадцать,
Одной конкретной искоркой во взгляде
От всех других на свете отличаться!

ЛАТЫНЬ МОТИВАЦИОННАЯ

По завещанию Декарта –
Cogito ergo sum,
И я несказанно рада
Тому, что в себе несу.
С мыслительной ленью воюя,
Все время учусь рассуждать
Я чувствую, что существую,
Мне нравится существовать.

A casu ad casum, бывает,
Лисой подкрадётся лень,
Я ей поддаюсь, но знаю,
Что завтра тяжёлый день.
А завтра – не день, а прелесть.
Мы будем учиться много,
Печально, что *vita brevis*,
Отрадно, что *ars longa*.

Per aspera ad astra
Я доберусь однажды
До цели своей прекрасной –
Мне это ужасно важно.

Неспешно и *bene placito*
Стремлюсь стать врачом хорошим,
Дорога уже открыта –
Я точно её не брошу!

Cogito ergo sum – мыслю, следовательно, существую
A casu ad casum – время от времени
Ars longa, vita brevis – искусство огромно, жизнь коротка
Per aspera ad astra – через тернии к звёздам
Bene placito – по доброй воле

ОТВЕТ МАЛЬЧИКУ
ОТ ЛИЦА ЗАМУЧИВШЕЙ ТОСКИ

И ты станешь когда-нибудь счастлив,
В полной мере, без всяких “но”.
Ты не будешь стараться значить
Больше
Тем, кто не нужен давно.

Ты не будешь сидеть ночами,
Перестраивая себя.
И покажется мелочами
Вся печаль, абсолютно вся.

И тогда мне не нужно станет
Приходить к тебе каждый вечер.
Это будет когда-то с нами.
Мы расстанемся – станет легче...

Обещаю – не буду, точно,
Наблюдать, разъедая тебя.
Только нужно – и даже срочно –
Отказаться от части себя.

И понять, когда буду я рядом,
Взглядом ненависти сверля,
Что ты сам и бываешь ядом,
Что ты сам – это есть я.

КУРЫЛЁВА
Ксения Владимировна,
студентка Курганского
государственного
университета,
факультет
“Зарубежная филология”

НЕ ИЩИТЕ

I

Один на один с бумагой,
Ощущая тревогу под кожей –
Но ведь надо, а может, не надо...
Заставляют слова до дрожи
Выводить рифму, словно присягу,
И одна с другою не схожа.
Я почувствую вновь отвагу,
Вы почувствуйте это тоже.
Один на один с бумагой –
Ручкой слово выводится сложно.
Значит, стоит писать, и надо
До мурашек, до финала, до дрожи.
Выйдет то, что всего дороже.

II

Не ищите меня в стихах,
Моей сущности в них не найдёте.
Как вы ищете знаки во снах,
Так меня ни за что не прочтёте.

Не ищите меня в каждой строчке.
Я пишу, закрываясь руками.

Мне не нужен такой переводчик,
Чтоб потом на меня все кивали.

Не ищите меня в звуках, в ритме.
Я истории жизни внимаю.
Не скоблите по стихам, словно бритвой,
Не себя я в них воспеваю.

ВЕЧЕР

За меня доскажут пальцы
Слову, мысли вопреки.
Мы, как серые страдальцы,
Заплываем за буйки.

Бесконечность нервных жестов
Выразить стремится то,
Что кому-то нету места
В сердце, где двойное дно.

Радость смешиваем с горем,
Пропасть путаем мы с высью.
Распрощаться, прыгнуть в море,
В море падающих листьев.

Ожидание старомодных
Долгих вечных перемен,
И не чувствуют свободно
Те, кто был когда-то смел.

За буйки не уплываем,
В листьях тонем каждый раз,
На себя наводим травлю
В предночной бессонный час.

За меня доскажут пальцы,
Если ты позволишь вплавь
До тебя хотя б добраться
И не думать о словах.

Щедро золото оставив,
Мчится время позабыв,
Что для нас нет этих правил –
Этот вечер для двоих.

Я СТАРАЮСЬ

Нахлебаться радости до тошноты,
В семь утра завтракать.
Идти куда-то, ждать темноты,
Чтобы вновь обливаться красками.

Наслаждаться луной ночью,
Чуть ли не выть, как волк.
Город погас, обесточен,
В спальном районе смолк.

А ты из диких: всё рвёшься,
Ждёшь чего-то, ждёшь зря.
Ты назад не вернёшься,
В прошлом не ждут тебя.

Толай ногами и криком
Режь темноту на куски,
В агонии красной и дикой
Сердце давит, сжимает виски.

Радость в печень готова
Проникнуть по каналам былым.
Пишешь свой текст не новый,
Корпус мертвецки пьян – и дым,

Дым повсюду. Радости нет.
В семь утра тяжело поднимаясь,
Ты один встречаешь рассвет.
И твердишь:
я исправлюсь, смотри, я стараюсь.

МИМО

Это небо ветками вспорото,
В пробке вновь не видать пути.
Эти шумные вопли города
Разрывают, что есть внутри.

А над нами летают птицы,
Не знакома им наша среда,
Где погода плохая, и злиться
Нам хочется день ото дня.

И небо замазано тучами,
Как маляр на седьмом этаже
Потолок штукатуркой мучает,
А ведь в этом нет смысла уже.

Прочирикала птичка неслышно
Что-то вскользь, говоря о любви.
Это то, без чего мы не дышим.
Это то, о чём мы молчим.

На крыше квартирных блоков,
Растворяясь в туманном бреду,
Выжимают последние соки
Из цветов, что живут не в саду...

А учитель в окне старой школы
Так уныло в небо глядит.
Эти дети совсем не готовы
Ни мир, ни себя полюбить.

Солнце тёплым потоком ударит
И заставит проснуться на миг.
Жаль, что счастье сегодня не дарят,
Его можно только купить.

СОЗДАВАТЬ

Зажевало, как молнию на куртке.
Заживёт ещё, дай переждать.
Под батареей, как всегда, окурки,
И осень – жадная особа, без тепла.

Она раскинет листья величаво,
А ты иди, прижмись к плите.
И золотом, по мне, лишь замарала,
И сразу скрасила спесиво, не по мне.

А недовольным быть легко. Простые
Вещи делать сложными. Не виноват,
А виноваты лишь другие.
И в отражении как будто староват.

Ты староват с начала строчки вы-
писывать по новой жизни главы.
И в ожидании бессмысленной зимы,
Мы осенью готовы – умираем.

Нас усыпляет грусть, тоска, простуда...
Зимой о чувствах забываем, к лету
Они проснутся вновь, и я не буду
Жалеть, что ты не рядом был, а где-то.

И вот толпа спешащих листьев –
Людей, загруженных делами.
Не всем считать отписки и подписки,
И не для каждого жизнь – карнавал.

Ведь нужно, чтобы что-то создавали...
Ведь нужно, чтобы кто-то создавал!

ПОСЛЕ

“Что останется после тебя?” –
Задаёшь мне внезапно вопрос.
Что сказать? Может, проще соврать?
Может, я ещё не дорос
Говорить, что оставлю я тут.
После долгих скитаний по свету.
Может, книгу мою издадут,
Но я сам не горланю об этом.
Может, в душах людей моих близких
Я оставлю улыбку и свет,
И мгновений прекрасных и быстрых,
И объятий, и строчек букет.
Может, я напишу картину,
Что заставит людей помолчать
И подумать о том, кем мы были
До того, как привыкли ворчать.
Может, мне удастся полётом
В танце вновь возродить себя.
Может, я побегу галопом
Через страны и города.
Всё потом, всё потом, а сейчас
Я оставлю тетрадь эту возле...
Что останется после меня?
Я отвечаю в конце, где-то после.

БЕЛОВИК

Делать надо сейчас и набело:
В жизни нет черновиков,
Как бы время у себя мы ни грабили,
Как ни тратили б тысячи слов.

“Жизнь одна”, – говорю я приятелям.
Сам о том забываю, а зря...
Я бы мог стать хорошим писателем,
И писал бы о далёких краях.

Бросить всё на корню, вспомнить молодость...
Так хотелось бы вырвать главу
И морить себя праведным голодом,
Чтоб влюбились глаза в синеву.

Ту главу новым почерком выстрочить,
Да учесть бы ошибки свои.
Только нет черновых глав на выдаче.
Жизнь – одна, беловик, ты учти.

ЖИЗНЬ – МИГ

В моей комнате пахнет маем,
На постели – роз лепестки.
В сердце льдинки последние тают,
Голубые цветут васильки.

В танце-джайв сплетаются шторы,
По-особому ветер летит,
Расправляет он крылья с задором,
Наравне с ним летят соловьи.

В моей комнате душно, но сладко.
Пред дождём наполняется зал.
Раздают тут билеты бесплатно,
Даже если ты вдруг опоздал.

На сплетении тёмной лозы
Отражается радуги цвет
И сверканье небесной слезы,
Тополиного пуха балет.

На рассвете поют птицы звонко
О свободе, красоте и любви.
Ты живи не тихо, не громко,
Так, как ты хочешь, миг проживи.

ТАКОВЫ ОНИ

Пуститься в пляс, уйти из дома,
Побыть на стуже и в тепле,
Узнать всё то, что незнакомо,
Попробовать писать во мгле.

Питаться красотой улиц,
Забиться в полуночной тьме,
Укрыться от летящей пули
И сочинять даже во сне.

Побыть на дне и вновь вернуться,
На пьедестал взойти опять.
Нахмуриться и улыбнуться,
И всё писать, писать, писать.

Увидеть молнии разряд,
Пить кофе в полной тишине.
Поэт пытается узнать,
Понять и описать в стихе.

Глазами многое считает,
Увидит то, чего и нет.
Он познаёт, он открывает.
Таков прозаик и поэт.

ПОБЕДИТЕЛИ
В ЧОМПИЦАЦИИ
"ПРОЗА"

ПЕТРИЧЕНКО Софья Николаевна,
ученица 6 “Б” класса школы № 95 города Кургана

Наставник – Ефименко Елена Анатольевна

КРАСОТА ТВОЕГО МИРА

Глава 1. Изменится и жизнь

Калининград... Один из самых красивых городов мира! По крайней мере, так говорила бабушка Юры.

2085 год. Пятнадцатилетний мальчик Юра Кривин. Учился в восьмом “Г”, отличник... почти. Белые волосы, светлая кожа, свитер, джинсы. Всё как обычно. Только читает много, из-за чего не понимают его сверстники. “Ты что, какие книги!.. На улице почти двадцать второй век, а ты с книжкой ходишь в обнимку? Вот и нет у тебя ни друзей, ни подруги!”.

Из-за фамилии Кривин часто ловил насмешки в свой адрес, но в ответ отводил взгляд и просто улыбался. Потому что знал – насмешники не изменятся, а так и останутся в дураках.

Болел Юра часто, ещё с детства. Поэтому сваливал участвовавшие головные боли на слабый иммунитет и на то, что много работает и читает. По ночам сидел за книжкой или учебником по алгебре, которая так и не давалась нашему герою-полуночнику. Родители работают сутками, хотят, чтобы Юра стал адвокатом. Глупо, не так ли? Сколько лет прошло с детства его бабушки, а мнение и репутация у родителей на первом месте, как и всегда...

Пока в один прекрасный момент ...

Глава 2. Джура

“Сегодня так жарко!” – уже хотел закричать Юра, но вовремя осознал, что сидит на уроке. Вдруг в класс ворвался парень примерно того же возраста, что и все сидящие здесь (учитель не в счёт – учителя всегда не в счёт).

– Здравствуйте, мои новые одноклассники! Я так рад, что наконец вас нашёл! – произнес громким голосом высокий парень.

Было видно, что он запыхался и очень устал. В классе пошёл шепоток, постепенно набирающий силу, и вот уже – шум, гам, смешки. После нескольких минут выяснений нюансов с учителем новичок всё же сел, но ненадолго. Прозвенел звонок. Все пошли на следующий урок, а Юра за-

держался у учителя: они всегда находили темы для бесед на переменах. Новичок решил подойти к Юре. Наш герой повернулся и немного оробел.

– Привет! Меня зовут Вергессем, а тебя? – очень вежливо спросил тот.

Юру бросило в дрожь от неожиданной вежливости.

– Меня зовут Юра, – слишком громко от смущения сказал он.

– Извини, что так прямо, но... тебе нравятся книги? Да?..

– Точно в цель попал, Вергессем.

– Да!.. – Вергессем рассмеялся достаточно добродушно, а Юра Кривин промолчал и в душе тоже улыбнулся (ведь он подумал, что и новенький начнёт над этим шутить, но по мимике Вергессена было понятно – ему можно доверять).

– Юра... так ведь тебя зовут, да? Читал Гюнтера Грасса?

– Совсем недавно, а что? Подожди... откуда ты его знаешь? Он же писал ещё в двадцатом веке?

Удивлённый Джюра начал спрашивать своего собеседника о Гюнтере Грассе. Так у них и завязался разговор. Всю перемену они говорили о сравнительно небольшой популярности Грасса за пределами Германии. Позже выяснилось, что у них схожие вкусы в литературе.

Так и подружились Юра и Верс. Общались они на протяжении трёх месяцев. За это время Джюра узнал многое о том, как дружить, а Верс – о том, как улучшить свои оценки и успеваемость.

Глава 3. Правда или ложь

Что теперь делать? Вторник. Апрель. Кустарники – символы весны – скоро зацветут, в особенности сирень! Пенные пузырьки её лиловых люстр, источающие запах мая, не могут сделать счастливым лишь бездушного... Жаль, что зацветёт она только в мае.

– Скамейка в Парке Скульптуры, свежий воздух, солнце, книга и лучший друг, который позвал гулять! – говорил Юра сам с собой. – *Nie zysie, ale bajka* (польск.: *“не жизнь, а сказка”*). Интересно только – зачем так резко и настойчиво уговаривал?.. – Эти мысли не давали Джуре покоя, но как раз пришёл Вергессем. Все сомнения и мысли улетели от доброго выражения лица друга.

– Хорошо, что ты пришёл, а то я уже занервничал, – сказал Юра.

– Всё нормально, – весело и бодро сказал Верс. – Только у меня к тебе разговор, Юр. – Весёлость из голоса пропала, а на лбу появилась вертикальная бороздочка.

– Что? – Юра вскинул брови и тряхнул белобрысой чёлкой.

– Тут такое дело... Ты немного болен, понимаешь? – сказал, не поднимая глаз, Вергессем.

– Что? Не понимаю, болен я не больше обычного, друг. Да и кто не болен весной?

Верс молчал....Он сидел на скамейке, смотрел вниз на асфальт – даже не смотрел, а уставился в точку асфальта, словно разделяя её взглядом на атомы, и болтал одной ногой. Молчание затянулось.

– Ну и чем же я болен, м-м-м? – Юра замычал, схватился двумя руками за горло и стал закатывать глаза, забавно высунув язык.

Но друг шутки не подержал.

– Ты болен коремией.

– Что это? Никогда не слышал, – сказал тот.

– Коремия сама по себе – болезнь неприятная. Её часто сравнивают с амнезией или чем-то в этом роде, – объяснил Вергессем Юре. – В возрасте примерно семи лет мальчики начинают забывать... не всё, а какие-то короткие эпизоды жизни. С мозгом происходит что-то. Знаешь, а ведь с коремией не доживают до 16 лет.

– Ну ясно, – сказал Юрчик. Но было совершенно неясно. С одной стороны – он понял, почему головные боли так усилились, почему он не помнит того, о чём рассказывают родители, почему исчез сон... Но слово «коремия» казалось совершенно неизвестным. Это розыгрыш! Его друг просто заигрался.

– Не бойся только, хорошо? – Вергессем был серьёзен как никогда.

– Ты говоришь так, будто мне семь лет! – После слов Вергессема у Юры стало немного странно в голове. Мысли путались, шумели, мешали. В итоге Верс это заметил и предложил разойтись по домам. Джура согласился.

Он молча открыл входную дверь, скинул обувь и прямо в джинсах упал на свой диван... Он давно так крепко не спал.

Глава 4. Ты не местный?

Сон... Куда же наша душа попадает, когда мы засыпаем? Никто не знает. Возможно, скоро узнает Юра?..

Проснулся он рано утром. Было часов семь. Первое, что он понял, – было не так темно. Что-то было не так. Всё было по-другому! Да, кровать другая... откуда вообще кровать?.. Сенсорного компьютера нет, комната вся другая! Юра подошёл к окну. Совсем другой вид! Красивые улицы – и такие узкие, что две машины чуть ли не трутся друг о друга боками. Здание из огненного кирпича. Маленькие красивые трамвайчики, старые машины. «Какой же сейчас год? Где я? – думал Джура. – Это точно мой город и мой дом?» Перед окном пролетело очень странное существо, затем ещё одно и ещё. Они были почти прозрачные, разных цветов,

и очень-очень большие! Их было много, они летали или парили... не так уж и важно! Они были такие красивые, сказочно прекрасные!

Спустя некоторое время наш герой решил пойти на улицу. Мало ли...

Погода была прекрасна. Юра долгое время гулял по улицам его родного, но незнаваемого города. В киоске Юра увидел газету, на которой был обозначен 2029 год...

«Я в прошлом? Всё так было раньше? Это намного лучше, чем сейчас... то есть в будущем», – подумалось ему. Он случайно завернул не в самый приятный из районов. Увидел там, как девушка с длинными каштановыми волосами, собранными в конский хвост, стоит и, широко и быстро жестикулируя, нервно шепчет что-то неопрятно одетому помятому мужчине. Она протягивала пакет, из которого торчал багет, а небритый мужчина смотрел на нее грустным потухшим взглядом. «Достоинства какая-то», – мелькнуло у Юры в сознании.

Юра решил подойти и поздороваться – а попутно и уточнить, не греется ли ему.

– Извините, девушка... Не подскажите, какой сейчас год? – спросил он.

– Две тысячи двадцать девятый. А вам зачем?

– Как это так-то?.. – в недоумении выпалил юноша.

Девушка очень странно на него смотрела.

– Ты не здешний? Ты откуда вообще взялся-то? – очень даже грубо спросила девушка. Я здесь живу с детства. Родители – точнее, мама – приехала из Польши в Россию, как её мать, то есть моя бабушка. Сложно, да?

– Нет, ani kopolі (*ни каппи*), – попытался блеснуть польским наш гость из будущего.

– Ты тоже знаешь польский? Здорово-то как! Пошли, я тебе город покажу? – засветилась вдруг девушка.

Так они узнали имена друг друга. Девушку звали Марина. Она заметно отличалась от всех знакомых Юрия своей решительностью и прямолинейностью. В голубых, с едва заметными изумрудными вкраплениями глазах, казалось, можно утонуть. А волосы цвета пшена на солнце отлично подходили к её светлой коже и алым губам.

После выяснилось, что Марина, как и Юра, с самого детства живёт в Калининграде. Правда, ей не так сильно нравились книги и чтение, но она очень хорошо знала историю своего города. Марина часто гуляла по городу до поздней ночи. Она с лёгкостью могла рассказать, как Калининград был Кёнигсбергом, показать исторические памятники, площадь Василевского, набережную и, конечно, рассказать об Иммануиле Канте.

Свежий и немного прохладный ветерок разносил запахи цветов, а больше всего ощущался аромат сирени. Её было много не только

на окраинах, но и на центральных улицах. Мелкие лопающиеся пузырьки сиреневых гроздьев словно облаком окутали город. Юра и Марина долго гуляли. Молодые люди неоднократно встречали тех существ, парящих в небе. Больше всего они напоминали Юре Чеширского кота из старого мультфильма Уолта Диснея про Алису. Без крыльев, похожие на облака, с мягкими лапами и жёлтыми глазницами.

– Марина, кто эти существа? Откуда они? – спросил Юра.

Девушка сразу изменилась в лице. На нём отразились небывалый ужас и беспомощность.

– Как тебе сказать, Юра, это сложно объяснить.

– Пожалуйста, попытайся, и я пойму, – Юра сжал её холодную ладонь в своей.

– Всё началось три года назад... Тогда они просто... *появились*. Никто и не знал, откуда, зачем, почему именно здесь. Мы стали считать их духами. По сути, так и есть. Иногда говорят, что они пришли помочь людям и самой Природе... – Марина замолчала и остановилась, глядя на гладь водоёма, мимо которого они проходили. – Знаешь, они не опасные... И добрые, и чуткие, и совершенно безвредные... А люди используют их в ужасных делах... – На её глаза вдруг навернулись слёзы.

Юра понимающе кивал и долго успокаивал Марину, однако совесть мучила его, и неприязнь к самому себе росла где-то в районе позвоночника, пробегая холодком по спине. Он мысленно просил прощения у Марины, но не решался раскрыть рта. Сам не знал, за что он просит прощения.

До позднего вечера ребята гуляли. Марина оказалась болтливой и очень ранимой, её брови постоянно поднимались от удивления или радости, модальность голоса менялась от темы к теме, а из глаз просто лились потоки света. Как выяснилось, Марина играла на скрипке – прекрасно играла! Когда она рассказывала об инструменте, любимых мелодиях, глаза сверкали синими искрами. Ещё она много читала (предпочитала фантастику), любила зелёный чай с мятой, подрабатывала в кафе уборщицей.

– Просто... просто мама у нас уехала в другую жизнь, у неё новый муж в Европе, а папа грустит и часто выпивает. Меня не вывезти – он разрешения не дал, да и, знаешь... я и не хочу. Было время, когда я жила в социальном центре, папа тогда сильно пил. Мне казалось, что там я была счастлива... Да я и здесь счастлива. Как можно быть живой и не счастливой?

Глава 5. Опасные знания

Запах подгоревшей яичницы Юра почувствовал ещё у входной двери. Ноги с раннего утра сами вели его к ЕЁ дому. Она открыла дверь. Немного взъерошенные волосы, собранные в непонятную “кулю”, делали Маринку забавной и ребячливой.

Пока они молча смотрели друг на друга, из кухни потянуло запахом пережаренной яичницы.

– Марина, у тебя там... Пожар?

– Это наш завтрак! Проходи, угощу. Как спалось?

– Хорошо. А завтрак... Скажи, я точно не умру? Такой дым...

– Как хочешь. Можно и без завтрака.

– Я буду, буду! – практически закричал Юра. Он вдруг понял, что обижает Марину. И готов съесть обуглившееся... что угодно – лишь бы войти в её дом.

После обеда Юра и Марина отправились в кафе. Марина должна была выполнить ежедневную работу, а Юра ждал её, сидя за столиком. Марина поставила перед ним чашку чая и положила старенькую записную книжку в синем клеёнчатом переплёте.

– Ты спрашивал про духов-существ. Откуда я столько про них знаю? Видишь ли, мои родители... Они учёными были. Папа изучал биологию, а мама – не знаю, что-то жутко сложное, генетику, что ли, – когда существа появились. Над ними стали проводить опыты. У нас даже дома парочка таких летала. Они как питомцы, но не едят и... Оберегают. Точно и не описать... Когда у тебя есть такой друг – ты не болеешь, не умираешь, хорошо себя чувствуешь. Но они же не прирученные. И их не приручить – только если сам дух тебя выберет. Мама выяснила, что они словно делят свою память с памятью человека, и если потом питомец уйдёт, то человек... он становится словно пустым. Он не помнит. Конечно, сильные мира сего захотели обладать такими существами. И начался хаос. Мамин НИИ был практически закрыт и засекречен. Но её коллеги не захотели поработать существ. Мы же даже не знаем, кто они и откуда. Кончилось всё тем, что ей пришлось бежать, её коллегам – тоже, а папа со мной маленькой остался. Он биолог, он просто изучал духов. Он думал, что это не опасно. Но однажды к нам ворвались какие-то люди в костюмах, с документами, спрашивали про маму, пугали, что меня отнимут, и отец, чтобы меня оставили дома, отдал своего духа, Мура (его так звали). Теперь мы не знаем, где Мур, а папа... папа много пьёт и мало помнит. Он даже дорогу домой не помнит. Мур унёс память. Ты почитай мамини записи.

Юра погрузился в изучение истории существ и не заметил, как Мари-

на закончила работу.

– Пойдём посмотреть набережную ночью? – вдруг услышал он Мари-нин вопрос.

– А это... можно?.. – удивился Юра. – Тебя не потеряют?..

– Думаю, что можно. Да мы ничего дурного и не совершим. А набережная в свете фонарей прекрасна.

Ночь была очень холодной. Полнолуние. Юра долго рассказывал Марине про свою болезнь – головные боли, провалы в памяти.

– Юра, но ведь каремия возникает лишь у тех, кто родился под покровительством духа, а потом дух потерял с ним связь. Мы – ровесники. Ты не можешь ей болеть. Мама об этом тоже писала в тетради, – возразила Марина.

И только тогда, глядя, как в полупрозрачных телах существ видна Луна, как серебрится водная гладь, Юра понял, что забыл записную книжку в кафе. Сердце сжалось, но рассказать о своей катастрофической оплошности он не решился.

Глава 6. Свет

Когда наши герои уже собирались домой, над ними пролетел вертолёт с огромной сеткой, которой он собирал существ. Те метались, словно рыбы в садке, не плакали, не кричали, но их глаза были полны ужаса. Вертолётов было уже несколько.

Марина резко повернулась к Юре и спросила:

– Мамин блокнот! Где он?.. – Руки её дрожали.

– Прости, – только и промолвил Юра.

– Надо бежать! – И без лишних слов Марина пустилась в сторону леса.

Они бежали в кромешной тьме вековых деревьев, но маленький яркий огонёк привлёк их внимание. Ребята двинулись прямо по направлению к свету. Шли быстро. Передвигались в темноте достаточно решительно – только всю картину нарушило то, что Юра несколько раз споткнулся. Когда они пришли к месту, откуда исходил свет, то заметили небольшую яму. В ней лежал кристалл размером с кулак, красиво переливаясь в собственном свете. А рядом с кристаллом были видны тени существ – правда, были они не такими, как все остальные. Меньше и еще прозрачнее, словно пустая оболочка. Они были... бездушными?..

– Интересно, что это такое?

– Я знаю, что это, – сказала Марина.

Юра молчал. Было видно, что он и сам знал – или хотя бы догадывался об этом. Он вспомнил, что рассказывала ему Марина – но то, как она это делала, было странно. Можно было подумать, что она всё меняла

местами – но зачем, Юра не знал. Марина спустилась к кристаллу. Взяла в руки и со всей силы попыталась разбить его. Он разбился на осколки. Пару секунд простояла тишина, а потом...

– Ты такая сильная... Ты точно девушка? – задавал вопросы Юра.

– Дурак... Пошли, я руки порезала.

– Пошли.

И они молча пошли в город.

Домой вернулись под утро. Юра помог Марине обработать раны, а потом оба легли спать.

Проснулись в четыре дня. Марина выглянула в окно, но существ не было. Ни одного. Юра сделал чай. Они посидели у окна, поговорили о детстве Марины, о музыке, о книгах; Юра посоветовал Марине несколько своих любимых книг. Всё было будто бы хорошо. Про существ словно договорились не вспоминать. Однако за окнами было пусто. Девочка плохо себя чувствовала. Очень плохо.

– Знаешь, я посплю.

Марина легла на диван, сжалась в комочек и уснула. Сколько она спала – неизвестно. Но когда проснулась – не нашла Юру. Ни записки, ни неприкрытой двери. Словно его и не было никогда. Она осталась одна.

Глава 7. Я тебя не знаю

Утро. Юра проснулся в своей комнате. Всё как обычно. Слишком обычно. Голова только не болела. Он оделся, собрал вещи и пошёл в школу. Вышел за час до уроков, думал, что там его будет ждать единственный друг.

– Верс! Привет! – прокричал ему Юра, пока бежал.

Никакой реакции. Подойдя ближе к Версу, он ещё раз поздоровался. Юра протянул ему руку с улыбкой.

– Прости, мы знакомы?

– Ой, простите, я наверно вас спутал с другим человеком.

– Да ладно? Поверил? – с улыбкой произнёс Верс и засмеялся.

– Ну как ты? – спросил он Юру. – Не болеешь?

– Нет, вроде. Кстати, а почему всё так изменилось?

– Ты о чём?

– Ну, всё такое яркое, на зданиях рисунки, везде цветы ...

– Всё-таки болеешь, да? Юра, ты чего? Так всегда было. Вчера тоже.

Не выспался, что ли?

– Похоже.

– Слушай, как тебе идея сходить в кафе после школы?

– Хорошо, давай.

После уроков они сидели в кафе и разговаривали. Юра узнал это кафе. Узнал и столик, за которым ждал Марину, и на котором оставил ту записную книжку. Из служебного помещения вышла интеллигентного вида женщина с пышными каштановыми волосами. На вид ей было около шестидесяти лет. Она что-то строго говорила администратору кафе. И вдруг ее взгляд остановился на двух подростках. Рука разжалась, и из неё выпал смартфон. Женщина подошла ближе, присмотрелась к ребятам и дрожащим голосом произнесла:

– Юра, какой сейчас год? Ты... Ты теперь здоров?..

ШАБАЛИН
Андрей Иванович,
ученик 5 “А” класса
гимназии № 31
города Кургана

Наставник – Штейнбок
Елена Михайловна

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Данный рассказ является вымышленным,
а любые совпадения – просто случайность.

17 марта 2020 года вдруг и совершенно неожиданно для меня началось дистанционное обучение. Сказать, что я не понял, как учиться на «дистанте», – не сказать об этом ничего. Вот представьте: вы учитесь в четвёртом классе в обычной (хоть и одной из лучших) гимназий вашего города, ждёте весенних каникул, думаете о том, как будете писать ВПР и как в мае пойдёте на выпускной начальной школы, – и вдруг этого ничего нет. Просто нет. Всё отменили. Всё, что теперь нам осталось, – сидеть у компьютера и привыкать учиться онлайн в дистанционном формате каждый день. Было непросто! И то, что на самом деле было не таким большим и сложным, мне казалось почти невыполнимым...

От пережитого я начал вести дневник, где постарался записать, как я увидел дистанционное обучение... Не всё было гладко, но это вы и сами можете увидеть.

Из дневника на дистанционке...

День 1. Понедельник. Дистанционный урок

Учитель: Ребята, сегодня начинается дистанционное обучение. В первый день занятий я вам ничего не задам.

Я ответил: Ура, ура, ура!

Учитель: Позанимайтесь своими делами, а потом постепенно будем увеличивать нагрузку.

День 2. Вторник. Дистанционный урок

Учитель: Сегодня, ребята, я задала вам десять страниц по математике, а на каждой странице – минимум три номера.

Я ответил: Почему так много?! Я думал, постепенно будем нагрузку увеличивать!

Учитель: Ещё по русскому языку задала написать сочинение про дистанционное обучение, а по литературе – прочитать и составить краткий пересказ того, что мы прошли за четыре года.

Я ответил: Ох... Сколько домашнего задания!

Вот тебе и “постепенно увеличили нагрузку”...

День 3. Среда. Дистанционный урок английского языка

Учитель английского: Hello!

Мы (классом): Good morning!

Учитель английского: Сегодня, в честь первого урока английского онлайн, я вам задам выучить наизусть всего три песни по десять строчек.

(Блинчик, пончик, оладушек!!! Как я это всё выучу?!)

Учитель английского: Пока вспомним, что мы проходили раньше. Будет отвечать Шабалин Андрей.

Я ответил: Сигнал пропал!

(Ха! Да, я тут самый умный! Так я успел подумать, пока...)

Учитель английского: Я забыла вам сказать: у кого прерывается сигнал, когда я его спрашиваю, – тому автоматически идёт “два”!

(Так! Главное, чтобы родители ничего не узнали – тогда я смогу сидеть нормально.)

Учитель английского: Я вам, ребята, ничего не задаю (кроме трёх песен), но Шабалину надо выучить произношение и правописание всех слов на последних страницах учебника, которые мы повторили.

(Тут даже мой внутренний голос молчал...)

День 4. Четверг. Дистанционный урок музыки

Учитель музыки: Здравствуйте, ребята!

Мы: Здравствуйте!

Учительница музыки: Ребята, на сегодня я вам задавала выучить

песню “Самоизоляция”. И так, первым песню будет петь...

(Хоть бы не я, хоть бы не я!)

Учитель музыки: Данил будет петь песню “Самоизоляция”.

Данил: Извините, но я учил песню “Весёлые качели”.

Учитель музыки: Ладно, Данил. На первый раз прощаю, но в следующий раз я никому не буду делать поблажки.

Данил (шёпотом): Yes!

Учитель музыки: И так, следующим будет петь...

(Хоть бы не я! Если спросят меня, то скажу, что учил песню “Любимка”...)

Учитель музыки: ...и так, петь будет Кирилл!

Кирилл: “Самоизоляция-я-я-я... Самоизоляция – когда запира-а-а-ешь, когда заключа-а-а-ешь в квартире ты сам себя-я-я-я-я”....

Учитель музыки: Стоп! Кирилл, “пять”!

Кирилл (шёпотом): Да, да, да!

Учитель музыки: И так, достаточно...

(Фу-у... пронесло!..)

Учитель музыки: ...Хотя нет, ещё недостаточно. Шабалин, я слушаю!

Я ответил: “Самоизоляция, самоизоляция ... э-э... мэ-э...вэ-э...”

Учитель музыки: Я слушаю!

Я ответил: Извините, пожалуйста, я учил другую...

Учитель музыки: Не хочу слушать извинения. Садись, “два”!

(Ну, я и так сидел, вроде...)

День 5. Пятница. Дистанционный урок физкультуры

Учитель физкультуры: Ребята, всем здравствуйте!

Мы: Здрав-ствуй-те!..

Учитель физкультуры: Сколько раз я вам говорила – здороваться не “здрав-ствуй-те”, а “здрав”!

Мы: Здрав!..

Учитель физкультуры: Вот так правильно! И сегодня на уроке мы – точнее, вы – будете подтягиваться!

(Ха! Скажу, что у меня дома нет турника, а то как-то не хочется позориться перед всем классом! Точно, так и скажу: у меня нет турника!)

Я ответил: Марья Ивановна, у меня нет турника дома!

Учитель физкультуры: ...Хорошо, Андрей! Я забыла сказать: у кого нет турника – будет отжиматься. ВЕДЬ ПОЛ У ВСЕХ ЖЕ ЕСТЬ?.. А ну-ка, Шабалин, упор лёжа – и двадцать пять отжиманий!

Я ответил: Один... фу-у... Два-а... Всё!..

Учитель физкультуры: Кто сколько раз отожмётся – тому и такая оценка.

Шабалин, сколько отжался?

(Ну, я отжался два раза, но скажу, что двадцать.)

Громко ответил: Двадцать раз, Марья Ивановна!

Учительница физкультуры: Шабалин, я всё видела! Ты отжался не двадцать раз, а только два, и поэтому ты получаешь “два”!

(Ну... пятая двойка за неделю!!!)

День 6. Суббота

Наконец-то выходной! И так, сегодня я буду делать... Так, что я сегодня буду делать?.. А, точно – буду гулять до ночи!

Я сказал маме: Мама, я пошёл во двор!

Мама: Сынок, а ты не забыл, что сейчас самоизоляция? Ты же учил песню?..

Я ответил: Точно. Сейчас дома нужно быть! И что я буду делать, мама?

Мама: Уберись в комнате. Или помоги мне по дому или картошку почисти.

Я ответил: Ну, мам...

Мама: Никаких “мам”! Быстро пошёл есть кашу, пока она ещё есть в магазинах!

Я ответил: Гречка?! Мам, я не люблю гречку, я люблю манную кашу!

Мама: Так, я что-то не поняла! Гречки сейчас в магазинах дефицит, а ты есть её не хочешь! А ну-ка быстро взял и съел! Когда я приду, чтобы гречки не было в тарелке!

Я ответил: Ну ладно, сейчас съем!

(Через несколько минут...)

Мама: Какой ты молодец, что всю гречку съел! За это можешь поиграть в компьютер! И помни про уроки!..

(Через несколько часов...)

Ура! Всё, я наигрался! Сколько сейчас времени? 23:00? Стоп... Одиннадцать вечера?! Я что, весь день проиграл в компьютер?! Ну, ладно, это неважно, сейчас пойду спать!

День 7. Воскресенье

Уже 14:00 дня? Я что – спал пятнадцать часов?.. Да ладно, это тоже неважно – ведь я сегодня буду опять играть в компьютер! Мама с папой уехали на дачу!

Ну всё! Поиграл восемь часов и хватит, пожалуй. О! Уже и мама с папой вернулись!

Мама: Сынок, а ты сделал уроки?

Я ответил: Ну да...

Мама: О! Учительница твоя звонит!

(Из телефонной трубки доносился знакомый голос...)

Учительница Андрея: Здравствуйте, Ольга! У вашего сына за пять дней пять двоек!

Мама: Да не может того быть! Он про Кирилла и про Данила рассказывал, что у них по пять двоек за неделю! А про себя говорил, что у него две пятёрки за неделю.

Учительница Андрея: Нет, Ольга, – у Данила и Кирилла одни пятёрки! И почему Андрей не делает домашнюю работу?

Мама: Он сказал, что делал её весь день! Или.. тоже обманул?..

Учительница Андрея: Примите необходимые меры! До свидания!

Мама: До свидания...

Я сказа маме: Мама, я всё объясню!

Мама: Ты мне уже всё объяснил! Ждем папу.

А я остался с нетерпением ждать папу. Так закончилась моя первая неделя дистанционного обучения. На второй неделе “дистанта” дневник вести я уже не успевал...

P. S.: Каждый школьник мечтал, чтобы каждый день с самого утра можно было бы сидеть у компьютера! Это была и моя мечта! И ещё я мечтал не ходить в школу. Но когда моя мечта сбылась, реальность оказалась другой. Мечтайте разумно!

ВАСИЛЬЕВА
Екатерина Владимировна,
ученица 5 “В” класса
Мишкинской средней школы

Наставник – Криваль Виктория
Владимировна

ДРУЗЬЯ

Жили-были два медвежонка – Миша и Пушистик. Миша был среднего размера, фиолетового цвета, а Пушистик был большой, оранжевого цвета.

Жили Миша и Пушистик в Сказочной стране, в жёлтеньком замке, пятиэтажном, с семью башенками. Страна называется Сказколенд. Страна прекрасна! В ней жили различные животные – такие, как слоны, собачки, кошечки, медвежата, обезьяны, барашки, ещё дельфины и киты.

В Сказколенде очень много морей, рек и озёр. В них обычно и купались Пушистик и Миша. Миша с Пушистиком очень игривые и очень любят купаться! В воде они проводят всё свободное время. Любят медвежата пополоскаться, понырять и поплавать! Оба они прекрасно плавали, а ещё хорошо плавал их друг Панди. Они все трое играли в воде. Кроме Панди у Миши и Пушистика есть ещё один друг – Диля. Она была дельфином и тоже, как и Панди, играла на море с Мишей и Пушистиком и катала их на себе.

После купания Пушистик вместе с Мишей шли к другим друзьям. У них ещё были два друга-торговца – кролик Роджер и свинка Пухля – и одна подружка, обезьянка Жужа.

Роджер продавал морковь и картошку, Пухля – трюфели и кукурузу, а Жужа – разные фрукты: манго, бананы, чиа, тропические дыни, арбузы, апельсины и виноград. Миша и Пушистик купили кукурузу, картошку, трюфели, манго, банан, чиа, арбуз, виноград и дыню. Потом они пошли к пингвину Пинги за мороженым, а затем отправились домой.

По дороге Миша и Пушистик встретили слона Филю. Он довёз друзей до их замка.

Комната Миши и Пушистика хороша! У каждого есть своя мебель: стол, стул, шкаф, стеллаж и кровать с навесом. Стены в комнате –

зелёные, ковёр – большой, бирюзовый. У Миши кровать оранжевая, а у Пушистика – фиолетовая, шкафы – радужные, стеллажи – жёлтые, столы и стулья – голубые.

Они переоделись и пошли на кухню готовить обед. Мишки сытно покушали и отправились в игровую на пятый этаж. Друзья очень любят играть вместе. После игры Пушистик и Миша ушли на третий этаж – в оранжерею – поливать свои растения и цветы. На втором этаже находились кухня и фазенда с бассейном.

Миша и Пушистик пригласили вечером в гости друзей – кошку Китти и собаку Арчи, – поэтому им нужно было приготовить угощение. Миша и Пушистик решили сделать фруктовый салат, сварить кукурузу и что-нибудь из трюфелей.

Гости пришли, и все четверо друзей пошли плавать в бассейн. Накупавшись, все сели за стол. Китти и Арчи очень понравилось угощение. Они ещё немножко поиграли и ушли домой.

Миша и Пушистик убрали со стола, прибрали на кухне, навели порядок в доме и полюбовались сказочным закатом.

Наступала ночь, пришло время спать. Медвежата почистили зубки, поднялись в свою сказочную комнату, завесили шторы и улеглись спать.

Вот так поживают мои сказочные герои! В моих фантазиях и в моих снах всегда со мной рядом эти два замечательных медведя!

А завтра я обязательно придумаю новую счастливую историю про моих друзей....

КОРОТОВСКИХ
Алиса Маратовна,
ученица 11 “Б” класса
гимназии № 27 города Кургана

КЛАСС ЖИВОПИСИ

А случилось всё, как оказалось потом, из-за того, что в среду с занятия отпустили на полчаса раньше.

На дверях небольшого, насквозь пропахшего тонким запахом красок кабинета скромной художественной школы висела красивая лакированная табличка, на которой сияла гордая надпись: “Класс живописи”. Но это название (оказавшееся здесь в какие-то незапамятные времена, когда школе только выделили это помещение) было совершенно бесполезно – поскольку все знали, что находится за этой дверью вовсе не класс живописи, а кабинет Аллы Дмитриевны и её третьеклассников, предназначенный и для живописи, и для всех остальных учебных дисциплин. Но табличка висела здесь уже целую сотню лет и вовсе не располагала к тому, чтобы кто-нибудь когда-нибудь её убрал. Поэтому Оленька, приходя в школу каждый понедельник, среду и пятницу, с невольным уважением глядела на её непоколебимую уверенность в собственной необходимости и едва заметно кивала, будто бы здороваясь, как при встрече со старым знакомым.

В кабинете живописи говорили (не забывая при этом приправлять колкими насмешками торжество некоего превосходства, неизменно сопутствующего подобным беседам) о наигранно трагичных ссорах, обманах, пустых интригах, чьих-то чужих встречах и расставаниях, а больше всего – об Илье, единственном мальчике в их классе. Небольшая пёстрая кучка из четырёх-пяти девчонок, занимавших на уроках ближайšie к нему места и смеявшихся над его часто совсем неудачными шутками залившимся громким смехом, не упускали ни единой возможности обсудить объект их внимания, когда он пропускал занятия

или просто выходил на перемене из класса. Кажется, его считали очень симпатичным и невероятно привлекательным во всех смыслах, хотя никогда не приводили конкретных положительных качеств, коими он, по их мнению, обладал, – но Оле такие разговоры были интересны меньше всего. Сама она никогда не принимала участия в девичьей болтовне, звонким щебетом разливавшейся в классе, а лишь наблюдала, изредка узнавая для себя что-нибудь новое и забавное и не задумываясь над тем, хотелось ли бы ей присоединиться к обсуждению притворно равнодушным тоном очередных сплетен или высказыванию едких замечаний в сторону чьих-нибудь знакомых.

Гораздо больше ей нравилось, сидя за скрипящим мольбертом, рисовать в пухлом растрёпанном блокноте в клетку. Мама тысячу раз настойчиво предлагала купить специальный альбом с листами из хорошей плотной бумаги – наверняка, как думалось Оле, мягко и приятно шуршащей под пальцами, – но свои полюбившиеся девяносто шесть расчерченных листов были ей намного роднее и привычнее. Страницы любимого блокнота казались словно бы просторнее: иногда на краю листа клетка оканчивалась на своей середине, что предполагало, по убеждению Оленьки, её бесконечное продолжение за границами бумажной поверхности. Она рисовала на перемене яркими мягкими карандашами всё, что только приходило ей в голову или существовало вокруг: цветы, старые дома оттенка дождливых дней; белые, запачканные брызгами акварели шторы и вид за окном; деревья с кривыми ветвями, облака, низенькую оградку у школы, а ещё – людей, выдуманных и настоящих. Особенно здорово выходили те, которые окружали её в художественном классе, хотя их отражения в блокноте мало походили на свои реальные облики. Но зато каждый из них у Оли был изображён в красочных, многообразных оттенках одного цвета, выбор которого в соответствии с моделью и представлял для неё наибольший интерес. На бумаге в мелкую клетку день за днём появлялись неповторимые образы: Алла Дмитриевна с ярким широким платком, небрежно накинутым на плечи – насыщенно-красная, алая, как пламя жизни и бушующих страстей; тихая, молчаливая девочка, всегда сидящая в дальнем углу и редко радовавшая учителей удачными работами – бледно-зелёная, с болезненным голубоватым оттенком; стайка болтливых девчонок, переливавшихся, как маленькие рыбки, оттенками насыщенного жёлтого, изумрудного и приторно-розового, среди которых холодным пятном выделялся тонкий силуэт худенькой Вики, всегда видевшейся Оле в тёмных синих тонах. Запутанная, бесконечно разнообразная в своей неопределённости жизнь заключалась для Оленьки в небольшом блокноте, на страницах которого всё было простым и ясным, как цвет.

В среду сам воздух, прозрачный и солнечно-влажный, звучал пере-

ливчатым звоном весенней капели. Ранняя мартовская весна бежала с крыш непрерывной, нелепо весёлой мелодией сумасшедшего оркестра, охватившего тянущиеся к горизонту сырые улицы, и текла, текла, переливаясь быстрыми мелькающими бликами, вниз по тротуарам. В этот день Оленьке было как-то удивительно, до замирания сердца весело, когда она шла в тонких промокших ботинках по лужам вчерашнего снега, и хотелось только глядеть на всё большими, наивными, широко раскрытыми глазами и шагать дальше и дальше. Она даже задерживала на несколько мгновений дыхание, чтобы затем вдохнуть ещё больше теплюющей свежести и во весь объём лёгких погрузиться в едва заметные ароматы близкой весны, несущей с собой какое-то неопределённое, трепетное и сладкое ожидание...

Радостная сама не понимая от чего, Оленька сидела в классе за мольбертом, слушая произносимые серьёзным тоном наставительные речи Аллы Дмитриевны менее внимательно, чем обычно, – и пропустила момент, когда прозвучало сообщение о преждевременном окончании занятия. Помещение совершенно опустело за пару минут. Обрадованные неожиданном скорым концом урока, предоставившим целых полчаса лишнего свободного времени, девчонки с весёлым щебетом убрали краски, спеша покинуть школу, чтобы вдоволь насладиться первым днём настоящей весны. Торопясь, они неаккуратно мыли кисти, едва не роняли со стуком тяжёлые мольберты, и Оленька тоже спешила, складывая акварель в сумку, и тоже улыбалась, и ей тоже было так весело, торопливо, беспокойно и весело, весело...

Когда она вылетела на улицу, одним воздушным прыжком и взмахом тонких рук-крыльев миновав две ступеньки низкого разбитого крыльца, и замерла, почти не дыша, весь огромный сияющий мир вдруг раскинулся перед нею чистый, словно вода в хрустальных весенних ручьях, ярко блистающий и звеняще тихий, будто улыбающийся светлой и ясной улыбкой. Каждый шаг через лужи с опрокинутым небом в глубинах звучал лёгким, как дуновение свежего ветра, залиvistым смехом, принесённым весной из далёкого дивного края, где всегда светит тёплое бриллиантовое солнце и раздаются звонкие голоса птиц. Оля шла медленно, с пронзительной ясностью вглядываясь в давно знакомые пейзажи стареньких обветшалых домов и деревьев с тонкими беззащитными ветвями, черневшими в прозрачной небесной голубизне, будто боясь пропустить хоть один штрих в светлой акварельной картине весеннего дня, не запечатлеть в открытом и чутком сердце всю полноту его зыбкого солнечного очарования. В эти минуты Оленька, сама не отдавая себе в этом отчёта, была счастлива – так глубоко и безгранично счастлива, как только может быть счастлив человек, тихо созерцающий непрерывное течение жизни.

Внезапно на углу здания школы белоснежное кружево её шагов, вплетавшихся в холодный звон капели, резко и неловко разорвало звучание чьей-то отрывистой широкой походки. Оленька, втайне слегка огорчившись внезапным вторжением в свой маленький мир весенних звуков и образов, оплетённых голубой паутинкой задумчивости, не остановилась и не обернулась, опасаясь окончательно разрушить стройную композицию кропотливо создаваемой мелодии. Она не обернулась и потом, когда знакомый голос где-то невдалеке бесцеремонно вторгся в пространство расчерченного на клетки листа её сегодняшнего дня, произнеся нечто, что она почти не расслышала и не захотела услышать. Олиного сознания, погружённого в неясные туманные размышления, даже не коснулась мимолётная мысль о том, что обращаться могут к ней – она давно привыкла сидеть в классе незаметно, полностью окунувшись в свой собственный мирок красок, мыслей и цвета, так что порою ей самой казалось, что её здесь и вовсе нет.

Она вздрогнула от неожиданности и взглянула назад через плечо, лишь когда всё тот же настойчивый голос произнёс её имя, раздавшись уже совсем близко. Обернувшись с удивлением, Оленька увидела позади себя один из любимейших предметов оживлённых обсуждений всех девчонок – своего одноклассника по художественной школе Илью. Если бы за пять минут до этой встречи её попросили рассказать, как он выглядит, то она вряд ли смогла бы вспомнить что-то конкретное или примечательное в его облике. Хотя Олины одноклассницы могли часами описывать все его неоценимые достоинства, главным из которых якобы была неоспоримая, достигшая, судя по активности её обсуждения, точки абсолютного совершенства внешняя привлекательность, Илья был самым обыкновенным мальчиком четырнадцати лет, даже с несколько великоватым носом и редкими бровями. Поэтому Оленька всегда справедливо считала, что он заслужил такое внимание к своей персоне только тем, что в отделённом от остального мира пространстве класса живописи, занимаемого пятнадцатью непоседливыми девочками, в большинстве своём страшно любимыми романтические сериалы и воплощённую в жизнь мелодраму, он был единственным представителем противоположного пола.

Илья был жутко разбалован таким нескрываемым интересом к своей личности, благодаря чему за три года совершенно избавился от малейших намёков на нерешительность и робость в своём характере, приобретя взамен несколько раздражающую насмешливую самоуверенность, порою граничащую с откровенным нахальством. Всегда, даже во время урока, он говорил громко и развязно, не забывая снабжать реплики едкими ухмылками и неуместными глупыми шутками, приводившими, однако, верных слушательниц в полнейший полунаигранный восторг,

и от всей души наслаждался проявляемой к нему симпатией. Нельзя сказать, что у Оленьки он вызывал отвращение – нет, она любила ребят в своём классе, как любят кошек или маленьких детей, просто так, за то, что они есть. Ей порою бывало весело слушать бессмысленные, но временами забавные разговоры девчонок, вскользь глядеть на их юные лица и рисовать их в блокноте во всех существующих цветах, не задумываясь о том, хорошие ли они люди и что таится глубоко в их непонятных ей сердцах. Так же она любила и Илью – без размышлений об отношении к нему и без причины, а вернее за то, что он, как и все другие, сидит вместе с нею в классе, за то, что он «свой» и привычный. Это простое наивное чувство любви означало у неё равнодушие, но невероятно тёплое, доброе, с ласковой улыбкой. Она любила так солнце и небо, цветные акварельные карандаши, седую вахтёршу, всех людей и весь мир.

Поэтому, увидев Илью, возможно, впервые в жизни глядящего на неё прямо и осознанно, она, не раздумывая, в ответ ему улыбнулась. Он почему-то странно удивился и округлил широко распахнутые глаза, но уже через мгновение его лицо приняло обыкновенное слегка высокомерное выражение, и он, к небольшому изумлению Оленьки, в грубоватых выражениях утвердительным тоном изъявил желание пойти от школы вместе с ней. В его словах не прозвучало вопроса, ожидания разрешения – он был твёрдо уверен, что она согласится, просто не может не согласиться, ведь именно об этом, кажется, мечтает каждая из пятнадцати третьеклассниц. И Оля, взглянув на него с искренним детским изумлением, кивнула головой и согласилась. Она никогда не умела отказываться, сама того не понимая и не придавая значения своему недостатку, которым, впрочем, мало кто пользовался. Почти никто не обращал на неё внимания – и она сама не обращала на себя внимания, сама едва ли знала и понимала себя. Она была просто ещё одной маленькой тихой девочкой, сидящей за мольбертом с блокнотом.

Они шли сквозь рождающуюся весну, и Илья без умолку, уверенным и насмешливо-фамильярным тоном говорил что-то бесконечно нелепое о себе, о школе, о друзьях, о своей ссоре с Викой, а Оленька молчала, лишь изредка поглядывая на него, и думала, что его лучше всего рисовать насыщенно-фиолетовым, таким бездумно ярким, странным, глупым и весёлым цветом. Она не слушала его и шла точно так же, как шла до этого одна, с головою погрузившись в свои мысли, по-весеннему мимолётные, беззаботные и лёгкие, как ветер, с чьими порывами они улетали прочь. Она не заметила, когда Илья тоже замолк, продолжая идти, неловко сунув руки в карманы и глядя в сторону с досадой и тенью смешной обиды. Они расстались на кромке бордюра у перекрёстка, повернув по привычке в разные стороны и, кажется, даже не

попрощавшись. Оленька почти не ощутила его отсутствия, она всё так же шла домой одна, вдыхая тонкий аромат первой оттепели, и смотрела вокруг широко распахнутыми вдохновенными глазами, и мирно улыбалась, и ей вновь было весело, весело...

В свежую, потеплевшую пятницу весна текла уже не быстрым звонким ручьём, а тихой, но широкой рекой, рисуя кружевные узоры на талом снегу и резво сбегая вниз по оконным стёклам прозрачными каплями. Весь урок Оленька сидела со спокойной и ясной полуулыбкой в глазах, против обыкновения совсем не замечая того, что происходит в классе, и не прислушиваясь к громким, резким звукам разговоров на перемене. Сегодня она была необычайно, кажется, как никогда прежде увлечена работой – рисовали акварельный натюрморт в мягких, светлых тонах с белой, в тонкую сеточку трещинок, изящной вазой и плетёной корзинкой на фоне голубых драпировок. Ваза стояла в неприятном тусклом свете гудящей лампы, и яблоки в корзине были ненастоящие, и девочка, сидящая за соседним мольбертом, то и дело крутила головой, закрывая пышными кудряшками натюрморт, но для Оленьки всё это не имело значения. Вытягивая шею, она легко и быстро касалась кистью листа бумаги, на котором постепенно выступал нежный образ картины. Она ни на мгновение не задумывалась над выбором нужного цвета для сиреневой полутени или серой складки драпировки, а смешивала краски почти инстинктивно, будто рисуя этот натюрморт уже в тысячный раз, но с восторженным энтузиазмом новизны. Оленька торопилась, словно боясь нечаянно развеять странное окрыляющее чувство, окутавшее её невесомой вуалью – чувство уверенности в важности, осмысленности и красоте, утончённой и неизмеримой красоте того, что она делает. Её рука порхала над мольбертом маленькой юркой птичкой, тихий всплеск окрашенной воды в стакане и бесшумное касание бумаги кистью казались ей дивной неземной мелодией, едва понятные, призрачные размышления, вплетаясь в эти звуки, становились музыкой, а движения пальцев были танцем... Ей хотелось без умолку рассказывать всем вокруг о чём-то неосвязаемом и огромном в своём великолепии или просто улыбаться, едва слышно повторяя шёпотом лишь одно тихое, тёплое слово: “Чудо, чудо...”

Не отрываясь от работы во время перемены, Оленька встрепенулась, когда в стороне от неё, чуть впереди, внезапно раздался громкий, грубоватый, пронзительный смех. Он будто разрезал холодным ножом полотно её чудесной картины, будто ненароком разорвал в клочья паутинку неслышной мелодии, залив плавно текущие мысли страшным тёмно-синим пятном. Оля вскинула голову и, мгновенно смутившись, встретила глазами с сидящей недалеко Викой – худенькой девочкой

с цепким морозным взглядом и длинными, струящимися вниз, словно невиданные чёрные водопады, блестящими волосами. Яркие губы всё ещё были некрасиво искривлены в притворной усмешке, а голубой взгляд, небрежно, казалось, скользивший мимо, отчего-то остановился на Олином лице и замер, словно заледенев, и всё её тонкое лицо застыло, лишь уголки рта медленно опускались ниже, ниже, ниже... От этого взгляда и красивого, но пугающего лица Оленька невольно вздрогнула, и кисть едва ощутимо дёрнулась в её руке, заставив в испуге бросить взор на картину, слегка испорченную крошечным лишним пятнышком краски внизу. Наваждение тут же улетучилось. Вика рваным движением отвернулась, а Оля, затаив дыхание, оглядывала свою почти оконченную работу – и она была хороша, дивно, чудесно и, кажется, в первый раз по-настоящему хороша.

Когда Алла Дмитриевна громко возвестила об окончании урока, Оленька первой вскочила со своего места и с трепетом, на чуть подрагивающих руках поднесла ещё блестевшую свежей акварелью работу к её столу. Учительница взглянула на натюрморт быстрым, профессионально оценивающим взглядом, едва заметно улыбнулась вскользь в знак одобрения и, не поднимая глаз на девочку, размашисто черкнула в журнале угловатую, будто летящую прочь из своей клетки в неведомые и чудные дали пятёрку – первую за долгое время. Оленька неслышно, неудержимо возликовала, а после разрешения Аллы Дмитриевны тотчас забрать работу домой её лицо и вовсе засияло ярким восторженным светом. Неловко, боясь смазать прозрачные краски, она с трепетной аккуратностью долго сворачивала рисунок в трубочку – чтобы затем бережно, будто святыню, уложить её в сумку, откуда высывался её бледно-голубой краешек.

Замешкавшись, Оля вышла из класса в числе последних, словно плывя в приятном золотистом тумане безграничного тихого восторга. В эту минуту всё вокруг существовало для неё лишь неясными видениями где-то на границе сознания: ей забылся и звонкий смех девчонок, и Илья, и странный, острый взгляд Вики. Она видела лишь уголок своей картины, видневшийся из наполовину застёгнутой сумки – а счастье, истинное счастье казалось ей прекрасной сияющей птицей с длинными перьями, в медленном полёте скользящей по воздуху впереди неё, но совсем близко, близко!.. И Оленька бежала за ней, почти различая её смутный образ, спускаясь с крыльца по разбитым ступенькам и привычно направляясь по пути к дому оживлённой воздушной походкой.

Она вздрогнула, когда чьи-то тонкие белые пальцы с неожиданной силой больно ухватили её за руку и дёрнули в сторону пустого тенистого двора. Едва не вскрикнув от неожиданности, Оленька испуганно и робко подняла голову и увидела перед собою хмурое, жёсткое лицо

своей одноклассницы, взбалмошной и немного дерзкой девочки, одной из тех, что всегда старались занимать на уроках места поближе к Илье. Оля приоткрыла рот, хотела было несмело произнести что-то, но замерла, даже не сделав слабой попытки высвободить свою руку и лишь оглядывая ещё трёх девчонок, молча и будто бы в мрачном напряжении стоявших в тени обшарпанного серого дома. В это мгновение их знакомые, всегда беззаботные и насмешливые лица показались ей до странности чужими. Ледяной страх резко кольнул её острой стальной иглой, и в груди начал медленно и жутко расплзаться холод, не позволявший вдохнуть. Когда одноклассница вновь грубо рванула её за рукав куртки, толкая всё глубже во двор, Оленька, запнувшись, едва не рухнула на колени. Кудрявая, словно задорный пуделёк, симпатичная курносая девчонка, что сидела сегодня в классе недалеко от неё, звонко и вызывающе засмеялась, и Оле, поднявшей на неё взгляд, вдруг почудилась проступающая сквозь её миловидные черты дикая, безобразная серая маска безумного древнего ужаса. В эту минуту Оленька будто пребывала в смутном, тяжёлом сне – ни одна мысль не могла пробиться сквозь вязкую массу ещё неясного, не до конца осознаваемого страха. Она не могла, не понимала необходимости сдвинуться с места и стояла на подрагивающих ногах, не замечая, как её будто бы ненароком окружают, подходя всё ближе. Надо было что-то сказать, ответить, что-то сделать – но что, что?..

Оленька вздрогнула и судорожно выдохнула, когда заметила тоненький силуэт приближающейся Вики. Ей казалось, что девчонки, стоявшие вокруг, прежде чего-то ждали и с появлением этой фигурки разом смешались в нерешительности, и от этого ей стало будто легче дышать. Вика шла быстро и резко, низко опустив голову, отчётливо печатая каждый шаг, и напряжение звенело в её рваной походке натянутой до предела струной. Оля вдруг почувствовала себя ужасно, несправедливо маленькой и незащищенной. Остановившись в шаге перед нею, Вика быстрым, будто конвульсивным движением вскинула голову – волосы рухнули на плечи штормовыми волнами. Оленьку испугало её побелевшее лицо, страшно искажённое всё той же нечеловеческой маской яростного сумасшествия и глухого, чёрного гнева, горящего в ледяных глазах. Этот образ мелькнул перед ней лишь на мгновение, прежде чем Вика с искривлённым в огненном испуге ртом замахнулась рукою – и прозвучал звенящий удар. Оленька едва ли осознала, что случилось – двор и тусклое небо дрогнули и закружились, сливаясь, у неё в глазах, в ушах стоял непрерывный незатихающий звон, а левой щеки у неё будто бы и вовсе теперь не было. Резко, неистово раздался срывающийся крик, и её внезапно опрокинули на землю. Оля не могла разобрать мелькавшие видения и отрывистые

звуки – ноги в грязных ботинках, руки, страшные бледные лица, тяжёлое дыхание и приглушённые всплески злого, жестокого смеха. Ей невозможно было ни вскрикнуть, ни попытаться оттолкнуть и отбиться, она словно падала всё дальше и дальше, беспомощно закрываясь окостеневшими в страхе руками, и знала только, что ей больно и что её убивают. Убивают, наверное, навсегда.

Кто-то вырвал у неё сумку, в которую она рефлекторно вцеплялась заледеневшими пальцами. Оленьке казалось, что у неё не нет уже ни рук, ни ног, не осталось и её самой, а есть только мутная влажная пелена перед глазами и тупые, по-детски несильные, но до слёз жуткие удары. В безумном водовороте пронизывающего страха, увлекающего с собою в беспросветную чёрную темноту, жалко билась лишь одна мысль: сейчас она умрёт, насовсем умрёт, и никто большой, хороший и сильный не придёт и не спасёт её, а последним, что она запомнит, будут эти почти родные, но звериные, изуродованные бессмысленной, глупой яростью лица.

Но, когда она уже готова была остаться здесь навеки убитой почти что без причины, просто за то, что симпатичный и нахальный Илья шёл с нею рядом до перекрёстка, раздался страшный, раскалывающий душу звук рвущейся бумаги. На минуту отчаянные удары затихли, и Оленька с замершим дыханием подняла голову. Вика, бешено сверкая глазами, с пугающе надменной усмешкой держала две части разорванного Олиного натюрморта – первого удавшегося, самого лучшего, прекрасного. Нежно-голубые половинки беспомощно подрагивали в её руках, будто бы слабо вздыхая в миг своей гибели. От вида безжалостно уничтоженной любимой картины Оленьке стало, кажется, в тысячу раз больнее, чем от глухих ударов, и она хрипло, сдавленно вскрикнула. Пугающая тьма, что утягивала её в свои бездонные глубины, обрушилась на неё тяжёлой волною, стремительно унося прочь отсюда. Оля судорожным движением вскочила, схватила свою беспощадно распотрошённую сумку и бросилась бежать на подламывающихся тонких ногах с застланным слезами, невидящим взглядом. Вслед ей неслись какие-то неразборчивые, насмешливые, грубые слова, долетая до неё будто в туманном бреду ночного кошмара. Оленька бежала, не оглядываясь, и тёмная, равнодушная бездна нависала над ней ледяной пустотой.

В понедельник она вошла в класс живописи по-особенному тихая, глядя вокруг прямо и безучастно. Она привычно, неслышно села на своё место, сжимая бледные разбитые губы, привычно, неслышно достала растрёпанный блокнот и подняла неосознанный взгляд на окружавших её знакомых, но неизмеримо далёких людей. В кабинете стоял совершенно обыкновенный гул звонких оживлённых голосов и наигранно весёлых всплесков смеха. Девчонки всё так же без

малейшего намёка на искренность и честность обсуждали чьи-то глупые трагедии и скандалы, сияя растянутыми фальшивыми улыбками ироничных насмешек, и изредка в их непрерывный щебет вклинивался неуместной шуткой всё тот же наглый и самоуверенный Илья, вызывавший у слушательниц прежний наивный восторг. И никто, ни единый человек в классе не замечал её, никто не обернулся к ней, чтобы одним словом или мимолётной мыслью, мелькнувшей на закрытом незримой маской лице, напомнить о том страшном и непоправимом, что случилось всего несколько дней назад. А потому никто не увидел, как зияла пугающая, бесконечная пустота в её глазах, полуприкрытых ресницами. Никто, никто этого не понял – и мир, кажется, совсем не изменился.

А Оленька смотрела на ребят будто бы ослепшим, пустым взглядом, с постепенно покидающим её отчаянием пытаюсь вспомнить цвета, в каких виделись ей все эти люди, с затаённой нежностью нарисованные ею в блокноте. Розовый, жёлтый, синий, зелёный, фиолетовый... Но теперь, равнодушно осознала она, все они казались ей бессмысленно и безразлично серыми.

БЕГОНИЯ

– Купите цветок! Смотрите, какой красивый!

– Мне не нужно.

– Купите...

– Ишь ты, морщится! И не надо, не надо! Иди, родимый, куда шёл!

– Ну, зачем же вы так...

– Да будет тебе, милая! Никто у тебя ничего не купит. Кому ты нужна со своей бегонией?

В мои окна глядит осень. Она пронизывает терпкий, прозрачный воздух ясным и тоскливым привкусом первой прохлады, осыпается, кружась, на землю светлым багрянцем листвы и тонет в бездонных зеркалах луж. Она шепчет о чём-то холодном и призрачном, шелестя порывами ветра в тонкой листве, легким, едва заметным касанием дотрагивается до высоких покатых крыш и обветшалых, дышащих полузабытыми воспоминаниями стен. Осень смотрит затуманенными, дождливыми, заплаканными глазами в пустые тёмные окна.

Я не знаю, зачем тихим пасмурным днём выхожу из дома. Мерно бурлящая толпа течёт привычным потоком, увлекая за собой. Сегодня все кажутся необычно задумчивыми, спокойными и почти призрачными, какими бывают неяркие солнечные лучи, струящиеся сквозь редкую крону деревьев. Всё будто приобретает бледно-золотистые, красноватые, сухие рыжие оттенки... Люди-листья, люди-октябри. Может быть, они все точно такие же, как и я – просто случайные прохожие, бреду-

щие без цели в никуда? В низком, полутёмном подземном переходе песчинки времени сыплются медленно, шурша едва слышными отзвуками чужих далёких голосов. У самой лестницы, задевая плечом тусклые нити света, тонкая, почти бесцветная девушка обнимает глиняный горшок с поникшей увядающей бегонией. Рядом невысокая пожилая женщина в огромном мягком пальто в мелкую клетку глядит на неё поверх толстой оправы очков, и доносятся приглушённо, словно изда- лека, её слова: “Никто не купит, не купит... Кому нужна?..”

Ей, конечно, с лёгкостью можно так говорить. У неё – колючие серые носки, длинные вязаные шарфы и широкие варежки, лежат стройными рядами на перевёрнутых деревянных ящиках. А у девушки – только бегония, печальная, с безмолвно застывшими листьями.

Может быть, вычерчивая на потрескавшейся плитке резкие прямые гулких шагов, я подойду к ней и спрошу – негромко, так, чтобы прерывистые звуки не отдались шёпотом ветра в другом конце перехода:

– Продаёте... – обыкновенный дежурный вопрос, необходимый, чтобы начать такой же обыкновенный мимолётный разговор, – ...бегонию?

– Да, – её ответ прошелестит первым прохладным дуновением осени.
– Никто не покупает.

Лёгкие рыжие кудри волнами речной ряби сбегают по плечам, золотясь в бледных солнечных лучах. Бегония будто едва заметно тянет дрожащие широкие листья к длинным дорожкам света, льющимся сверху.

– Зачем она нужна? – спрошу я.

– Как же? – прозвучит робко, растерянно. – Чтобы стояла где-нибудь на подоконнике, дышала комнатной пылью, на солнце грелась. Приходишь домой – а бегония такая печальная, молчаливая... и как будто улыбается тебе, так грустно, едва заметно. Как будто ждала весь день...

Она замолчит на мгновение и, осветив неприметные черты мимолётной бледной улыбкой, добавит чуть виновато:

– Хотя, конечно, глупости всё это.

– Нет, почему же? – брошу я невзначай, рассеянно глядя куда-то вдаль, в грядущие сырые туманы осенней утренней поры. – Но ведь это нужно, когда больше ждать совсем никому.

– А у вас – есть кому?

Прозвучит непривычно отчётливо, ясно в знакомой полутьме с вкусом горчинки раннего увядания. Вскинув голову, я отчаянно попытаюсь взглянуться в широко распахнутые тусклые глаза цвета пасмурного неба перед дождём. Наверное, я забуду это лицо уже через пару минут после того, как её смутный облик навсегда останется позади...

– Почему же вы её продаёте? – украдкой затаив дыхание, отвечу вопросом на вопрос.

– Наверное, время пришло.
– Вы больше не одиноки?
– Да, мне больше так не кажется. Хотя, может быть, я теперь просто не хочу это признавать.
– А я? Вы думаете...
– Не знаю. Но на самом деле, мало кто действительно осознаёт своё одиночество, – она поднимет взгляд вверх, пронзая несмелые солнечные лучи свечением бликов на ветреной глади глаз-озёр, и голос прозвучит серебряным звоном первых дождевых капель. – Бегония у меня совсем завяла...
– Может быть, это потому, что сейчас октябрь, – тихо скажу я, не в силах оторвать взора от замершей надо мною неторопливой рыжеватой, с оттенком ржавчины жизнью. – Знаете, холодает...
– Так вы возьмёте? – может быть, спросит она медленно затухающим в прозрачных далах голосом. – Возьмёте?.. возьмёте?..

Но, конечно, ничто подобное не может произойти в этот странный, полный полузабытых печальных мелодий день. Вместе с тысячью гулких шагов незнакомых молчаливых людей я прохожу мимо, не глядя по сторонам и не замечая маленькой хрупкой девушки с клонящейся к плиточному полу бегонией. Её призрачный, почти пригрезившийся во сне образ, обещавший, возможно, неслучившийся негромкий разговор, промелькнёт мимо ещё одним лёгким опавшим листом и навеки растает в туманных далах октября. Ведь едва ли кто-нибудь на свете захочет признавать, как он на самом деле одинок.

ЧИЖ

Маленький острый камушек, поднятый с земли, просвистел в воздухе подобно пуле. Мальчик ещё стоял, зажмурив левый глаз и больно прикусив от старания губу.

– Хороший выстрел, – сказал отец.

Он сделал для сына эту рогатку прошлым вечером, когда ночные мотыльки уже порхали над лампой, но опробовать её во дворе разрешил только утром.

“Скоро, когда вырастешь, сможешь сам сделать такую же”, – говорил отец. Мальчик улыбался, хотя знал, что не сделает – он станет космонавтом, а им это уметь не нужно.

Но рогатка всё равно была замечательная.

– Хороший выстрел, – вновь донёсся до него голос отца.

Он сказал это, даже не поглядев. Просто для того, чтобы сказать. Наверное, слова прозвучали даже до того, как мальчик попал в цель, даже до того, как была выпущена крошечная ненастоящая пуля.

Мальчик оцепенел, крепко сжимая рогатку и пустыми стеклянными глазами глядя вперёд, на корни стройного дерева с редкой листвой. Он стоял, с затаённым дыханием выжидая чего-то, и побледневшие губы беззвучно повторяли: “Это нарочно? Нарочно?”

– Хороший выстрел, – казалось, в тысячный раз произнёс отец и, проследив за его взглядом, добавил: – отличный. Молодец.

Мальчик не отвечал и как будто боялся шелохнуться.

– Я не хотел, – наконец, сжавшись и опустив глаза, тихо, с надрывом в голосе прошептал он.

Замолчал, словно задохнувшись, и вдруг отшвырнул рогатку на землю, развернулся и бросился к дому, не оборачиваясь.

Под деревом неподвижно лежал сбитый с ветки чиж.

ВОРОБЬЁВА Анна Олеговна,
ученица 8 класса
Альменеской средней школы

Наставник – Дахина
Аниса Шарифулловна

САД БАБЫ АГАФЫ

В Зауралье много небольших деревенок. Среди них была одна, в которой жило всего человек тридцать. Деревня была хоть и маленькая, но чистая и нарядная – ведь добросовестные жители ухаживали даже за заброшенными домами и не позволяли никому своевольно выбрасывать мусор в неположенных местах.

Среди этих людей была особо добрая и трудолюбивая женщина. Ну как “женщина”: скорее старушка. Все взрослые звали её уважительно Агафьей Петровной, а дети – бабой Агафьей. Имела она судьбу весьма печальную: был муж – на войне погиб, был сын – попал в аварию, когда возвращался от матери в город. Сноха её знать не желала: детей забрала и уехала далеко. Говорят, в Смоленск...

Все Агафью Петровну очень любили. Как ни зайдешь к ней – всё гости сидят. А коль нет никого – сам на чаёк заходишь. Всегда она советом полезным поможет, словом добрым утешит да приободрит. Дом у бабы Агафьи был самым опрятным и красивым: весь красный, ставенки зелёные, причудливо расписанные, заборчик весь в узорах, а сад... Сад Агафьи Петровны все жители деревни по праву считали достопримечательностью и в первую очередь показывали приезжим.

Сад был большим, но пустого клочка земли найти в нём было невозможно: куда ни глянь – повсюду цветы, по краям – яблони и вишни, а перед самым забором – заботливо подстриженные кусты малины и жимолости. Каждый год садила баба Агафья неимоверное количество красивых необычных цветов, всё лето любовались люди чудесным садом.

Почти все цветы Агафьи Петровны были многолетними, но она никому об этом не рассказывала. Сажая, всегда думала: “Вот умру зимой, а весной мой садик расцветёт – порадует последний раз соседушек”.

Долгое время эти мрачные думы не становились явью, но люди не вечны: в одну холодную ноябрьскую ночь баба Агафья умерла. Долго люди горевали. У каждого, кто хоть немного был знаком с Агафьей Петровной, было такое чувство, как будто у него вырвали кусочек души, а пустующее место осталось раной, которая ещё долго не заживёт. В дом умершей решили никого не заселять – пусть так останется.

Весной люди начали замечать, как в саду поднимаются зелёные побеги, распускаются почки на яблонях и вишнях. Вскоре появились первые бутоны и даже несколько робко распустившихся цветочков. “Что за чудеса! Как будто сама баба Агафья вновь садит свои цветы...” – говорили люди. Сад с каждым днем становился всё ярче и красочнее. Соседи открывали окна настежь, чтобы впустить чудесный цветочный аромат в дом.

Однажды в ясный майский день вся деревня собралась возле дома Агафьи Петровны. Все восторженно переговаривались и спорили: одни утверждали, что баба Агафья, будучи умершей, сама ухаживает за своим садом; другие говорили, что это кто-то из деревни позаботился о саде, совершив при этом благородный поступок.

Вдруг до сих пор молчавшая соседка сказала: “Вы что, люди?!.. Какой призрак?!.. Какой благородный поступок?!.. Это наша соседка Агафья сама прошлым летом посадила, чтобы вас, неразумных, порадовать... И каждый год цветы многолетние садит!”

Все удивленно замолчали. Вдруг пятилетний мальчик Артёмка, которому Агафья Петровна заменила бабушку, умершую ещё до его рождения, выбежал из толпы и громко крикнул в сторону сада: “Спасибо, баба Агафа!”. “Спасибо, Агафья Петровна”, – повторила эхом толпа. У многих на глаза навернулись слёзы, кто-то стоял, глядя в землю и думая о чём-то своём. Люди разошлись только к вечеру...

На следующий год ранней весной все жители снова собрались возле дома бабы Агафьи. Каждый держал в руке либо росточек, либо какой-нибудь садовый инструмент. Все дружно вошли в сад и посадили новые цветы, которые в скором времени расцвели. Возможно, эти люди ещё не поняли, но вместе с принесенными росточками в сад они оставили частички своей души, которые и делали этот сад таким чудесным.

Давно известно, что вещь, в которую вложили душу, будет согревать теплом своего владельца и дарить чувство непонятного счастья, причину которого нельзя объяснить.

Жители решили, что каждую весну будут всей деревней садить цветы

в саду у бабы Агафьи как память о самой доброй, честной и приветливой жительнице деревни. Это стало традицией, которая прижилась надолго.

АРТЁМКА

В небольшом городе на севере России, где зимы очень холодные, а лето слишком короткое, жила семья. В этой семье было всего два человека: мать и сын. Мама была тихой незаметной женщиной с печальными глазами бледно-голубого цвета, а её сынок – малыш лет шести, с постоянно растрёпанными каштановыми волосами, вечно смеющимися ярко-голубыми глазами и щербинкой между передними зубками. Это были две абсолютные противоположности, которые видели друг в друге идеальное сочетание самых лучших качеств и самое дорогое, что есть в этом мире. Лишь когда малыш смеялся, в глазах мамы сверкали искорки счастья. А вечно смеющиеся глаза мальчика (которого, кстати, звали Артёмкой) омрачались грустью только тогда, когда он видел, что его маме плохо. Под словом “плохо” малыш подразумевал либо болезнь, либо душевную тоску, которые часто преследовали его маму.

Город был маленький, и эту семью знали практически все. Такую “знаменитость” мама и сын приобрели благодаря бескрайнему дружелюбию и открытости мальчика, который, идя по улице с мамой, был словно маленькое солнышко, освещавшее всех и вся своей ослепительной чистотой и искренностью, греющее душу каждого прохожего нежным теплом. Семья жила небогато. Их дом стоял на самой окраине, возле леса, постоянными посетителями которого они были круглый год. Глубоко в лес они не заходили и гуляли всегда днём, потому что мама очень боялась заблудиться, а ещё и темноты. Артём не понимал страхов мамы, потому что был ещё совсем маленьким и не знал опасностей, но он любил маму и во всём слушался её. Темноты мальчик не страшился, ему безумно нравилось выходить во двор и смотреть на бесконечное звёздное небо. Помимо звёзд, единственной страстью малыша была природа, а в особенности – растения. Летом он осматривал чуть ли не каждый росточек во дворе и любовно гладил их листики и стебельки, а зимой все кусты и деревца во дворе заботливо укутывал старыми одеялами. Порой, случайно сломав веточку дерева, сильно расстраивался – чуть ли не плакал. Эта любовь поражала окружающих и вызывала бурю гордости в сердце матери.

В тот год Артёмке исполнилось семь лет, и он должен был пойти в школу. Его день рождения был в середине февраля. В этот день малыш получил множество подарков от соседей и просто знакомых. Самым любимым подарком стал жёлтый шарфик – его подарил

женщина, живущая на соседней улице, со словами: “Ты наше маленькое солнышко! Надеюсь, теперь ты будешь сиять ещё ярче!”. Благодарная мама старалась лично проводить каждого гостя до ворот. При этом она была в одной лишь серенькой кофточке, и сколько ни ругали и ни говорили быстрее зайти в дом, волнуясь за её здоровье, она не слушала. Нет, она не была упрямой или глупой – просто была слишком счастлива в этот день и не обращала внимания на такие “мелочи”.

Ближе к полуночи, когда все гости уже разошлись, мама начала покашливать и хрипеть, а потом стало ещё хуже: она стала дрожать, похоже, у неё поднялась температура. Мама залезла под одеяло, но вскоре скинула его, и через мгновение опять стала закутываться. Артёмка был рядом и немного боялся. С его мамой такое случалось часто. Люди говорили, что у неё слабый им-му-ни-тет (малыш не знал, что это значит, но понимал, что это что-то очень хорошее – ведь у мамы он был слабым и поэтому она болела). В такие моменты мама обычно брала телефон и звонила кому-то. Через некоторое время к ним приходил человек в белом халате с маленьким чемоданчиком, давал маме какие-то лекарства – и она спокойно засыпала.

Но в этот раз всё было не так: она металась по кровати, иногда что-то кричала. Мальчик пытался подойти к ней, но она, казалось, его не видела. Мама безумными глазами смотрела мимо него, куда-то вдаль и что-то невнятно бормотала. Такого не было никогда.

Артёмка боялся и... очень ждал... Ждал спасителя в белом халате, но он всё не появлялся. В голову перепуганному малышу пришла неожиданная мысль: надо бежать и самому найти его. Поспешно выбежав в прихожую из спальни матери и схватив свою курточку, натянул её на себя и собрался бежать. Но, подумав, он надел ещё шапку, варежки и новый жёлтый шарфик. Артёмка выбежал на крыльцо и сразу сжался: в лицо дул сильный холодный ветер, обжигающий лицо маленькими острыми кристалликами снежинок. Он попытался открыть глаза, но не смог. Малыш решил вернуться, но зайдя в дом и услышав пронзительный крик мамы, твёрдо решил: “Иду!”. Мальчик, распахнув дверь, кинулся в темноту...

Был понедельник. Утром Варвара Петровна по обычаю вышла во двор – у неё было небольшое хозяйство: штук пять кур, несколько уток и один красавец петух, которые требовали ухода. Она начала управляться: насыпала зерна, налила воды своим любимцам. Обычно в это время её соседи – мать и сын, с чьим двором их разделял только низенький деревянный заборчик, через который был виден весь их двор (непонятно было, зачем он вообще тут стоит) – уже выходили из дома, чтобы пойти кому на работу, а кому в садик. Но сегодня всё было тихо.

Варвара Петровна насторожилась – соседи не выходили в это время только когда кто-нибудь заболел: либо мама, либо сын. Но малыш болел крайне редко, поэтому, скорее всего заболела его мама. Женщина начала волноваться. Подойдя ближе, она ещё больше запаниковала – ворота соседнего двора были распахнуты настежь. Она тихонько зашла во двор и увидела открытую дверь. Соседка уже не сомневалась, что что-то случилось и кинулась в дом. Она быстро обошла все комнаты, в которых всюду разгуливал ветер. Варвара Петровна громко звала домочадцев, но никто не откликнулся. И только войдя в спальню, она... тихонько осела на пол: на растрёпанной кровати, свернувшись калачиком, лежала женщина – её соседка... Самое страшное было в том, что она не двигалась и, похоже, не дышала. Варвара Петровна в ужасе кинулась в коридор и ещё раз обошла все комнаты, зовя Артёмку. Но в ответ ей было всё то же гробовое молчание. Её крик был услышан: другая соседка – женщина средних лет, которую звали Мария – услышала и прибежала посмотреть, что случилось. В коридоре они столкнулись с Варварой Петровной, чей безумный взгляд бегал по комнате. На все вопросы она молчала и показывала пальцем на дверь спальни. Мария заглянула в спальню и сразу всё поняла. Она кинулась к себе домой и начала звонить всем знакомым. Ни один человек не остался равнодушным. Вскоре в городе почти не осталось человека, который не знал бы об этом происшествии. Толпы народа вышли на улицу и искали Артёмку. Многие из них – те, кто тоже жил на окраинах – считали, что малыш мог зайти в лес и заблудиться. Стали снаряжать отряды для поиска мальчика в лесу. Почти все жители города бросили свои дела и занялись поисками. Никому не было всё равно на судьбу “маленького солнышка”. Они начали искать утром, и ближе к середине дня уже стали терять надежду. Небольшой отряд из 10 человек, заметив что-то яркое на дереве и кинувшись со всех ног в ту сторону, увидели необычную и страшную картину.

Перед ними предстала поляна, практически идеально круглая. Её со всех сторон обступали голые деревья, а в середине стояла одна-единственная берёзка. Под ней, крепко обняв ствол и прижавшись к нему щекой, лежал Артёмка. Одного взгляда на него хватило, чтобы в голове каждого человека промелькнула ужасная мысль: “Опоздали”. Но самое необычное было в том, что на стволе дерева, куда смогли дотянуться детские ручки, был заботливо завязан... жёлтый шарфик, а на веточках торчали маленькие перчаточки. Те, кто знал Артёмку, всё поняли: даже когда малышу было самому холодно, он всё равно боялся, что дерево замёрзнет, и отдал ему свой шарфик. Хотя эта серьёзная жертва и была напрасной, это нисколько не уменьшало всю благород-

ность и доброту, с которой был совершён этот поступок.

Люди молча стояли и смотрели на то, как жёлтый шарфик развевается по ветру, напоминая о лучах весеннего солнца, которое оживит и этот лес, и это дерево, но никогда не сможет оживить “маленькое солнышко”, навсегда погасшее под этой берёзкой под свист холодного ветра.

Вдруг кто-то начал развязывать свой шарф и, подойдя к дереву, стоящему в стороне, завязал его на стволе. Люди, не сговариваясь, словно по команде, стали делать то же самое. И всё это в абсолютной тишине. Вскоре к ним подошли ещё несколько отрядов, заметивших яркое пятно. Они увидели Артёмку, жёлтый шарфик, и людей, молча повязывающих на деревья свои шарфы. Вскоре вокруг маленькой полянки все деревья были повязаны шарфами разных цветов. Одни люди уходили, другие приходили, и лес становился всё ярче. До самой ночи число шарфов увеличивалось. Тело Артёмки давно забрали, но взрослые люди не решались подходить к дереву с жёлтым шарфиком. При каждой попытке подойти поближе их одолевали мысли о том, сколько за всю жизнь было сделано ими дурного, и они понимали, что просто не имеют права прикасаться к чему-то настолько светлому, прекрасному и хрупкому...

...С той поры прошло несколько лет, но это место в лесу сохранилось. Сюда часто приходят люди, чтобы в тишине поведать о своём горе и оставить всю боль тут, вместе с завязанным шарфом. Другие люди: молодожёны, молодые мамы, приходили, и вместе с завязанными шарфами оставляли тут частичку счастья, которой хотели поделиться с тем, кто ушёл слишком рано, оставив после себя только тепло и свет в душах людей...

БЕСПАЛОВА
Виктория Константиновна,
ученица 11 “А” класса школы № 22
города Кургана

Наставник –
Бурлакова Любовь Васильевна

МОЯ ЗВЕЗДА

Меня считали странным с самого детства. Сколько я себя помню... Соседские дети постоянно дразнились, обзывались, издевались надо мной. Ко мне пристало прозвище “чудак”, у меня совсем не было друзей, кроме...

Моя милая мама говорила, что в этих детях нет того, что есть у меня, поэтому они завидуют и от зависти своей пытаются меня “растоптать”. Она думала, что слова их бьют меня, разрушают и не дают спокойно существовать. Но мне было абсолютно неважно, что они говорят и делают, я был безумно влюблён в эту жизнь и в ту самую... из-за кого меня считали “чудиком”.

Самым большим ударом для меня стала смерть моей милой мамочки. Сейчас я сижу на её могиле, с фотографии на кресте на меня смотрят её яркие глаза. Там она одета в своё любимое бордовое платье... Бордовый... Я покрасил все стены своего дома в этот цвет – в память о ней... А около могилы посадил берёзу.

Я помню свои последние минуты рядом с ней. Тогда она взяла мою руку в свою и сказала: “Ночью, бывало, просыпалась, а ты сидишь у окна и смотришь... смотришь... смотришь... Часами сидел около холодного подоконника, как замороженный. Не понимаю до сих пор, что ты в той темноте разглядывал?..”

И тогда я ей рассказал.

Тогда я ей всё рассказал: “Первый раз я увидел её, когда мне было два годика. Я совсем несмышлёныш был, играл своими погремушками, сидя под столом в нашей уютной комнате. Вдруг что-то сверкнуло

за окном напротив стола. Любопытный, как и любой другой ребёнок, я тут же полез на подоконник. За окном разлилось широкое, как мне тогда показалось, море, а на небе светила луна. Свет её оставил на внезапно образовавшейся водной глади дорожку, на которой я увидел её. Такая же кроха, как я. Она рассмеялась и захлопала в ладоши. Я тогда тоже начал хохотать. Тогда на мой шум прибежала ты, моя милая мама, перепугалась, бедная. Двухлетний хулиган твой сидел на окне и радостно улыбался.

Ты меня ласково потрепала по голове моей, унесла в кроватку.

С того вечера она стала приходить каждый день.

Никто не видел её – кроме меня. Это мне даже нравилось, я не хотел ею делиться ни с кем. Она росла вместе со мной, я не хотел общаться больше ни с кем, кроме неё...

Однажды она пришла ко мне днём.

Красивая, как тысячи звезд на чёрном небе, ярче солнца, легче ветра. Я любовался ею и был счастлив, что она принадлежит мне. Как я понял, что она только для меня?

Помню, ко мне подошла девчонка с косичками, вся в конопушках, в туфельках на босу ногу. Она спросила, с кем я разговариваю и почему так звонко смеюсь. Я изумился: “А ты разве её не видишь?”

– Кого? – девчонка с конопушками посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Я показал рукой на мою прекрасную Звезду, ангела, на любовь всей моей жизни.

Тогда девчонка решила, что я играю и крикнула: “Вижу! Она похожа на меня! Тоже рыжая!”

Тогда я понял, что её вижу только я. Девчонка та продолжала обманывать меня, будто бы она тоже видит мою Звезду.

Каждый день я виделся с нею, а ночью, когда все спали, за окном снова разливалось море, всходила луна, и на дорожке от её света сидела она...

Я видел вдали остров, с которого она приходила. Но, кроме меня, его больше никто не мог наблюдать”.

Когда я закончил рассказ, моя милая мама улыбнулась. Я знал, она не верит моим словам. Я знал, что она тоже считает меня странным, знал...

Моя мамочка никогда бы не сказала мне, что я чудак. И в этот раз она тоже не стала этого делать.

Когда она сделала свой последний вдох, рука её тонкая указала на дверь, а на лице её появилась лёгкая улыбка. В дверях стояла моя Звезда. И мама моя её видела в свои последние секунды жизни.

И мне до сих пор не нужны ни золото, ни горы денег. Она – моя жизнь и моё счастье. И пусть мы из разных миров и я никогда не смогу при-

коснуться к её нежным рукам, я не променяю её ни за что на свете – даже на самую красивую дочь Земли.

И я знаю, что она тоже меня никогда не оставит. Я знаю, что я для неё дороже всего, так же, как и она для меня.

Моя самая яркая Звезда, мой луч света в тёмном мире, моё счастье, которое могу видеть только я...

ХРЕНОВА Анна Александровна,
студентка 3-го курса
Курганского государственного
университета

ОБРЫВКИ ЛЮБВИ

Мама, наверное, это покажется странным, даже невозможным. Знаешь, а я и не прошу мне верить, просто послушай. Я помню... отчётливо помню этот момент. Мы по какой-то причине оказались около бабушкиного дома. Огромная машина с синим кузовом грозно, но по-родному рычала.

В те времена папин фотоаппарат, по счастливой случайности, всегда оказывался в нужное время под рукой. И здесь он пришёлся кстати. Всю ребятню, во главе с самым старшим – Романом, поставили на громоздкую деталь на кузове машины (даже представить себе не могу, как она могла бы называться; возможно, она и не такая большая, но в моей голове, на полке воспоминаний ей отведено достаточно много места) для совместной фотокарточки. Именно в этот момент мой заскучавший где-то внутри характер вдруг проснулся и решил показать себя во всей красе. Да, можно и не продолжать – Аня решила не фотографироваться. Сейчас в голове возникает образ меня, сидящей в кабине и исподлобья смотрящей через стекло на “людей-врагов”, которые продолжают становиться в разные позы, чтобы запечатлеть этот момент в истории...

* * *

Новый год в моей памяти навсегда останется сказкой. Каждый год мы с братом Валерой пытаемся понять, что нужно “эдакое” вытворить, как надо украсить дом, чтобы внутри нас вновь зародилось чувство

волшебства, ощущение беззаботности, неопишуемой лёгкости, радости и неизбежности чуда.

Раннее утро. В доме чувствуется лёгкий холодок – обычное явление для морозной зимы, единственным отоплением которой является печка, густо покрытая известью, но не скрывающая чёрную копоть сосновых дров, пробивающуюся сквозь щели кирпичной кладки. На улице ещё сумрачно. Жёлтый светильник создаёт атмосферу уюта.

Я помню, мама, что ты, как обычно, проснулась рано. Папа в те времена работал по сменам, поэтому именно от тебя зависела температура в доме, в прямом смысле этого слова. Конечно, твои дети начинали ждать подарки каждый день, как только предновогодний воздух проникал в их лёгкие. Ты играла по правилам, поэтому Дед Мороз всегда оставлял свой след по прошествии ночи. В тот день Волшебник повесил на светильник (который своим лучом не смог разбудить детей, но при этом с лёгкостью вырисовывал очертания обстановки в прихожей) маленького снеговика, своего помощника. Хитро – ведь именно он должен был следить за нашим поведением, определяя, достойны ли дети главного подарка под елкой в новогоднюю ночь. Отчётливо помню этого Снеговика (правда, их было несколько) и шоколадку “Сударушка”, подаренную в тот день старым волшебником.

* * *

Были времена, когда планировка нашего дома кардинально отличалась от действительности. Именно тогда – ранним зимним утром – одно из моих многочисленных желаний “неожиданно, но ожидаемо” исполнилось. Под едва узнаваемой ёлкой, тщательно замаскированной ярким, переливающимся дождиком, Аннушка обнаружила пупса – недавнюю мечту, приготовленную из щепотки зависти к подругам, к тому моменту уже имеющим чудо-куклу, щепотки детских грёз и горстки непонятных представлений о всеобщем восторжении и статусе в обществе. Буквально наощупь был найден заветный свёрток, содержимое которого лишь миллисекунду оставалось тайной – обёртка вмиг была сорвана. Счастливый ребёнок, чьё лицо преобразилось (или всё же исказилось) от неестественно большой улыбки, напрямиком направился в спальню к родителям. Забравшись и удобно устроившись на кровати, маленькая девочка, держащая в руках “большую” мечту, на всеобщее обозрение демонстрировала способности своего новоиспечённого чада, которое мило разговаривало и наивно закрывало ярко-голубые глаза, обрамлённые пушистыми ресницами.

* * *

Может быть, благодаря именно детским воспоминаниям в моём представлении новогодняя ёлка – высокое, необъятное, невероятно красивое и всё же живое дерево. Запах зимнего морозца, случайно занесённого в дом на ветвях сосенки, оттаявшая смола на молодых шишечках и ещё влажные, но оттого мягкие иголки – всё это – неотъемлемая часть волшебного вечера. Уличные сумерки разбивает луч света, идущий из окна большой зальной комнаты, в которой глава семейства пытается аккуратно, равномерно распределить по голой, но уже увенчанной яркой звездой ёлке разноцветные гирлянды.

Как только лесная красавица облачится в праздничный наряд, потухнет свет, тёмно-зелёные ветви вспыхнут яркими огнями, а блеск новогодних шаров, словно играя, начнёт притягивать к себе замороженный взгляд, настанет момент истинного волшебства. Все (ну или практически все) желания, доверенные помощнице Деда Мороза, обещают в скором времени исполниться. Нужно только произести мечты, стоя у ёлки. И это не просто развлечение для маленьких детей, а практически ежедневный ритуал перед тем, как крепко уснуть, с нетерпением ожидая нового дня, который обязательно подарит чудо.

* * *

Ответственная миссия забрать ранним утром подарки из-под ёлки возлагалась чаще всего на того, кто первый проснулся. Не стоит забывать, что не все в нашей семье имеют способность бодрствовать в стандартном режиме: в первые часы нового дня открывать глаза и быстро засыпать после «Спокойной ночи, малыши». Поэтому Аннушка обычно сначала слышала о том, что лежит под ёлкой, и только потом видела.

Правда, был один раз, когда под ёлкой не оказалось заветного пакета, коробочки, свёртка с новогодним сюрпризом. Лишь небольшая записка на верхней ветке, под самой звездой, указывала на то, что подарок всё же есть в этой комнате. С выражением зачитать послание было доверено главной женщине семейства. Но вот найти новенькое зеркальце и расчёску удалось не с первой попытки. Не буду скрывать – даже не со второй. Могу допустить, что и третья попытка не увенчалась успехом. С самой прямой подсказкой самый высокий человек в доме достал из самого верхнего шкафчика, вероятно, не очевидную мечту маленькой девочки – но очень неожиданный и приятный подарок, который ещё долгое время служил своей новой хозяйке.

* * *

Не могу точно сказать, кому в большей степени не повезло в этой жизни: мне с полученным в наследство характером или тем, кто испытывал на себе его проявление. Бурные скандалы, взрывы эмоций, драки – всё это обязательно разбавляло скучную и однообразную жизнь молодых родителей. Не стану отрицать, что подобные «яркие» события не оставались незамеченными и безнаказанными. Угол за печкой в самой первой комнате, оборудованной под детскую, до сих пор не может забыть град слёз, покрывающий разноцветные бумажные обои. Он так часто наблюдал эту картину, что выделил несколько этапов принятия наказания. Сначала – отрицание. Этой стадии присуще громкое отстаивание своей правоты и невиновности. Затем следует усталость от реки слёз, вышедшей из глаз ребёнка, и три минуты молчания. Далее – второй поток слёз, с огромным трудом выдавливаемый из слегка покрасневших глаз. Именно эту стадию чётко запомнили стены угла, особенно бумажные обои. Как только их касалась солёная слеза, маленькие пальчики... они нещадно протирали на месте касания влаги и бумаги дыру, напоминающую след от несправедливости на сердце. Завершением данного испытания было торжество – ведь все слёзы выплаканы, гнев прошёл, а цветные стены получили на хранение тайну, познать которую суждено следующему, кто будет поставлен в угол.

* * *

Не помню точно, в какой момент мой день рождения перешёл из категории детских во взрослую. Но я полностью уверена, что детский мне нравился больше. Мы ведь были королями вечеринки. Только вспомни отдельный стол, гордо держащий на себе главное достояние – стеклянную вазочку, до краёв наполненную разноцветными конфетами, под оберткой которых скрывались загадки. Упаковки «мерендинок» со всевозможными вкусами, печенье в шоколадной глазури, огромная тарелка фруктов, большие стеклянные стаканы, содержащие в себе детское вино, в народе носящее имя «компот» – это всё, что требовалось для безграничной радости и счастья. Ноль внимания ко взрослым разговорам, бесконечные игры, не имеющие названия, конкретных правил и ограничений, бег по всему дому, нередко выходящий и за его пределы – это лишь малая часть праздничных развлечений, которые время от времени прерывались и снова брали своё начало у «детского» стола.

Свежий летний ветерок шумит молодыми листочками развесистой рябины. Среди зелёного великолепия ярким пятном выделяется жёлтый стол и обрамляющие его лавочки. Единственное окно, открывающее внутренности захламленного гаража, печально смотрит грязными стёклами на интересную троицу. Двое детей и красивая женщина внимательно рассматривают первый в своей жизни номер журнала “Мурзилка”. Здесь всё было в новинку, всё – впервые: необычные рубрики, много текста, иллюстраций, ребусы и кроссворды (устно решённые и не испачканные чернилами шариковой ручки), репродукции полотен великих художников, чьи имена никогда ранее не слетали с уст детей. Каждая буква данного номера была жадно впитана, каждая картинка – чётко зарисована в памяти. Фантазия тут же создавала образ следующего выпуска, ждать который целый месяц просто не представлялось возможным. Именно поэтому, всё под то же дуновение ветерка, замечательная троица снова и снова возвращалась на страницы журнала, пытаясь найти случайно выпущенные из внимания строчки.

Время показало, что очень многое воспитывать в людях не стоит. Их вообще *воспитывать* не надо. Делать то, что искренне считаешь правильным и нужным постоянно, а не от случая к случаю, не указывая на это окружающим – вот что меняет нас самих, а значит – и действует на людей.

Не так давно я стала замечать за собой очень хорошую, на мой взгляд, привычку: примерно раз в месяц выбрасывать с самых дальних и пыльных полок ненужный хлам. Хотя даже “мусором” назвать это сложно: просто разные вещицы, к которым давно не обращались. Точно! Подобная черта присуща и тебе, мама. Ты всегда занималась чистой пространством вокруг себя. Иногда твоё пространство каким-то странным образом перекрещивалось с нашим. Наверное, сегодня я бы сказала тебе спасибо за это – ведь уже сама имею желание выполнять данную функцию. Но в детстве такая зачистка была катастрофой. Баночки с засохшим лаком для ногтей, сломанные заколки, порванные браслеты, потрёпанные сумочки, безногие Наташи, Маши, Вики, пластиковые детали, служившие куклам мебелью в игре – всё это нещадно собиралось в большие пакеты и выносилось из дома. Странная ты, мама. Это же сокровища, настоящие артефакты, цены которым не найти.

Ум и смекалка, полученные в наследство или же приобретённые с жизненным опытом, не позволяли опускать руки и покоряться жестокой судьбе. Самые лучшие детали “прежней жизни” тайком вынимались и перепрятывались в других местах. Самым распространённым тайником служила старая, практически заброшенная, сарайка. На серых, подгнивших “антресолях” аккуратно прятались спасённые сокровища. По правде говоря, они потом редко достаивались внимания, но те минуты, в которые они приковывали взгляды детей к себе, были самыми волшебными, покрытыми тайной и загадкой.

ЧЕРКАЩЕНКО
Елизавета Андреевна,
сотрудник Эрмитажа,
Санкт-Петербург
(участница конкурса из с. Сычёво
Кетовского района)

Мир, окружавший его, был удивительным и многогранным. А каждый новый день открывал множество новых неизведанных путей навстречу приключениям. Он шёл бесстрашно вперёд, создавая свою невероятную историю, и жизнь с трепетом принимала его в свои объятия.

Мудрый Кот

КРЫСЁНОК ПО ИМЕНИ НИК КЛЭВЕРИ

Начало истории

Полумрак не спеша начал рассеиваться, когда первый лучик солнца осторожно и лениво коснулся прохладной, мерцающей от множества жемчужных росинок, травы. Где-то под большим зелёным листом подорожника проснулась божья коровка, а тенистые облака поспешили уступить место мягкому и тёплому свету, озарившему тихие лесные дорожки. Так начался новый день, который, конечно же, принесёт много удивительных событий и непременно полезных дел. Великое волшебство пробуждения жизни происходило именно с рассветом. Так считал Ник Клэвери. В это прекрасное время он, как всегда, уже бодрствовал, выходя в свой любимый сад понаблюдать за сонными цветами, которые, распускаясь, вели неторопливую душевную беседу с крысёнком. Затем начинался плотный и полезный завтрак, который Ник ни за что не пропускал. Он мог подолгу сидеть в уютном мягком кресле с чашкой горячего какао, размышляя о том, о сём, оставаясь наедине со своими мыслями и впечатлениями от нового утра.

В далёкой-далёкой чудесной стране Эринфрэй, найти которую возможно, лишь преодолев бескрайние лесные просторы, бурные тёмно-синие ленты рек, вершины заснеженных величественных гор и целый Небесный Океан, в небольшом поселении Ким де Лефлей на краю

Звёздного моря жил маленький крысёнок по имени Ник Клэвери. Его уютный домик был шестнадцатым на Блёр-стрит.

И стоит упомянуть, что сад, выращенный Ником, был поистине роскошным, привлекая внимание местных жителей, иногда заходивших в гости полюбоваться на дивные и так любимые крысёнком растения. Во множество полезных каждодневных дел входил и небольшой огород, на котором росли ово-

щи. Но, признаться, больше всего Ник любил большую оранжевую тыкву – ей-то он и рассказывал о своих новых приключениях, случавшихся каждый день. А любой новый день был не похож на предыдущий. И совершенное счастье – встречать дни, когда рядом с тобой есть верный и надёжный друг, с которым, как считает Ник, ему несказанно повезло.

Недалеко от берега Звёздного моря, что в самом конце улицы, растёт и здравствует многолетний раскидистый каштан, под которым построил свой домик рыжий, как осенние листья, зверь. У этого домика нет цифры, он стоит сам по себе. А живёт в нём Фред Бакс – лучший друг крысёнка Ника. Маленький лис с глазами цвета космоса... Он был несколько странен в своём образе, необычен и чудаковат. Он жил здесь, кажется, ещё задолго до того, как Ник решил поселиться неподалёку. В голове Фреда были тысяча и одна идея касательно всего происходящего. Он любил ночами смотреть на звёзды на большом Зелёном Холме, где они с Ником впервые и повстречались.

Фред не любил вставать рано. Очень редко местные жители могли заметить его в дневное время, когда он гулял по оживлённым улицам. А заметив – удивлялись, перешёптываясь: так редко он был на виду. Он ценил тишину. Для него великое волшебство покоя природы начиналось в ночное время. И для него не было ничего прекраснее звёздного небесного полотна, что отражалось в его необычных глазах и душе. Поэтому Фред всегда просыпался к полудню, подолгу слушая весёлое щебетание птиц, утопая в мягких пуховых одеялах. День его начинался довольно поздно – как и сегодня, когда Ник уже успел насладиться утром, и сходить на рынок за спелыми яблоками, чтобы испечь ароматный пирог и явиться к другу на чашечку бодрящего чая.

Часть I

Глава 1. О жителях Ким де Лефлей

Поселение и правда было весьма небольшим, однако его с уверенностью можно было бы назвать и маленьким городом. Жителей здесь было так много, что Ник едва ли знал одну четвертую часть из них. В самом центре происходило всё самое интересное, а жизнь была светливой и насыщенной. Весенний цветущий Лефлей был прекрасен. Ник часто любил наблюдать за его обитателями, особенно в праздники, когда жители выходили из своих домов и поздравляли друг друга с любым значимым событием. Это могло быть начало осени или первый снегопад. Такие перемены здесь замечали и любили. Можно было услышать восторженные фразы вроде: “Яблони зацвели, вы только гляньте, какая красота! Поздравляю вас!”. И сразу становилось радостно и тепло на душе. А на рынке всегда можно было найти всё, что только пожелаешь. На Площади, Где Происходило Всё Самое Главное (она действительно так называлась), возвышалась каменная башня с большими часами – так можно было всегда узнать время, если ты ждёшь поезда, чтобы отправиться “хоть куда” или “куда угодно”. Второе направление Нику всё же нравилось больше. Несколько раз в неделю он обязательно оказывался в новом городке, поселении – или же это мог быть лес или ручей, который он видел впервые. Мир велик и прекрасен. А впереди у него целая вечность. Подобная мысль не могла не радовать крысёнка. Он шёл домой с корзинкой яблок и улыбался, глядя в раскинувшийся над головой небесный океан. Хотя для жителей городка не существовало плохой погоды, день сегодня выдался на удивление солнечным.

А вот звон маленького колокольчика, что пробудился от отворившейся двери, оповестил об открытии книжной лавки, где уже очень давно работает мистер Грегори Джонсон – пожилой и не очень всем довольный барсук. Он всегда ходит в длинном плаще и потёртой шляпе, что-то бормоча про себя. Сегодня в его руках снова был зонтик. Барсук не привык доверять ясному солнцу и по-прежнему ждал, когда же начнётся дождь. Он был ворчливым и вредным, однако всегда с почтением отно-

сился к прохожим. Завидев Ника, мистер Джонсон вежливо приподнял шляпу:

– А-а, мистер Клэвери! Обязательно заходите, дружок, как будет минутка. Уж с вами-то мы побеседуем, как говорится, по душам, – обратился он к Нику и скрылся за стеклянной дверью, тревожно взглянув на облака.

Минутка у Ника была, но он поспешил вернуться домой, чтобы успеть испечь пирог и зайти в гости к Фреду. Солнце медленно спряталось за пушистое облако.

“Возможно, Грегори был прав насчёт грядущего дождя”, – подумал Ник и немного поёжился от лёгкого порыва ветра.

По каменной мостовой ему навстречу шёл бульдог – сэр Тео Китсли, как всегда, в парадном костюме и шляпе. Он величаво вышагивал, опираясь на трость (что давалось ему не без труда: он был весьма упитанным и, к слову, самым состоятельным жителем Ким де Лефлей). Его почётный род уже не одно поколение владел несколькими большими фабриками по всей стране Эринфрэй. Вот только сам сэр бульдог очень редко был учтив с простыми жителями. И Нику его было искренне жаль. Ведь несчастный Тео совершенно не знает и не ценит радости каждого дня, и у него нет сада и хорошего друга, с которым не страшны никакие невзгоды.

Спустившись с моста, Ник поприветствовал зайчонка Арти Симонса: тот сегодня вышел порыбачить раньше обычного, чтобы как можно скорее отнести свежую рыбку на рынок, пока его мама – миссис Симонс – занималась домашними делами. Кроме него, в доме было ещё трое зайчат.

Арти болтал лапами в воде, укрывшись от солнца под соломенной шляпой. Казалось, он никогда с ней не расставался.

– Доброго утра, Ник! – прокричал он с берега. – Погодка сегодня чудесная! Никак Мудрый Кот услышал меня... Да здравствует новый день!

Ник радостно помахал дружески лапкой, едва не уронив корзинку с яблоками. Мудрый Кот... В Эринфрэй в него верит каждый,

хотя никто и никогда его не видел. Говорят, он живет в небесной стране далеко за облаками и видит всё, что происходит в мире. И как-то раз Фред обмолвился, что знает, где находится эта самая страна, и что однажды – или когда-то давно – он встречал Мудрого Кота. Вот только никак не вспомнит, когда именно, хитрый лис.

Глава 2. Тучи над городом

– Фред! Фред, вставай! – Чей-то знакомый голос всё звал и звал. Но их с лисёнком словно разделял целый океан бескрайних чёрных вод. – Солнце встало, ну же, Фред!

И лишь когда хитрый нос учуял аромат яблочного пирога, лис пошевелил одним ухом, а затем и другим. Так начался день у мистера Бакса. Он зевнул, потянулся и перебрался за стол, поправив свой неизменный полосатый шарф. Эта вещь досталась ему по наследству и передавалась из поколения в поколение – так ему объяснили. Удивительно, но такую вещицу можно было найти в любой лисьей семье.

– Сегодня мы обязательно сходим на Зелёный Холм, Фред.

По чашкам был разлит земляничный чай, который друзья могли пить целый долгий день. Лисья нора была довольно интересным местом. На стенах были развешаны портреты в рамках, напоминающие о большом и дружном рыжем семействе, а так же всевозможные вещицы, которые любил собирать Фред. Что-то светилось, что-то крутилось, а что-то тикало. За рассмотрением чудного убранства можно было проводить часы напролёт. Внезапно засуетившись, лис кинулся в кладовку, пытаясь что-то найти.

– Я хотел показать тебе одну очень интересную вещь, Ник. Перед тем, как уйти, мой отец передал его мне. – Куча всякой необычности с шумом посыпалась на запасливого хозяина дома. – Вот! Ты только посмотри...

– Что это, Фред? – шёпотом спросил крысёнок. – Это совершенно невероятная вещь. Ничего подобного никогда не видел. – Ник осторожно подошёл к неизвестному предмету.

Множество прозрачных стёкол в золотых оправках то и дело заслоняли друг друга, переливаясь в солнечном свете, а большой серебряный цилиндр на тонких витиеватых ножках надёжно держал сложную конструкцию.

– Мистер Бакс-старший мог наблюдать через него звёзды. Он говорил, что они похожи на большие огненные шары. Можешь себе представить, Ник, эти маленькие сияющие огоньки, объятые пламенем? Сходим посмотреть на них сегодня, обязательно сходим. – Фред печально вздохнул. – А ещё его чудаком называли... Ты только не говори никому,

даже если он оказался прав. Уж поверь, Тео молчать не будет, да и нам как-то спокойнее.

– Это будет наша с тобой тайна, – согласился Ник. – Только не переживай. На звёзды мы сегодня посмотрим. А уж Мудрый Кот в обиду тебя не даст.

– Однажды я познакомлю тебя с ним, – заверил друга Фред, затаскивая необычную штуку обратно в кладовую.

“Ну каков чудак!” – сказали бы многие, но только не Ник. На слова лисёнка он лишь улыбнулся, искренне надеясь на знакомство с великим чудом. Так за неспешными разговорами прошла ещё одна половина дня.

Уже ближе к вечеру они собрали походные рюкзаки. В ночное время всегда значительно холодало – но пара тёплых одеял, горячий чай и печенье с корицей отлично спасали от любого холода. Так как день выдался особенно солнечным, перед ночным походом Ник отправился домой, чтобы щедро полить любимый огород, за который он так часто тревожился. А с наступлением темноты друзья отправились к Зелёному Холму, прихватив дорожный фонарь, озаряющий извилистый путь. Они шли не спеша, сочиняя смешные и нелепые истории, в которые каждый день могли бы попадать, – пока окончательно не наступила беспросветная темнота. Разбив лагерь на самой верхушке холма, они принялись за странную штуковину мистера Бакса-старшего. Уж то ли потому, что он был настолько диковинным, предмет никак не хотел стоять на одном месте, норовя скатиться вниз по крутому склону. И только теперь Ник невзначай взглянул на ночное небо.

– Что-то не видать звёзд, Фред, – обратился он к другу.

Лис тут же тревожно окинул взглядом тёмное небесное полотно над собой.

– Может, сегодня они светят не так ярко... Вот погоди, сейчас настроим эту штуку и увидим все-все звёзды мира!

Но звёзды так и не появились. Они всё сидели и ждали. И чай уже остыл, и в сон начинало клонить, а звёзд всё не было.

– Ничего, Ник. Не сегодня, так завтра, – подбадривал Фред друга.

Так они просидели почти до самого утра, пока обоих окончательно не склонило в сон. Но не только звёзды пропали на небе этой ночью. Проснувшись к полудню, друзья не увидели и солнца.

Сильный порывистый ветер беспощадно срывал зелёные листья с ветвей деревьев и клонил травы к земле. Утро выдалось пасмурным, тяжёлое серое небо грозило накрыть собой весь Ким де Лефлей.

– Пора вернуться домой, Фред, – Ник растормошил сонного друга, и, собрав вещи, они покинули Зелёный Холм. Чем ближе они подходили к поселению, тем всё темнее становилось небо. Подгоняемые ветром, мрачные тучи собирались вместе, и уже через мгновение шелест ветра заглушил первый гром.

– Тучи над городом... Давненько такого не было.

Ник шёл, погружённый в свои мысли. Самой главной из них была мысль о том, что Грегори был прав насчёт ненастья, и он зря так хорошо полил огород.

Глава 3. Большие проблемы маленького города

(Рассвет. Часом ранее)

Этим утром не встало солнце. Мистер Джонсон, будучи не в самом лучшем расположении духа, презрительно смотрел на серое пасмурное небо через запотевшее окно. Справиться с утренней прохладой помогал растопленный камин и уже дважды закипевший чайник. С тяжёлым вздохом, шаркая по полу тапками, Грегори отправился заваривать чай. Как и каждое другое утро, он размышлял об очень важном вопросе, а именно – какой же зонт взять сегодня с собой и остаться довольным. Для Грегори задача была не из простых. Его крайне редко устраивало происходящее вокруг. “Приговорив” пару чашек чая и тарелку несомненно полезной каши (которую он не любил, но терпеливо варил по утрам, напоминая себе, что в таком возрасте не мешало бы позаботиться о своём здоровье), мистер Джонсон собрался в путь, с видом знатока остановившись у стойки с зонтами.

– Хм-м... – Он с интересом принялся рассматривать каждый из них. – С этим я любил пройтись по осеннему парку в юности... Да-а, припоминаю.

Оранжевый зонт заставил Грегори улыбаться, уводя в воспоминания о тёплой золотой осени. Кажется, это было очень давно. Остались ли фотографии с того времени? Кто бы мог знать. Даже если и сохранилась парочка – мистер Джонсон вряд ли сможет вспомнить, куда их задевал.

А какое прекрасное было то время! Он был молод и, возможно, иногда был доволен всем – даже небольшим дождём.

– Ох, – его внимание привлёк старый зелёный зонт с потёртой от времени некогда позолоченной ручкой. – А вот с этим я впервые открыл двери своей книжной лавки! – По-доброму посмеявшись, барсук пару раз открыл и закрыл зонт, проверяя, целы ли спицы. – Да, приятель, мы многое с тобой повидали... Пожалуй, сегодня возьму тебя с собой.

И только он успел закрыть дверь на замок, как раздался жуткий гром, от внезапности которого мистер Джонсон уронил ключи. Он с недоверием посмотрел на серое небо, на котором не было и намёка на ливень. И с сомнением посмотрел на выбранный зонт. А если и пойдёт дождь, сможет ли этот зонт защитить его пальто и фетровую шляпу от влаги?.. Его размышления прервал ещё один раскат грома, и Грегори просто поспешил как можно скорее добраться до книжной лавки, дабы не быть застигнутым стихией врасплох.

Но что-то было не так. Что-то никак не давало ему покоя. То ли отсутствие туч, то ли суетившиеся вокруг жители города – возможно, тоже торопившиеся попасть куда-нибудь, чтобы не промокнуть. А гром всё повторялся и повторялся. И чем ближе Грегори приближался к Площади, Где Происходит Всё Самое Главное, тем громче становился шум, и тем яснее становилось, что дело не в тучах. Народ стекался в центр событий, волнуясь и что-то выкрикивая. С трудом протиснувшись к двери книжной лавки, Грегори остановился, тревожно оглядев площадь.

Отсюда, со ступеней, было видно лучше всего. Он видел, как центральный рынок превращался в руины, как возмущённый народ пытался этому помешать. Как сэр Тео Китсли раздавал указания сносить всё, до чего он мог и не мог дотянуться. И как его Стража Тишины беспощадно разгоняла протестующих. Мистер Джонсон схватился за сердце. Он прожил здесь всю свою сознательную жизнь, многое повидал, – но такого беспорядка на его памяти ещё не было.

– Мистер Джонсон! Мистер Джонсон! – К нему подбежал обеспокоенный зайчишка в соломенной шляпе. Симонс был хорошим парнем, добрым и отзывчивым. Всегда помогал Грегори с его книгами и просто любил поболтать, чего старику так не хватало в последнее время. – С вами всё в порядке, мистер Джонсон?

– Арти, дружок, помоги-ка открыть эту старую дверь, никак не поддаётся... Ох, не зря Мудрый Кот гневается, тучи нагоняет. Что творится, что творится!..

Зайдя внутрь, Арти первым делом подал Грегори стакан воды.

– Что же это происходит, мистер Джонсон?

Симонс говорил тихо. Он был в расстроенных чувствах, наблюдая

за переполохом на площади через витрину лавки. Больше не было надобности ходить на рынок и продавать рыбу. Как же теперь будет жить его семья?

– Арти, ты должен найти Ника. Такого беспорядка мы не потерпим!.. Как бы этому Тео чего ещё в пустую голову не пришло! Вот разберётся с рынком – а там, глядишь, и до плотины доберётся. Мешает, видите ли... Беги, беги, пока не поздно!..

И Арти поспешил разыскать своего приятеля, пока дело не приняло ещё более серьёзный оборот. Пройти сквозь шумную толпу было тем ещё испытанием, а Радужный мост грозился в ближайшее время оказаться перекрытым.

Однако, к великому разочарованию Арти, дома Ника не оказалось. Такое случалось крайне редко. Арти знал, где искать друга в таком случае, вот только ему уж больно не хотелось идти к Фреду. Никто в поселении его особо не жаловал, ибо появлялся лис на глаза не часто, но обязательно за это время успевал что-нибудь натворить и втянуть кого-нибудь в историю. Арти предпочитал бывать в стороне от шумных событий. Неприятности ему были ни к чему.

А тем временем в домике под каштаном мистер Клэвери и мистер Бакс пытались разгрести хлам в кладовке Фреда. Чего там только не было! Кажется, хитрый рыжий зверь стаскивал туда всё, чему не мог придумать применение сразу. И что ни возьми – всё ему было нужно и полезно, отчего Ник иногда недовольно ворчал на него. Сколько ни старайся откладывать ненужное в одну кучу – Фред следом переложит в другую. Оттого вещей и не убавлялось.

– Положи на место! – Ник успел притормозить уползающую у него из-под носа ржавую вилку.

– Нужна! – Бакс прижал хлам к себе, жалостливо глядя своими космическими глазами, а затем и вовсе улёгся на кучу мусора, обнимая его. – Не дам! Вот увидишь, ещё пригодится, точно тебе говорю.

Ну что с ним поделаешь! Ник лишь покачал головой. Случай был безнадёжный. Внезапно Фред подскочил, подбегая к окну и шевеля ушами, в один миг позабыв про своё “сокровище”.

– Ты слышишь?.. – обратился он к Нику, не поворачивая головы. – Кажется, к нам кто-то очень торопится в гости...

Ник тоже подошёл к окну. Хорошенько присмотревшись, он увидел вдалеке Арти. Тот бежал со всех ног, размахивая лапками и что-то крича.

Ник тут же поспешил выбежать ему навстречу. Что-то явно случилось, раз Арти решил наведаться в лисью нору. Зайчишка еле говорил, хватая ртом воздух, отдышаться просто не было времени.

– Беда... Там на площади... Там такое!.. Такое!!!... Тео сносит всё, что считает ненужным... Мистер Джонсон просил тебя найти!.. Ник... всему конец!...

– Разберёмся, – спокойно заявил появившийся рядом Фред.

Было ясно, что он пойдёт с ними, – хоть его и не звали. Дело касалось каждого жителя Ким де Лефлей. Да и Фред просто не мог оставаться в стороне, когда происходило что-то подобное. Одного Ника он бы не отпустил. Быстро покидав в походные мешки всё необходимое, троица отправилась в путь.

То, что друзья увидели, когда оказались на площади среди кричащей толпы, повергло их в ужас. Большие машины таранили ветхие домики, оградки, навесы для фруктов и придорожные небольшие магазинчики. Уничтожали всё, что было на пути к дамбе. Ибо именно здесь Тео задумал построить свою новую фабрику. А над испуганной событиями толпой кружили Вороны, выискивая самых активных недоброжелателей происходящего.

И, как показалось Арти, Фред уже не раз с ними встречался – иначе зачем бы сейчас он накинул на голову капюшон.

– Ты не говорил, что здесь Стража Тишины, – спокойно обратился он к Симонсу, чьи лапки при виде больших птиц тихонько подрагивали. Фред это заметил и усмехнулся.

– Что, Арти, боишься?

– А ты – нет?

– Ещё чего.

Вороны, облачённые в чёрные мантии и безликие маски, выглядели и впрямь жутко. Идея, кстати, принадлежала Тео – так у них был более устрашающий вид. На первый-то взгляд Вороны как Вороны – те самые, которых каждый хоть разок огрел метлой, прогоняя со своего огорода. Чёрные Стражи Тишины крайне редко появлялись на улицах города, так как порядок здесь был практически всегда, а жители были дружны между собой. А тут прямо напасть какая-то...

– Нужно его как-то остановить.

Происходящее Нику совсем было не по душе. Он огляделся в поисках чего-нибудь повыше. А увидев пустую бочку, решил, что она сгодится в самый раз.

Тео не было никакого дела до зывающей к нему толпы. Он прогуливался от одной разрушенной постройки к другой, оценивая качество проделанной работы и раздавая новые указания, когда услышал внезапно

затихший народ и всего один голос, обращающийся лично к нему:

– От имени всех граждан Ким де Лефлей...

Это был Ник.

Конечно же, Тео его узнал. Он встречал этого крысёнка каждое утро и намеренно не отвечал на его приветствия. Таким вредным он был.

– Сэр Китсли, остановите это безумие! Разве вы не видите? От ваших действий страдает народ! Этот рынок годами обеспечивал сытую жизнь каждому, и хорошую прибыль – всему городу. Ваша новая фабрика не сможет его заменить.

Подобная выходка не на шутку разозлила Тео. Он был всерьёз убеждён в том, что его очередная фабрика парадных галстуков необходима, и непременно должна быть построена. Старые галстуки ему давно

разонравились, а ездить в другой город стало неприемлемым с тех пор, как сэр бульдог снова прибавил в весе. И что эти непутёвые звери прицепились к своему рынку? Сам Тео никогда не задавался вопросом, откуда его повара брали продукты, чтобы порадовать своего господина сытным обедом. Они просто *были* – и этого было достаточно, чтобы ни о чём не беспокоиться. Он слышал, что у Клэвери был свой огород, – так почему бы этим глупым протестующим не поступить так же? И зачем вообще этот рынок? Разве на нём есть что-то, кроме овощей? Тео не знал. Подобные места он обходил стороной, как и шумные маленькие улицы, на которых можно было с лёгкостью испортить любимый галстук.

– Если вы намерены и дальше продолжать свои жестокие действия, мы будем вынуждены обратиться за помощью к Мудрому Коту!

При упоминании последнего сэр Китсли презрительно сморщил и без того морщинистую морду. В Мудрого Кота он не верил – однако каждый раз оглядывался, когда клал в карман лишнего и чужого. Ходили слухи, что этот Кот видел всё происходящее вокруг. Было бы неприятно, узнай он обо всех скрываемых Тео делах.

– Долой тиранию Китсли! – раздался внезапно возглас, вернувший Тео из размышлений. Кто, если не Фред, мог так смело заявить о себе, заводя механизм неотвратимого восстания!

– Долой тиранию Китсли! – подхватила толпа, с уверенной силой наступая на выстроенные ограждения.

– Всех!.. Взять всех!.. – кричал Тео. – Никакого Мудрого Кота нет! Никто не покинет город! Арестуйте зачинщиков мятежа!.. Так просто вам это с рук не сойдёт!..

Ник и Фред посмотрели на свои лапки, с недоумением переглянувшись. И тут мистер Джонсон затащил их в книжную лавку, схватив обоих за шиворот,

пока Вороны Китсли кружили над буйной толпой в поисках мятежников. Арти поспешил следом.

– Скорее, ребята!.. Если уж этот тип пригрозил расправой, жди беды!

– Нам не покинуть город, мистер Джонсон. Повсюду Чёрная Стража.

– Ник понуро сел на скамейку, подперев ладонками щеёчки. – Ещё и вам достанется. Мы заварили эту кашу. Теперь пойдём до конца.

– Ну, тогда я буду рад помочь благому делу, – продолжил Грегори. Он открыл ящик старинного письменного стола и, порывшись в бумагах, достал маленький ключ. – За последним книжным шкафом есть потайная дверь. Я, конечно, надеялся, что она никогда не пригодится, но время пришло. Найдите Мудрого Кота. Больше нам надеяться не на кого. Я верю, что он есть, и обязательно поможет. Берегите друг друга...

– Спасибо вам, Грегори. – Фред пожал ему лапу. – Можете на нас положиться.

– Но что же будет с вами? – беспокоился Ник.

Сейчас мистер Джонсон выглядел решительно как никогда. Кому, как не ему, было известно о той жизни, когда Китсли еще не пришёл к власти, – и как сильно изменился город с тех пор...

В дверь громко постучали с требованием немедленно открыть.

– За меня не беспокойтесь. Я их отвлеку. Я стар, мне терять уже нечего. Обратного пути нет... – И, пару раз глубоко вздохнув, Грегори смело вышел за дверь, не забыв запереть её ключом.

– Бежим! – Фред схватил друзей за лапы, уводя их из лавки через потайную дверь, на которую Ник ещё долго оборачивался со щемлящим сердце чувством.

А Грегори предстал перед Стражей Тишины с высоко поднятой головой. Пуская от злости слюну, Тео наблюдал за ним. Ему доложили о том, что Джонсон помог скрыться Баксу и Клэвери, которых тут же

объявили в розыск. Никто не должен покидать город!

– Вы будете заключены под стражу для дальнейшего выяснения обстоятельств, – подал голос один из Воронов, хватая Грегори под лапу.

– Да, сделайте одолжение, не тяните. В моём возрасте устаёшь долго ждать, – ворчал барсук.

– Вы обвиняетесь в преступлении против законной власти, – заговорил второй страж, хватая Грегори с другой стороны.

– В преступлении? Единственный, кто здесь совершает преступления –

во-о-н там, – барсук указал лапой на Тео. Бульдога даже начало потряхивать от негодования.

– Настоятельно не рекомендуем выступать с грубыми высказываниями. Вы сделаете лишь хуже себе, мистер Джонсон! – снова закаркал первый Ворон, на что мистер Джонсон выхватил свою трость, грозясь запустить палкой в сторону сэра Китсли.

– Хуже будет, если я сейчас доберусь до этого наглеца и хорошенько огрею его по недовольной морде!

Толпа одобритительно загудела.

Под этот гул мистера Джонсона взяли под стражу. Его деревянная трость немного не долетела до предполагаемой цели. Тео был в ярости, хотя в глубине души питал некоторую симпатию к палкам. Он подозревал, что это столь странное чувство он испытывал когда-то очень давно. Возможно, далёкое воспоминание возникло из детства...

– Возмутительно! Да как посмели вы пойти против!.. – Он всё не унимался, твякая на всю площадь. Его Вороны хватали всех, кто был менее осторожным. – Наказать!.. Вы все будете наказаны!.. Я разнесу всё, что посчитаю нужным!..

С этими словами сэр бульдог поспешил скрыться, дабы обдумать наедине с собой план отмщения. А с наступлением сумерек был разогнан и мятеж.

На город опустилась темнота ночи, а вместе с ней – и Стража Тишины, патрулирующая каждую улочку и переулок. Вороны разыскивали Фреда и Ника, которым удалось пропасть бесследно – кружили над городом,

заходили в каждый дом, слушали случайные разговоры, заглядывали в окна. И несчастные жители Ким де Лефлей почувствовали, что сегодня под арестом оказались не только их дорогие друзья, но и весь город.

Ник и Фред по-прежнему находились в городе. Они успешно добрались вместе с Арти до главных ворот, вот только что было странным – так это отсутствие ночной стражи по пути. Город хорошо патрулировался. Им не должны были позволить покинуть город. Но именно здесь, у главных ворот, оказалось всего два Ворона. И сейчас их нужно было немедленно спровадить.

– Глупая идея, Фред... – Арти стоял, раскинув в стороны лапки. На нём был надет старый подранный плащ, на который Фред прицепил консервные банки. Они спрятались за деревянными ящиками, посчитав, что большие птицы ни за что бы не догадались искать их тут. – Я не хочу быть огородным пугалом, и потом... мои уши!.. По ним узнают меня, и...

– Понимаю, боишься. Но без твоей помощи нам не покинуть город. Соберись! Будь храбрее и помни: головой рискуешь! Пути обратно нет! – Завершив работу, Фред ещё раз посмотрел на зайчишку, посмеявшись. – Ну какой забавный!..

На это Арти лишь покачал головой и решительно отправился пугать Воронов.

Ник, напротив, очень переживал за друга. Храбростью Симонс не отличался, а потому для него подобный поступок был настоящим подвигом. Он вышел на широкую дорогу так, чтобы его было хорошо видно, – однако Вороны даже не обратили на него внимания, продолжая о чём-то беседовать. И Арти обеспокоенно обернулся на друзей, надеясь на подсказку.

– Пройди немного вперёд, – прошептал Фред, активно жестикулируя. Поняв сказанное, Арти смело сделал два шага, а на третий запнулся

за полуплаща и неуклюже шлёпнулся, брякая всеми привязанными банками. Его сердце на мгновение перестало биться. Заметив, как повернулась в его сторону стража, парнишка чуть не лишился сознания. Что было делать? Он резко вскочил на лапки, наводя ужас на Стражей Тишины – так силь-

но они боялись огородных чучел, – и отчаянно бросился бежать в их сторону. Терять было нечего. Перепуганные Вороны, несколько раз столкнувшись, полетели прочь, бросив свой пост.

– Ай да Арти! – Фред похлопал в ладоши. – Ну, герой!.. Спасибо!..

– В следующий раз пойдёшь сам. На меня не рассчитывай! – Но долго сердиться в семействе Симонсов никто не умел, и Арти всё же улыбнулся. – Удачи, ребята! Я верю, вы найдёте Мудрого Кота и спасёте город!

Друзья поспешили покинуть Ким де Лефлей, пока не вернулась стража. Они не знали, что все Вороны сейчас были заняты другим важным делом: с горящими факелами собрались над дамбой, которую было приказано снести этой ночью, чтобы наказать непокорный и неблагодарный (по мнению Тео) народ. Самому Китсли бояться было нечего. Дом его был построен высоко, чтобы наблюдать за делами государственных... ну и чтобы просто быть выше всех. У него было достаточно средств, чтобы отстроить всё заново несколько раз, – а потому он надеялся, что жители непременно обратятся к нему за помощью, когда лишатся всего. Этот небольшой город был построен в низине, и плотина защищала его от Большой воды. Но Звёздное море было слишком велико, чего сэр бульдог, конечно, не учитывал. К счастью, с момента основания города не случилось ни одного происшествия. Хотя мистер Джонсон поспорил бы с этим, признав главным происшествием становление Китсли во главе всего. Грегори говорил, что Тео просто не способен был использовать свою голову по назначению.

Часть II

Глава 1. Великий потоп и небесная лестница

– Фред, подожди!..

Ник тревожно обернулся, вслушиваясь в тишину. Они прошли всего ничего, но крысёнок услышал подозрительный треск, а затем – шум воды, когда над городом взлетела стая чёрных птиц.

– Этого просто не может быть... Ник!.. Он снёс плотину!.. Город затонет, бежим!..

– Но там наши друзья!

Не было времени думать. Схватив Ника за лапу, Фред поспешил как можно скорее оказаться подальше от беды. Вода огромной непобедимой силой рухнула на город, переворачивая поезда, унося дома, ломая Радужный мост. Первой под удар попала Площадь, Где Происходит Всё Самое Главное. Арти бросился бежать к своему домику – он был не так далеко, но там осталась его семья. Однако домика на месте уже

не оказалось: его уносило большим течением, как и всё, что уже успело разрушиться. Арти, едва ухватясь за фонарный столб, столкнулся с сильным течением. Вода лилась через железные решётки небольших подвальных помещений, где держали заключённых. Пропал бы и сидевший там старый барсук, если бы сильным потоком не пробило брешь возле деревянной рамы. Из последних сил он попытался выбраться наружу, но увиденное совсем не обнадеживало. Огромной волной накрыло и все близлежащие территории. Вода настигла каждого. Ник не понял, в какой момент они с Фредом потерялись. Его несло по течению, мимо мелькали деревья, многие из которых падали под силой стихии. Но Ник не сдавался, изо всех сил работая лапками. Было так страшно, что он уже и не надеялся на положительный исход. Всё же крысёнку удалось зацепиться за проплывающий мимо листок и забраться в него, как в судно.

Этот маленький листик и не разглядеть было в огромном потоке. То и дело он сталкивался с плывущими по соседству ветками, вода захлёстывала через тоненькие края, унося зелёную лодочку с маленьким капитаном в неизвестность.

Очнулся Ник всё в том же листке – правда, над головой было уже голубое небо. Вода успокоилась, а лодочка билась о берег, отчего создавалось впечатление, что путешествие ещё не окончилось. Как далеко его занесло? Ник так бы и продолжил лежать, размышляя над этим вопросом, если бы не услышал, как его зовут:

– Ник!...

Выглянув за борт, он увидел бегущего к нему по берегу Фреда. Лисёнок был в целости и сохранности, чуть более пушистый после высыхания, но до безобразия радостный, что нашёл друга.

Немного отдышавшись, он снова залез в воду, вытягивая лист на сушу и помогая Нику выбраться:

– Цел?..

– Кажется, да... Спасибо...

Вода широкой лентой растелилась вдоль берега – теперь спокойная и безопасная. Ник вылил воду из ботиночек, отряхнулся (отчего тоже стал пушистым), а Фред нашёл для себя походную палку.

– Мне повезло: я наткнулся на проплывающее дерево, а потом сразу перебрался

на берег. Всё боялся, что не найду тебя... Обошлось...

– Куда теперь?..

– Доверься. Мы сейчас именно там, откуда легче всего добраться до лестницы.

– Лестницы?..

– Конечно. А ты думал – Мудрый Кот живёт, как мы, в домиках?.. Нет-нет. Наш путь лежит через облачную равнину. И чтобы попасть туда, нужна лестница. Не каждому дано её отыскать. Но нам повезло, потому что один из нас точно знает дорогу.

Он всегда говорил загадками, увливая от прямого ответа. В этом весь Фред.

Немного обсохнув, они отправились в дорогу, не имея ни карты, ни компаса, рассчитывая только на лисий нос.

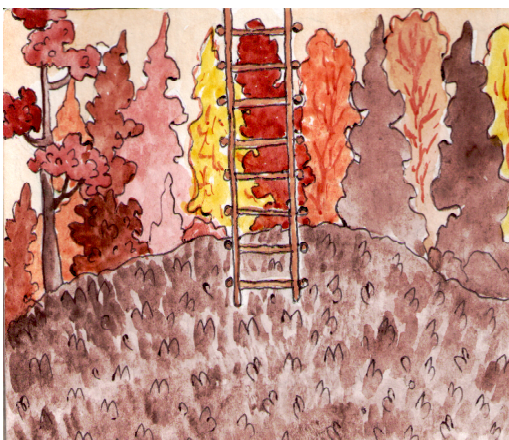
В местах, которые они проходили, Ник никогда раньше не был. Вода удачным образом ускорила их путь, словно так всё и было задумано. Да и небо здесь будто было ближе к земле. А иногда казалось, что до него можно дотянуться – лишь лапу протяни. И травы были выше, и леса – темнее.

– Осторожнее, Ник. Хоть это и запрещено, но иной раз Вороны всё же наведываются в эти земли. Однажды я столкнулся с ними здесь. Уйти было крайне сложно. Но мне удалось.

Об этих событиях Фред никогда не рассказывал. Это было во времена, когда он путешествовал вместе с отцом. Мистер Бакс-старший подвергся преследованию законом. Об этом не хотелось вспоминать. Тео недолюбливал весь рыжий народ. В Ким де Лефлей Фред остался такой один.

Темнота леса отступила, когда они вышли на небольшую полянку, хорошо скрытую высокими деревьями. И Ник увидел... Распахнув в удивлении глазки, он смотрел на самое невероятное чудо. Он представлял её иначе. Сплетённая из прочного волокна верёвочная лестница свисала к самой траве. Она тянулась из-за облаков, едва поддаваясь лёгкому ветру.

– Мы на месте, – обозна-

чил Фред, проверяя нехитрое приспособление на прочность. – Полезу первым. Если что – кричи громче и ни за что не отпускай верёвку.

Ник кивнул, а Фред начал ловко забираться наверх. Что же было там, наверху? Было крайне любопытно. Единственный способ узнать – добраться до самого конца... а может – до начала.

Уставший, измотанный дорогой крысёнок старался не отставать. Но уже вскоре полянка скрылась из глаз. Вокруг был лишь облачный туман и маячивший впереди лисий хвост, служивший единственным ориентиром. А позже и он пропал. Нику приходилось останавливаться не раз и не два, чтобы перевести дух – путь давался ему нелегко. Ещё не скоро, но всё же в один момент сильная лапа схватила его за воротник, помогая забраться наверх.

– Устал... – Ник разлёгся на чём-то мягком и белом. – Облака?!.. – спросил он удивлённо, не веря своим глазам. Пушистые холмы распротёрлись на мили вперёд.

– Да, они. Не стоит бояться, не упадём. Отсюда начинаются земли Мудрого Кота. Но живёт он гораздо дальше. Отдохнём немного и доберёмся до ближайшей переправы. Тут без транспорта не обойтись.

Места становились всё чуднее и интереснее. Ник лежал, вытянув лапки, и мял облачный покров. Он уже не вспоминал про свой огород. Чудеса случались здесь и сейчас. Небо вокруг было по-прежнему серым, однако Фред заверил, что скоро они смогут увидеть ясные воды Небесного океана. Он также упомянул, что их уже ждут, потому что Мудрый Кот видит всё, что происходит.

До ближайшей переправы друзья добирались пешком. Сложно было поверить, что места назывались “облачной равниной”. То и дело приходилось перепрыгивать с холма на холм, утопая в белоснежных сугробах, а впереди был лишь туман и – по меньшей мере – не один километр непростых дорог. На-деждой заиграл не-большой сигнальный огонёк. Он-то и опове-стил путников о пере-праве.

– Поторопись, – сказал лисёнок, уходя вперёд.

Возможно, их ждали, но явно не здесь. Тут нужно было договариваться о помощи.

Договариваться Фред умел. Небольшая постройка из бе-

лых воздушных кирпичиков едва выделялась на общем фоне. Фред помаячил хвостом перед небольшим окном, откуда через минуту показалась усатая голова сверчка.

– Ну ни минуты покоя!.. – лениво и недовольно застрекотал постовой. За всё время существования небесной переправы сюда обращались не больше пяти раз. Но жители равнины любили неторопливый образ жизни и считали такие визиты весьма частыми и надоедливыми. – Пассажиры? Сколько?

– Двое. К Восточным воротам.

Ещё один недовольный вздох. Пока постовой делал запись на пропуске, подоспел и Ник. Фред уверенно кивнул, заверяя в правильности всего, что происходило.

– Зачастил народ долины... – всё не унимались за окошком. Наконец друзьям протянули листок с печатью, строго потребовав: – Плата – один необычный хлам.

Порывшись в карманах, Фред достал ту самую ржавую вилку, что так и не удалось выкинуть Нику.

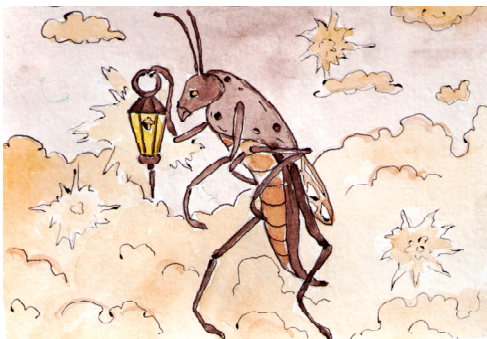
– Я же говорил – пригодится!

Трофей был принят под внимательным изучающим взглядом. Настроение сверчка явно стало лучше. Здесь любили вещицы из долины.

– Ваш транспорт уже ждёт. – Взяв тяжёлый на вид фонарь, постовой повёл их за собой через белый туман. Ид-ти пришлось недалеко. У края холма их встретила облачная колесница, запряжённая парой светлячков – таких больш-ших, каких Ник ещё никогда не видел. Фред поспешил за-браться в повозку.

– Счастливого пути.

Еще какое-то время огонёк фонаря мерцал в тумане, пока облачный транспорт уносил двух путников всё дальше и дальше, минуя равнину холмов.

Преодолев серое туманное пространство, они увидели совершенно невообразимое голубое небо. Колесница мчалась быстро. Со всех сторон мелькали облака, то стайкой, то одиноким островом. Нику казалось, что теперь они забрались уже очень далеко от дома. Возможно ли вернуться? И как там их дорогие друзья?..

Без транспорта здесь и правда было не обойтись. Быстрые колёса разрезали небесное полотно – того глядишь, оступишься, и всё тут. Неиз-

вестно куда попадѐшь.

Вскоре голубое небо сменил мрак ночи. Небесные воды окрасились в глубокий вельветовый синий. А звѐзды!.. Ведь друзья мечтали об этом, наверное, всю жизнь, сидя на большом Зелѐном Холме. Не маленькие огоньки, нет. Сияющие светила размером с солнце, освещающие собою всё пространство. Невозможно было насмотреться вдоволь. И они не сомкнули глаз до самого утра, пока небо снова не стало голубым.

Наконец впереди показалась “земля”. Целый город, воздушный, построенный из облаков, туманными прутьями кованый забор и чудесные большие ворота, именуемые Восточными. Их высадили у самых ступеней. Ворота, ведущие в город, медленно отворились, приветствуя гостей из долины.

Глава 2. Последствия

На страже Восточных ворот тоже стояли необычные насекомые. В долине таких и не увидишь. Но друзей встретили с большим гостеприимством, проводив в замок.

Туман – вот всё, что наполняло пространство. От стен, тянувшихся к небу и вдоль, всё это был волшебный дым, пахнущий полевыми цветами и травами. А немного пройдя вперѐд, они увидели и самого Мудрейшего.

Видимо, тот находился в своих мудрых мыслях, медитируя и общаясь со звѐздами. Но вот пошевелилось одно ухо, затем – длинные кошачьи усы, и вот очнулся ото сна и сам мудрец.

– А-а, – протянул он и закивал головой. – Мистер Бакс... – Он поднялся с мягких подушек и радостно подошел к лисѐнку, крепко пожав лапу, словно Фред был его хорошим другом. – Давненько ты не заглядывал в гости, – пожурил он приятеля и по-доброму улыбнулся.

– Нашлась вот минутка. Мудрейший, это Ник, – представил Фред друга. – Ник Клэвери.

Ник учтиво поклонился и протянул лапку в знак приветствия:

– Для меня великая честь наконец-то встретиться с вами.

Мудрый Кот вежливо поклонился в ответ.

– Добро пожаловать, друзья. – Задумчиво пройдясь по залу, Мудрейший остановился у большого окна. – Так, значит, Тео не образумился?

– К великому сожалению. Вскрыл дамбу и освободил Звѐздное море. Город затоплен.

– Печальные, печальные новости, дорогой друг. Столько лет я наблюдаю за ним, даю возможности одуматься, – но он их не замечает. Пришло время вмешаться.

– Да-да, и поскорее бы!.. За помощью мы и пришли! Там остались наши друзья...

Мудрейший неторопливо прошёл в сад, приглашая своих гостей пройти следом. Он всё улыбался и обдумывал дело, а Фред ходил рядом, ожидая решения.

– Что ж! – хлопнул в ладоши Мудрый Кот.

Фред и Ник взбодрились, но ответа не последовало.

– Как же мы его накажем, Мудрейший?

– Накажем?.. – удивился Кот. – Нет-нет. Мы отблагодарим его.

Чего угодно, а этого друзья точно не ожидали.

– Отблагодарим?.. Как это?

Мудрый Кот вновь улыбнулся, по-доброму потрепав лисёнка по голове:

– Когда беда приходит в твой дом, позаботься, чтобы она ушла с миром.

– Ага, с миром... Кажется, я так и не понял...

Ник растерялся. Такой подход и для Фреда был явно непривычным.

Проводив друзей к огромному воздушному шару, Мудрый Кот вручил им большую корзину со всевозможными угощениями для Тео, заверив, что это непременно поможет. Обратный путь лежал уже через другие земли. Тепло распрощавшись, друзья отправились домой.

А Фред никак не мог понять: как же это так – благодарить за плохие дела? Он всё смотрел на корзину и думал. Возможно, сэр бульдог был таким злым, потому что был голодным?.. Ну так вроде не был...

– Фред, смотри-ка. – Ник залез в корзину, достав одно из угощений. На каждом лакомстве был небольшой листочек с названием. – Кажется, это “Пирожное Отчаяния”.

Лисёнок последовал примеру, нырнув лапой в корзину:

– А у меня – “Пончик Совести”.

И всё встало на свои места.

А в Ким де Лефлей к этому времени понемногу отступила вода. Но разрушения были слишком велики. Несчастные жители пострадавшего города собирались вместе, помогали друг другу, делились кто чем мог. На кого им было рассчитывать? Кто мог им помочь? Вороны кружили совсем рядом, но не вмешивались – просто наблюдали. Им важно было найти всего двоих по приказу сэра Китсли. Сам глава города смотрел на происходящее из окна своего уцелевшего дома.

Не нравилось ему это, ох как не нравилось. После прошедшего бедствия никто так и не вспомнил о нём. Никто даже не подумал, чтобы обратиться к нему за помощью, на что он очень рассчитывал. Было даже обидно. Но вот в небе он заметил большой полосатый объект, стремительно приближающийся к городу. Схватив шляпу, Тео поспешил немедленно разобраться. Не было сомнений: нарушители вернулись.

Теперь уже и все жители заметили воздушный шар. Ник махал лапками приветствующей толпе. Собравшись вместе, все дружно помогли притянуть шар к земле и выбраться ребятам на сушу.

– Ну надо же!.. – Арти крепко обнял своих друзей. – Вернулись!..

Однако в тот же момент стая Воронов набросилась на жителей, раздвинув толпу. Потому что появился сам виновник.

– Бакс! – рявкнул Тео, едва не накинувшись на лисёнка, но Ник успел перегородить ему путь, раскинув лапки в стороны.

– Сэр Китсли, мы пришли с миром!

Едва ли сэр бульдог намеревался умерить пыл, вот только корзина с угощениями сделала свое дело. Аппетитный аромат сбивал его сердитые мысли.

– Хм-м... С миром, значит?.. Ну-ну... – Схватив гневным жестом корзину, он кивнул страже, чтобы безопасно отступить к своему дому.

Сбившись в одну кучу, Вороны закрыли своего покровителя от разозлённых жителей. Так Тео уволок свой незаслуженный подарок. Вообще-то он любил подарки – особенно те, что без повода, особенно когда бесплатно, особенно если вкусные.

– Опять я всё пропустил, – недовольно бурчал мистер Джонсон.

Он просто не успел вовремя, а так бы с удовольствием огрел палкой этого Китсли. Но вот он увидел Ника и Фреда, и весь праведный гнев сошёл на нет.

– Дорогие мои! Вернулись!

– Мистер Джонсон, всё будет хорошо! Теперь всё точно будет хорошо!

Домик Ника устоял. Но водой разрушило многое. А от огорода и по-давно ничего не осталось. К счастью, никто из жителей города серьёзно не пострадал. На площадь было не пробраться, Радужный мост был сломан, деревья – повалены. Работы предстояло много. Грустно было заходить в свой пустой дом. Не было дверей, крыша покосилась, и поломало забор. А вот домик Фрэда практически полностью уцелел, так как находился дальше всех от плотины.

Пока жители оказывали друг другу помощь, сэр Китсли сидел и уплетал свои угощения. Он всё время тревожно оборачивался по сторонам – так сильно он не хотел ни с кем делиться. И чем больше он ел, тем всё страннее себя начинал чувствовать. Сначала бульдогу вдруг стало так тоскливо, что он невольно разбавил свой крепкий чай горькими слезами. Но он не мог остановиться. Угощения входили в список тех важных дел, которые Тео всегда доводил до конца – не мог он поступить иначе и в этот раз. Он всё ел, ел, ему становилось грустно, страшно, обидно и совестно; эмоции сменяли одна другую с катастрофической скоростью, а чай становился солёным. Не выдержав, пёс схватил корзину и спрятался с ней от стыда в собственный шкаф, где провёл около часа в размышлениях. Да, нелегка была доля управляющего, думал он. Тяжело это – нести ответственность за свои желания. И ему вдруг захотелось узнать, что же думают эти несчастные, не понимающие его страданий жители. Как им живётся без такой ноши на плечах?..

Вылез сэр Китсли из шкафа уже совсем другим гражданином. Больше не было того костюма – не было даже галстука и шляпы. Только тёплый вязаный свитер и домашние штаны. Корзина была пуста, но Тео вдруг обнаружил надобность собрать все свои припасы и поделиться с друзьями. Так он и поступил.

На удивление всем, Тео вернулся в город и очень скромно, не говоря ни слова, виновато оставил корзину для жителей. Да и ни одна палка, к его удивлению, не прилетела в его сторону. Приятно оказалось помогать нуждающимся. Сэр Китсли отдал приказ Тёмной Страже выносить из своего дома всё, что могло понадобиться в помощь гражданам, а сам решил первым делом навестить Ника.

Кажется, Ник ждал его. Он очень верил в слова Мудрого Кота. И вот сэр бульдог явился, виновато опустив голову.

– Сэр? Чем могу служить?.. – Ник был доволен результатом как ни-

когда. Он видел, как тяжело даются слова несчастному Тео.

– Мне так стыдно, кто бы знал... – Тео всё прятал взгляд, переступал с одной лапы на другую и не находил себе места. – Прошу прощения... Вы, мистер Клэвери, были правы, правы, да... Я не хотел слушать, но что же теперь?.. Разве можно исправить всё, что я успел натворить?!..

Бульдог надеялся на понимание и помощь, сам не зная – что же ему делать теперь, как вернуть доверие жителей.

– Всё можно исправить, стоит лишь захотеть. Идёмте! Идёмте же! Пришло время поговорить со своим народом. Идёмте!

И Тео послушно отправился следом.

Да, идея была что надо. Организовав небольшое собрание, Ник предоставил Тео шанс высказаться перед жителями, искренне раскаяться, попросить прощения и заверить, что он поможет всем и каждому. Что обязуется отстроить город, вернуть рынок. Сэр бульдог вдруг понял всю ненужность своей фабрики по производству парадных галстуков. Понял, что нужен своему городу, что должен помогать жителям и участвовать в жизни города.

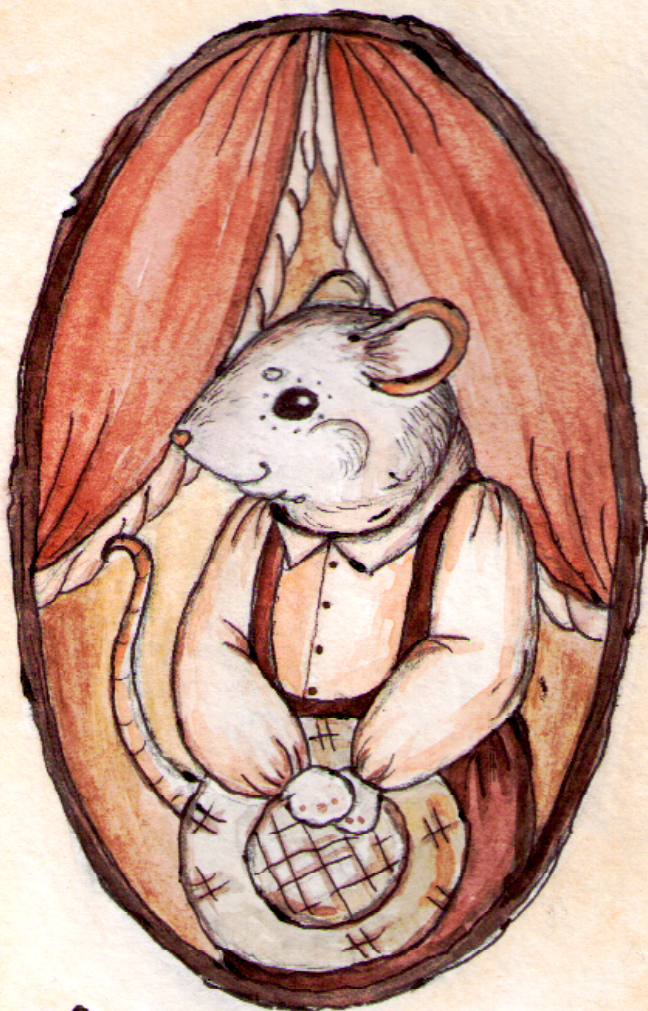
Конфликт постепенно утих. Стража Тишины оказывала всевозможную помощь гражданам. А Тео вновь был принят на хороший счёт. Даже Грегори Джонсон одобрительно пожал ему лапу, – хотя и предостерёг, чтобы впредь такого не повторялось, и намекнул на необходимость советоваться с народом да почаще обдумывать свои поступки.

Город восстанавливался тихо и мирно. Жизнь вернулась в привычное русло. Но Ник так и не смог найти себе место здесь. Больше не получалось сидеть дома, огорода не было, и не было желания оставаться. Скрепя сердце он принял решение – очень важное решение отправиться дальше. Такую идею, конечно же, поддержал Фред. Уж ему-то более других была известна жизнь путешественника.

Взяв только необходимое, они попрощались с друзьями и маленьким городом. Оба обещали себе, что вернуться. Однажды или когда-нибудь.

А пока их ждала дорога длиною в неизвестность и несколько смелых шагов навстречу приключениям.

Ник КЛЭВЕРИ

Ник Кловер

Приключения крысёнка по имени Ник.

11.11.16.2.

"Удивительная штука-Зима"
Подумал Ник. Всё кругом было
усыпано пушистыми звезда-
ми. Крысёнок улюлюкал, а на
его нос опускались белые холод-
ные хлопья.

Золотая пора. Ник Клэв-
ри очень любил осень. Он нахо-
дил это время года волшебным.

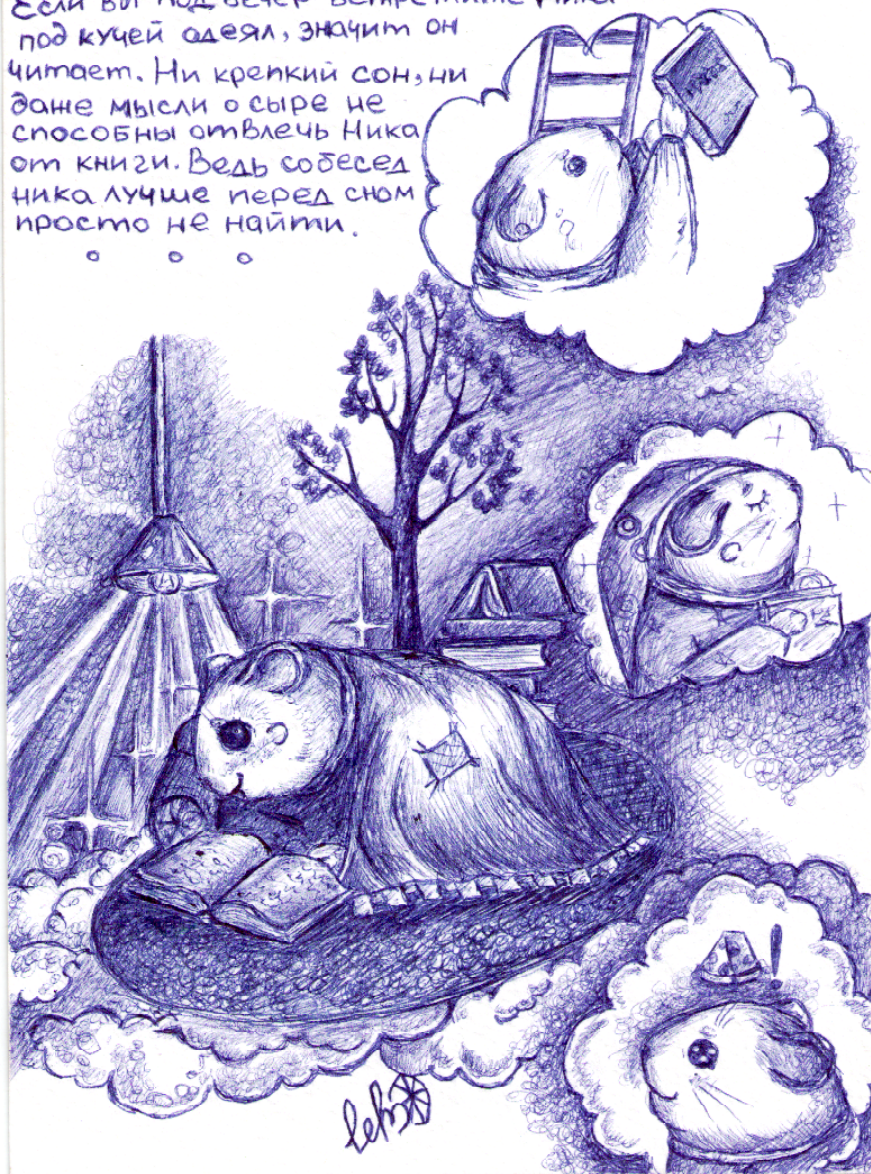
„— Какая очаровательная особа! А ведь я помню тебя ещё сеянцем.“— И труды Ника действительно не напрасными. Все лето он с особой заботой и теплом поливал свою тыквовку. И не напрасно.

Здесь ветер сдувает рифы.
Но ни отважному капитану
Никку, ни кораблю не страшны
безграничные просторы морей.

Если вот под вечер встретите Ника
под кучей одеял, значит он
читает. Ни крепкий сон, ни
даже мысли о сыре не
способны отвлечь Ника
от книги. Ведь собесед
ника лучше перед сном
просто не найти.

Космические сновидения
уносили Ника всё дальше и дальше
к неизведанным галактикам и
одитаемым сырным планетам, где
ему так хотелось подышать.

Всё

И тут, стоя на поверхности, так
Похожей на сыр, Луны, Ник понял, что
мечты всё же имеют свойство испол-
няться. Главное Верить и продолжать
идти к цели. И тогда всё получится.

Ник считал, что лучшее время суток — ночь. То самое время, когда его душа улетает в космос, в глаза загораются звёзды, а луна похожа на сыр.

lebo

БОРЧАНИНОВ
Геннадий Александрович
АО “Эр-телеком холдинг”
(участник конкурса из села
Введенское Кетовского района)

ДЕРЖИ ПОРОХ СУХИМ

Трент наконец-то стянул сапоги и поставил к огню. Сырые дрова горели с треском и шипением, но тепло всё-таки давали, и продрогший старатель взял кресло и сел поближе.

Салун сегодня был набит битком. Немудрено – сегодня приезжает новый призыв. Молодые расспрашивали бывалых старателей о жизни в болотах, о возможных опасностях, а самое главное – о добыче. Старики, многие из которых ещё не перешагнули третий десяток, охотно делились советами и травили байки.

Например, о том, как шестой призыв дружно утонул в трясине в первый же день после приезда – полным составом. Три дюжины человек вышли на тропы, по которым уже тысячу раз ходили все остальные, – и погибли на ровном месте.

Или о том, как Джексон из первого призыва вернулся с полным мешком руды – но полностью седым. Он, конечно, разбогател и смог вернуться домой, но так и не оправился от пережитого. Зато Сенат сделал из него национального героя и теперь в болота, за тридевять земель от цивилизации, ехали все, кому не лень, а не только изгои и беглые преступники.

– Самое главное, сынок, – держи порох сухим, – поучал старый Гаррисон какого-то юнца, у которого даже борода не росла.

Трент вылез из кресла и прошёл к ним за столик.

– Да это же сам Трент Коухилл! – воскликнул Гаррисон, и его белый шрам на щеке зашевелился, как трещина в земле во время засухи. Трент скучал по засухам.

– Как жизнь, Юджин? – Трент сел за стол и жестом позвал официантку.

Новичок смотрел на них во все глаза – и не мог поверить. Коухилл считался самым старым и опытным старателем, но на вид ничем не отличался от остальных парней из его же, двадцать шестого, призыва. Никаких ужасных шрамов, как у Гаррисона, или седых волос, как у Джексона, или разноцветных глаз, как у Грейвза. Трент выглядел как обычный парень с усталым взглядом и револьверами под мышкой.

– Может, дадите какой-нибудь совет, мистер Коухилл? – спросил новичок, перебивая Гаррисона.

Трент лениво перевёл взгляд на салагу.

– Не вздумай бриться, – сказал он, и лицо новичка вспыхнуло от стыда и гнева.

– Я просил совета, а не насмешек, – буркнул тот.

– Это и есть совет. Если не хочешь разукрасить морду шрамами, как у него, – не вздумай бриться. Один раз порежешься – и всё. Тут раны не заживают, а гниют. Думаешь, Гаррисона болотный лев изодрал? – ответил Трент, и оба старателя рассмеялись. – Как тебя зовут?

– Барри Уайт. Из Оуксфилда, – сказал новичок.

К столику подошла официантка с землистым серым лицом.

– Чего тебе? – бросила она, вытирая руки о передник, когда-то давно считавшийся белым.

– Чаю покрепче, – сказал Трент, и официантка ушла, всем видом показывая, как ей всё надоело.

– А я думал, здесь пьют только виски, – удивился Барри.

– Мне сегодня идти обратно в болота, а я не хочу спяну зайти в трясину. Так уже, наверное, человек сорок погибло.

– Святая правда, – заметил Гаррисон.

Официантка почти швырнула на стол чашку с чаем, и встала, уставясь на Коухилла.

– Деньги, – сказала она.

– Марта, запиши на мой счёт, – ответил Трент, прихлёбывая из чашки. По желудку растеклось блаженное тепло.

– В долг я тебе больше не запишу, имей в виду. Либо плати сейчас, либо пойдёшь колоть дрова.

Трент достал из кармана монетку и молча подал ей.

– Всегда бы так, – проворчала официантка, уходя к другому столику.

Барри раскрыл глаза от удивления.

– Неужели с деньгами не везёт?

– Лично я считаю, что мне пока повезло больше всех, – ответил Коухилл. – Голова на месте, руки-ноги на месте, на каждой по пять пальцев.

Барри разочарованно покачал головой.

– Лучше бы ты оставался в Оуксфилде, парень, – хрипло рассмеялся Гаррисон. – Лёгкой наживы здесь не бывает. Сенат просто рассказывает сказки, чтобы восторженные дурачки типа тебя скорее бежали добывать для них руду. Ты в курсе, что из каждого призыва в конце концов выживают только два-три человека? А уж тех, кто вернулся в Фолк богатым – как Джексон, например, – можно по пальцам одной руки пересчитать.

– Кажется, так можно вообще всех, кто вернулся в Фолк, пересчитать. И даже место останется. Вот и думай, новичок, – сказал Трент и принялся за чай.

– Сдаётся мне, вы просто неудачники, – сказал Барри. – Может, и вам когда-нибудь повезёт, но вряд ли.

В салуне повисла звенящая тишина.

– Следи за словами, юноша, – произнёс Гаррисон. В руке у него словно из ниоткуда возник револьвер.

Трент с противным хлюпаньем выпил чай и сказал:

– Посмотрим, как повезёт тебе в твой первый выход, Барри Уайт из Оуксфилда.

Дождь стекал по полям шляпы непрерывными струями, и грязная болотная жижа хватала за ноги цепко, как голодный аллигатор. Трент шёл, закутавшись в брезентовый плащ, и выхватывал взглядом всё, что происходило вокруг.

Вот мимо проплыла змея – совсем рядом с его ногой. Трент замер, пока змея не уплыла подальше – всего один укус мог бы лишить его жизни.

Кто-то в лесной чаще спугнул птиц, и они взмыли в небеса, оглашая всю округу резкими противными криками.

Из-за деревьев слышался низкий гул – трупные мухи нашли себе новую добычу, с той стороны несло мертвечиной.

Нервы, как обычно в болотах, натягивались струной, готовой лопнуть в любой момент. Каждый шорох заставлял насторожиться, и каждый шаг мог стать последним. Но все эти опасности с лихвой окупались, когда удавалось найти хоть немного руды.

Если быть точным, то руда не была настоящей рудой вроде железняков или магнетитов. Кто-то дал такое название, и оно прижилось, хотя местная руда даже не была минералом. Она росла на деревьях, как чага или трутовики, и выглядела как твёрдые блестящие наросты.

Ценность такой руды заключалась в том, что она горела в тысячу раз

жарче, чем уголь. Настоящий подарок для металлургов, которые избретают новые сплавы. Руда имела только два минуса. Первый – она встречалась только здесь, в болотах, и второй – её чрезвычайно сложно найти.

Трент уже бывал здесь и не боялся пропустить драгоценный нарост. В десяти километрах от Посёлка можно было даже не искать: сотни старателей давно уже нашли всё, что можно было найти. Трент рассчитывал пройти восточнее и поискать там – на восток уже давно никто не ходил, так что у него были все шансы.

Он проверил оружие – два револьвера в кобурах под мышками. Самое безопасное для них место в таком климате, хоть и не самое удобное. Патроны в непромокаемой сумке на поясе, широкий нож для хозяйственных нужд, несколько ножей поменьше, которые не жалко сломать или потерять. Но даже будучи вооружённым до зубов, Трент каждую секунду рисковал жизнью.

Опасностей здесь хватало.

Трясина, змеи, дикие звери, болотная лихорадка, другие – более жадные и менее честные – старатели.

Но самыми опасными, были, конечно, аборигены. Ловушки и засады подстерегали на каждом шагу, стоило лишь отойти от Посёлка чуть дальше. Местные племена не желали вести диалог, они даже не могли воспроизвести нашу речь, предпочитая щёлкать и свистеть. Хотя на самом деле они предпочитали стрелять по колонистам из луков и духовых ружей и бросаться с деревьев, размахивая каменными топорами.

Именно поэтому каждый старатель всегда носил с собой револьвер или несколько, а некоторые даже таскали с собой дробовики или ружья. Аборигены боялись выстрелов – даже если стрелять мимо.

Трент старался не думать, что будет, если дикари когда-нибудь смогут освоить огнестрельное оружие. Никакая армия не справится.

Внимание Трента привлёк блеск где-то за деревьями. Характерный – так блестит только руда.

– Надо же, – пробормотал он. – Тут же давно всё прочесали...

Широкие мясистые листья висели прямо перед лицом, и вода с них капала прямо за шиворот.

Трент заметил, что несколько листов обломано и примято, и двинулся дальше, аккуратно раздвигая заросли. Идти приходилось медленно, проверяя каждый шаг. Если возле деревьев ещё можно было ступать без опаски, то под открытыми пространствами могла таиться трясина, которая засосёт человека за считанные минуты. В такие обычно скидывали ненужные трупы.

Блеск руды впереди виднелся всё отчетливей. Коухилл заметил че-

ловека под деревом – тот сидел неподвижно, оперевшись спиной на ствол. Спешить в болоте нельзя, и Трент не спешил. Он размеренно шёл вперёд, намётанным глазом подмечая опасности и избегая их. Наконец он приблизился настолько, что можно было узнать сидящего в лицо.

Под деревом сидел новичок Барри Уайт. Бледный, перемазанный в крови и грязи, – но живой. Барри терпеливо ждал, пока Трент придёт на помощь. Он знал, что в болотах лучше не кричать, чтобы не привлечь хищников.

– Помоги, – прохрипел новичок.

Трент не ответил, пробираясь к нему через липкую жижу.

– Помоги, – повторил Барри.

– Заткнись.

Коухилл подошёл к дереву только когда удостоверился, что больше никаких ловушек не припрятано. В единственную попался Барри – в банальную яму с деревянными кольями. Он так и остался сидеть с одной ногой в яме, а другую вытянул перед собой.

Трент достал нож и молча принялся срезать руду со ствола. Урожай попался богатый. Новичок схватил его за сапог.

– Помоги, – умолял Барри.

В глазах новичка стояли слёзы, и Трент понял, что тот боится остаться здесь один.

– Подожди ты, – буркнул старатель, стараясь не пропустить ни единой крупички.

Когда вся руда перекочевала в сумки, Трент повернулся к новичку и присел рядом с ямой.

– Молись, чтобы колья оказались ничем не обмазаны. Если повезёт и уедешь отсюда сегодня же – может, останешься с ногой. Если нет – придётся отрезать.

Барри из бледного стал почти зелёным. На красивом лице юноши смешались боль, ужас и отвращение.

– Дикари любят такие колья ядом обмазывать, – продолжил Трент. – А это уже гарантированно ампутация. Но ты хотя бы живой будешь. Тоже повезло.

Старатель опустил руки в яму и нащупал колья. Ногу прошили всего два или три.

– Терпи, сейчас будет больно, – напутствовал Трент. – Закуси что-нибудь.

Барри закусил рукав и с ужасом смотрел на яму, заполненную грязной водой.

Коухилл с силой дёрнул, и деревянный колышек, пройдя через ногу

целиком, вышел на свет. Трент взглянул на новичка, который едва не потерял сознание, и перевёл взгляд на колышек.

– Хорошо держишься, парень. Повезло тебе: чистая деревяшка, никакой травы. До свадьбы заживёт.

Барри никак не отреагировал, изо всех сил стискивая грязный рукав в зубах.

Старатель выдернул остальные колья и аккуратно вытащил ногу юноши из ловушки. Парень крупно дрожал, широкими глазами глядя на окровавленную ступню.

– Сапог придётся резать, – заключил Трент и достал маленький, с ладонь размером, нож. – Всё равно уже дырявый.

Голая ступня выглядела ещё хуже. Кровь лилась без остановки, но Коухилл промыл раны дождевой водой и забинтовал. На бинты пришлось пожертвовать рукава от последней запасной рубашки, но Трент об этом не задумывался.

Наконец, с ранами было покончено, и старатель встал, похрустывая костями.

– Придётся тебя немного тащить, – сказал он. – А уж в Посёлке тебя доктор заштопает как надо.

– Спасибо, сэр, – немного заикаясь пробормотал новичок. – Я могу взять сумки...

– Да, бери, – Трент скинул рюкзак с рудой и повесил новичку за спину. Затем он присел и взял на закорки самого Барри.

Обратная дорога, как всегда, казалась короче. Впереди показался дым из печных труб Посёлка, а тропинка превратилась в широкую дорогу, в которой сапоги проваливались по щиколотку. Каждый шаг становился для Трента всё трудней.

– Кстати, а что будем делать с рудой? – спросил Барри.

– А что с ней?

– Ведь её же я нашёл.

Трент усмехнулся.

– Но ведь я её срезал. Ладно, дам тебе на обратную дорогу. Поверь мне, парень, болота тебя сожрут.

Из-за спины послышался невнятный звук, что-то среднее между хмыканьем и смехом.

– Я так не думаю, сэр, – сказал Барри и взвёл курок.

В шею Трента упёрлась воронёная сталь и по спине пробежал мерзкий холодок приближающейся смерти.

– Кажется, отсюда я и сам смогу дойти, – произнёс новичок.

– Может, и так, – ответил Коухилл и спустил его на землю.

– Спасибо за помощь, сэр, – сказал Барри и нажал на крючок.

Осечка. Курок сухо щёлкнул и провернул барабан.

– Пекло! – воскликнул Барри и ещё раз нажал на крючок.

Снова осечка. Трент стоял и смотрел, как новичок судорожно жмёт на спусковой крючок, напрасно крутя барабан.

Трент Коухилл распахнул плащ и вытащил два своих револьвера.

– Говорили же тебе – держи порох сухим.

Раздался выстрел.

ПОБЕДИТЕЛИ
В ЧОМИЧАЦИИ
"ПУБЛИЦИСТИКА"

МЕЗЕНЦЕВА Ксения Денисовна,
студентка 2-го курса Мишкинского педагогического колледжа
(участник конкурса из Юргамышского района)

Наставник – Онучина Светлана Васильевна

ВКЛАД СЕМЕЙ КУВАЛДИНЫХ И УСОВЫХ В ДЕЛО ПОБЕДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Прошло много времени с тех пор, как закончилось очень страшное испытание для нашей страны – Великая Отечественная война. Победа в Великой Отечественной войне – самый большой подвиг советского народа.

Особый и важный день в календаре – День Победы. Мы празднуем его 9 мая – в день, когда общими усилиями советского народа и героическим подвигом людей противник был побеждён тогда, в сорок пятом году. Выстояли, потому что верили в Победу, потому что любили свою Родину. О подвигах участников войны мы – молодёжь XXI века – можем узнавать из художественной литературы, кинофильмов, рассказов ветеранов и тружеников тыла. Для меня таким ориентиром выступают следующие художественные произведения: “А зори здесь тихие” Б. Васильева, “Василий Тёркин” А. Твардовского, “Дневник Тани Савичевой”, “Зинка” Ю. Друниной. Среди кинофильмов – “Катюша”, “1941”, “Т-34”, “Битва за Севастополь”, “28 панфиловцев”, “Лейтенант Суворов”.

К сожалению, сегодня очень мало осталось живых свидетелей тех грозных и тяжёлых лет для нашей страны. Наша семья не является исключением.

По линии моего деда со стороны матери в боях Великой Отечественной войны принимал участие Усов Иван Михайлович – мой прадед, которого я никогда не видела. В семье моего деда было четверо детей. Галина и Зинаида родились до войны, а Михаил и Николай Иванович – будущий мой дед – родились практически сразу в послевоенное время: в 1951 и 1953 годах. По рассказам моего деда, отец – Иван Михайлович – не любил ни вспоминать, ни делиться историей тех лет. В семье сегодня помнят лишь о том, что Иван Михайлович был комиссован по ранению руки, однако скидки на это никакие не делал: работал конюхом на ферме, ухаживал за лошадьми, которых было очень много, так как именно они были основной тягловой силой. Был награждён медалью “За отвагу”.

Моя прабабушка – Усова Анисья Фёдоровна – была труженицей тыла и, по воспоминаниям моего деда, “всегда была в работе, в поле, на ферме, воспитывала детей”.

Сегодня связующим звеном между моим старшим поколением – очевидцами войны – выступает лишь мой дед, Николай Иванович Усов, которому 7 мая исполнилось 69 лет.

По линии моей бабушки со стороны матери в войне принимал участие мой прадед – Кувалдин Григорий Дмитриевич.

По воспоминаниям моей бабушки – Усовой Татьяны Григорьевны, – семья Кувалдиных в довоенное время проживала на Кольском полуострове нашей страны. 21 июня у моей прабабушки Евдокии Фёдоровны был день рождения, а 22 июня – началась Великая Отечественная война.

По решению правительства были эвакуированы семьи с детьми. Не стала исключением и семья Кувалдиных, где уже тогда была девятимесячная дочка Валя. Эвакуация проходила по воде, на баржах, теплоходах. Пунктом назначения являлось село Кирово Мишкинского района. К сожалению, маленькая девочка Валя не вынесла этого вынужденного переезда и вскоре после прибытия умерла.

Трудовая жизнь Евдокии Фёдоровны была очень тяжёлой: работала на шахте по добычи руды, на насосной станции, а также в офицерской столовой. В семье сохранились воспоминания о том, что было необходимо спускаться и подниматься по высоким лестницам шахты, а всё рабочее время приходилось находиться в резиновых сапогах. Рабочие (в том числе и женщины) грузили вагонетки.

Мой прадед Кувалдин Григорий Дмитриевич пришёл с войны с осколочным ранением в область спины. В учётной карточке представителя нашей семьи значится, что в апреле 1943 года он находился в составе 1046-го стрелкового полка 289-й стрелковой дивизии 32-й армии Карельского фронта в должности стрелка. Полк занимал рубеж обороны в районе ст. Масельская Карело-Финской ССР. 15 апреля 1943 года Кувалдин находился на посту переднего края обороны. При обстреле финнами ружейно-пулемётным огнём переднего края тов. Кувалдин получил тяжёлое пулевое ранение мягких тканей средней 1/8 правого плеча с повреждением правого лучевого нерва. Вторично получил лёгкое сквозное осколочное ранение мягких тканей левой лопаточной области. 11 июля 1944 года полк участвовал в общем наступлении по изгнанию финнов с территории КФССР. На рубеже сёл Парас – Озеро финны, пытаясь задержать наступление, открыли миномётно-артиллерийский огонь, во время которого тов. Кувалдин получил ранение. Боевой эпизод записан со слов. Факт тяжёлого ранения подтверждается справкой эвакогоспиталя № 1770 от 25 августа 1943 года № 260/8. Факт лёгкого ранения подтверждается справкой эвакогоспиталя № 2536 от 30 июля 1944 года. 6 ноября 1947 года Кувалдин Григорий Дмитриевич был награждён медалью “За отвагу”.

В послевоенное время мой прадед скидку на ранение никогда не делал, тяжёлый физический труд был для него привычным делом: работал и на шахте, и плотником. Сегодня из четырёх послевоенных детей семьи Кувалдиных сына Николая Григорьевича уже нет с нами. Владимир Григорьевич (1947 года рождения) и Иван Григорьевич (1948 года рождения) проживают в селе Кирово Мишкинского района, куда семья переехала в 1962 году, а Татьяна Григорьевна (моя бабушка) – в селе Вилкино Юргамышского района.

Ежегодно в каждом уголке нашей необъятной страны в честь Дня Победы проходят парады и митинги. В этот день вся страна чтит подвиг нашего народа. В каждом населённом пункте увековечена память погибших солдат, где каждый из нас может отдать дань уважения, поклониться перед героями и возложить цветы. В этот день мы прикрепляем георгиевские ленточки на груди, как символ Победы над фашизмом, гордо шествуем в Бессмертном полку с фотографиями участников войны – не только своей семьи, но и односельчан, особо отличившихся в великих сражениях, – выражая вечную память героям. И чем старше становишься, тем день Победы становится ближе и роднее.

Каждый патриот своей Родины должен чтить память предков, знать историю своей семьи, в том числе и о событиях Великой Отечественной войны, передавать из поколения в поколение, чтобы все знали, как дорого досталась нам Победа, как много сделали для нас наши прадеды, и как стоит беречь наш хрупкий мир, мирную жизнь. Мы будем надеяться, что такие события больше никогда не повторятся, а мы и наши потомки будем жить в мире и любви.

СТРЕКАЛЁВА Валерия Максимовна,
ученица 9 класса Большераковской
средней школы
Кетовского района

Наставник – Гололобова
Надежда Михайловна

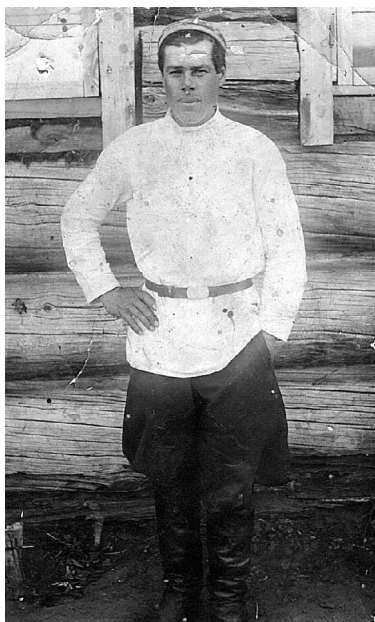

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

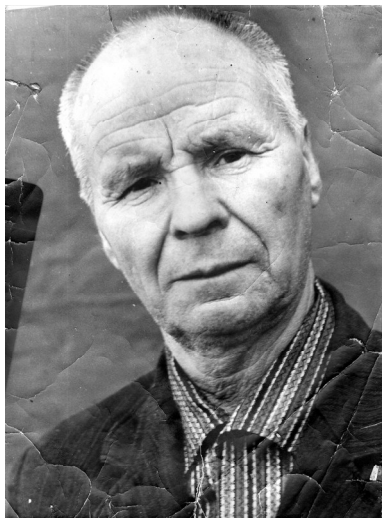
Многих коснулась война 1941–1945 годов, не обошла она и нашу семью. Мой прапрадед по маминой линии – **Бердышев Степан Афанасьевич** 1902 года рождения – был призван на фронт из д. Меншиково в 1941 году, погиб 15 февраля 1943 года в Тверской области, в деревне Островграды. Остались жена и пятеро детей.

Прапрадед – **Бабушкин Николай Абрамович** 1906 года рождения – был призван в августе 1941 года из села Большое Раково. Он был фельдшер, сержант 13-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии. Прошёл все круги ада: ранение, плен, концлагеря, освобождение и тут же фильтрационные лагеря. Умер в 1964 году.

Мой прадедушка по отцу – **Гололобов Кирилл Иванович** 1909 года рождения – был призван 23 июня 1941 года из села Большое Раково. Он был

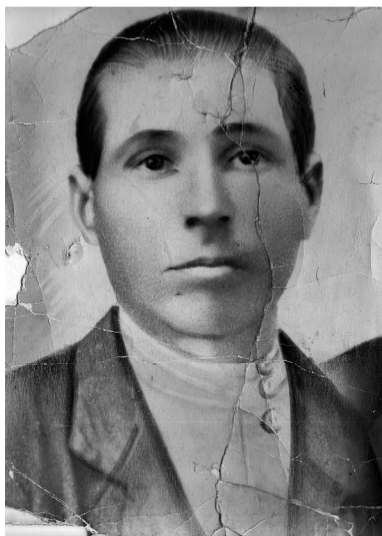
БАБУШКИН Николай Абрамович

ГОЛОЛОБОВ Кирилл Иванович

шофёром в 80-м гвардейском миномётном полку. В октябре 1941 года был тяжело ранен в правую ногу. В 1943 году награждён медалью “За отвагу”, а в апреле 1946 года – медалью “За Победу над Германией” и медалью “60 лет Вооружённых сил СССР”. Умер в 1982 году.

Мой прадедушка по маминей линии – **Бердышев Василий Степанович** 1928 года рождения – был призван на фронт из д. Менщиково в апреле 1949 года и принимал непосредственное участие в боевых операциях по ликвидации националистического подполья на территории Западной Украины. Уволен в августе 1951 года. Умер в 1984 году.

Моя прабабушка – **Бердышева Ефросинья Николаевна** – вдова участника Великой Отечественной войны, труженица тыла. Когда началась война, ей было всего двенадцать лет. Сколько пришлось пережить в военные годы: нужду, голод, страх. Трудилась не жалея себя: “Всё для фронта, всё для Победы!”. Бабушка много рассказывает о тех страшных годах, вспоминает как ели лебеду, мороженую картошку, собирали колоски. Ба-

БЕРДЫШЕВ Степан Афанасьевич

БЕРДЫШЕВА
Ефросинья Николаевна

бушка награждена медалью медалью “За победу над Германией”. Имеет четыре юбилейные медали ко Дню Победы: в честь 50-й, 60-й, 65-й, 70-й и 75-й годовщины этого великого дня.

Сейчас бабушке 91 год. Желаю ей крепкого здоровья и поздравляю с Великим праздником Победы!

Ещё хотелось бы написать о своём дедушке – **Гололобове Викторе Кирилловиче**. Пусть он и не воевал, но представлял вооружённые силы СССР на военном параде в городе Москве в 1971 году. Имеет благодарность командующего, а в 1972 году был также участником юбилейного сотога парада. Награждён медалью в честь военного “Сотога парада” на Красной площади. Водитель 1-го класса. Стаж – 38 лет. Он часто нам, своим внукам, рассказывал о своем отце, о своей службе, показывал дембельский альбом с чёрно-белыми фотографиями.

75 лет назад отгремели залпы победных орудий, но эхо прошедшей войны до сих пор живёт в нашей памяти. Мы, потомки, просто обязаны помнить о подвигах наших прапрадедов и прадедов, помнить нашу историю, чтобы никогда не повторилась война!

МОРДВИНОВА Полина Денисовна,
ученица 8 “А” класса
Шумихинской средней школы № 3

Наставник – Стышных
Светлана Валерьевна

АНГЕЛЫ СРЕДИ НАС

*Медицина поистине есть
самое благородное из всех искусств.
Гиппократ*

Самое ценное в жизни человека – здоровье. Имея крепкое здоровье, можно не только быть счастливым, но и дарить счастье и свою заботу другим. Среди нас есть люди, которые готовы отдать всего себя и всё своё время ради того, чтобы спасти чью-нибудь жизнь. Их называют врачами, докторами, но я считаю их ангелами.

Ещё с древности всем известна профессия врача, целителя. Она сохранилась до сегодняшнего дня и активно развивается, совершенствуется. Наверное, каждый из нас слышал о подвигах врачей, которые во время Великой Отечественной войны для спасения раненых солдат добирались до них под разрывами снарядов. Но и сейчас профессия врача не менее востребована. Медики всей страны сражаются с пандемией, рискуя своей жизнью, спасают людей. Врачи – удивительные люди, готовые бороться до последнего.

В нашем небольшом городке тоже есть такие ангелы-борцы. Их немного. А время пролетело так быстро, что даже не заметили, как уже два года в Шумихинской районной больнице нет хорошего хирурга.

Летунов Валерий Николаевич из своих 73 лет жизни 45 лет отдал спасению больных. После службы в армии он отправился на завод, а там упорно трудился, чтобы стать врачом, спасти жизни людей. О нём

напечатано в книге “Лучшие люди России”. Валерий Николаевич имеет награды “Отличник здравоохранения”, “Ветеран труда”. Многие из нас слышали имя этого великого человека. Благодаря ему в Курганской области в два раза сократилась смертность рождённых детей, улучшились поставки медицинских препаратов и оборудования, сократилось общее число заболеваемости населения. Ему за спасение жизни благодарны тысячи людей.

Моя бабушка, как и многие его пациенты, помнит его. Она поделилась со мной своими воспоминаниями:

“Когда меня привезли в больницу для удаления желчного пузыря, один хирург не хотел оперировать меня, говорил, что ещё рано, и он занят. Меня мучили сильные боли.

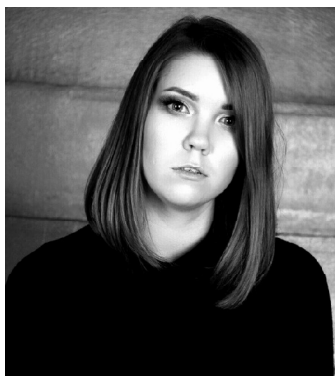
Вот тогда ко мне подошёл Валерий Николаевич. У него в тот момент было такое строгое лицо – впрочем, как и всегда, – смеётся бабушка, – и сказал, что сам меня прооперирует, хотя до этого он был на смене и провёл несколько операций.

Операция прошла успешно. После неё он до утра не отходил от моей палаты – боялся за меня. Этот человек сразу меня поразил. С коллегами он был серьёзный, всегда спокойный, строгий. Только посмотришь на него – и сразу понимаешь, что он хирург. Среди всех врачей выделяло его что-то такое, чего не было у других. Может, это была предрасположенность к профессии? Не знаю, но он был особенным.

После операции мы не раз ещё с ним встречались. Дружьями стали. В обычной жизни он был совсем другой. Весёлый, общительный, одним словом – душа компании. Я никогда не забуду этого человека, не только я, но и многие люди нашей области обязаны ему жизнью. Он – хирург от Бога!”

После нашей беседы бабушка долго плакала и вспоминала Валерия Николаевича. До последних дней он был предан своей работе, своему любимому делу – спасению людей. До сих пор многим непросто смириться с тем, что этого человека больше нет с нами.

Время уносит с собой великих людей, оставляя лишь после себя воспоминания о них. Летунова Валерия Николаевича мы будем помнить всегда. Давайте этими строками увековечим память об этом человеке!

ВЕСЕЛУХИНА
Ксения Дмитриевна

Образование – высшее, специалист
Северной транспортной компании
(участница конкурса
из Целинного района)

НЕУЛОВИМЫЕ “МЕДВЕЖАТНИКИ”

История уголовного розыска в Целинном районе корнями уходит в далёкое прошлое. Ещё в 1921 году в Усть-Уйской волости начали образовываться зачатки УгРо. Однако его становление шло медленно и проблематично. Это было обусловлено тем, что район то и дело переходил из одной области в другую. В итоге, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 февраля 1943 года Усть-Уйский (Целинный) район вошёл в состав образованной Курганской области.

За более чем полувековое существование уголовного розыска в Целинном районе дел, расследованных местными сыщиками, накопилось такое множество, что хватило бы не на одну книгу. Эти дела были разными: от убийств до “хулиганки”, от преступлений на государственной службе до обыденных потасовок с последствиями в тёмных дворах.

Криминальная обстановка в первое десятилетие XXI века была обусловлена тем, что на территории Целинного района постепенно ликвидировались предприятия, разваливались и банкротились многие хозяйства, в связи с этим увеличивалось и количество безработных граждан. Ещё одной из существенных причин ухудшения криминальной обстановки стало освобождение ранее судимых граждан. В основном это были осуждённые в лихие 90-е: несмотря на “смену декораций”, они всё так же были верны понятиям того времени. Отсутствие работы – и, как следствие, нехватка средств к существованию – толкало людей на преступления. Об одном из таких дел и будет этот рассказ.

Началось всё в далёком 2006 году. На территориях нескольких районов Челябинской и Тюменской областей был совершён ряд краж. Преступники специализировались на небольших населённых пунктах, где грабили магазины, сельские советы, отделения почты и Сбербанка.

Поиски налётчиков раз за разом заходили в тупик. Так и гуляла банда больше года, отмечаясь то тут, то там. Они уходили так же незаметно, как и появлялись, практически не оставляя за собой следов.

Быть может, утомили их дальние поездки, или были на то какие-то другие причины, но переключились злоумышленники на Курганскую область. Впоследствии в ходе расследования было установлено, что все члены преступной группы были жителями города Куртамыш.

С завидной частотой в милицейских сводках Мишкинского, Половинского, Притобольного, Варгашинского, Шатровского и Целинного районов стали появляться схожие преступления. Всего в ходе расследования была установлена причастность группы к 29 эпизодам по всей области (только на территории Целинного района преступники похитили деньги и имущество на сумму около 300 тысяч рублей).

Словно щёлкая орешки, “медвежатники” с неопишуемой лёгкостью взламывали сейфы. Они обогащались и уходили в подполье, видимо, успевая прогуливать награбленное. Но в очередной раз промахнулись и “обломали свои зубы” о Целинный УгРО.

Черета дерзких ограблений пронеслась по сёлам Половинное, Пески, деревне Воздвиженке и другим населённым пунктам (всего на территории района было ограблено 9 точек). Возможно, и в этот раз злоумышленники благополучно ушли бы от закона – ведь для этого у них было всё. Сплочённая, основанная на дружеских и родственных связях преступная группа; главарь, имевший за своими плечами три срока за кражи и просчитывающий предстоящий налёт до мелочей; машины, которые бандиты меняли постоянно, чтобы не попасть в засаду; специальные приспособления для взлома и отключения сигнализации. Любой специалист был бы поражён инструментом доморощенных “кулибиных” – изготовленным из обычной автомобильной рессоры, но открывающим сейфы, словно консервные банки. Каждый раз налётчики готовились, как в первый, и одерживали верх. Наглость бандитов не имела предела – они словно бросали вызов местным сыщикам, и те его приняли.

На тот момент в уголовном розыске коллектив подобрался молодой, энергичный, а главное – слаженный. Начальник отделения уголовного розыска Д. В. Веселухин, имея десятилетний стаж работы, в полной мере обладал всем необходимым опытом, знаниями и приёмами оперативной работы. За годы службы он не один раз доказывал, что спо-собен решать любые поставленные перед ним задачи. За плечами оперативников Д. Н. Пунтусова, Ю. А. Леонова, В. А. Амельченко тоже был далеко не один год работы в уголовном розыске и не одно раскрытое преступление. Именно на их плечи и легло это тёмное и довольно сложное дело.

Главной трудностью в расследовании оказалась практическая невозможность предвидеть замысел бандитов и просчитать, куда в следующий раз они направятся. Ездили преступники хаотично, могли резко поменять планы, развернув машину в противоположную сторону. Их действия не подвергались логическому расчёту – каждый раз грабители как будто тыкали “пальцем в небо” и отправлялись в путь.

После полного и скрупулёзного анализа всех совершённых преступлений, опроса жителей и просчёта всех мельчайших деталей был разработан план оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее привлекательными для преступников, по мнению сыщиков, стали два села – Заманилки и Матвеевка. К ним вела хорошая асфальтированная дорога, а это для бандитов было обязательным условием. При совершении преступления можно учесть всё, кроме непредсказуемой уральской погоды, поэтому асфальт помогал легко скрыться и в дождь, и в град, и в снег. К тому же это была крупная трасса, ведущая в сторону Челябинска, где не составляло труда затеряться среди потока легковых машин и “ГАЗелей”.

В итоге, когда встал вопрос, где же устраивать засаду, руководствуясь каким-то шестым чувством или оперским чутьём, выбор команды пал на Матвеевку. Только потом выяснилось, что изначально грабители планировали нападение на Половинное, но по дороге что-то спугнуло их, и они, изменив своё решение, отправились в Матвеевку.

Теперь мышеловка ждала своей добычи. И вот под покровом ночи в сторону конторы начали двигаться неизвестные люди. Ещё днём, разведав обстановку и выяснив, что милиции в деревне нет, а решётка на окнах ненадёжная, они спокойно и вальяжно приближались к своей цели. Однако преступники даже не подозревали, что их ждёт через несколько минут.

В это время сотрудники сидели в засаде. Их не пугал ни ветер, ни прохлада. Команда чувствовала – воров близко, и это чувство нарастало с каждой минутой. Только лишь завидев неизвестных, сотрудники оперативно сообщили информацию в дежурную часть и подняли группу захвата. Через десять минут она была на месте. Ворвавшись в здание, сотрудники милиции застали на месте преступления двух мужчин. На полу валялся чемодан с различными инструментами. Дверь в бухгалтерию ЗАО “Матвеевское” была вскрыта. Мышеловка захлопнулась. Благодаря слаженным действиям всех участников операции банда была взята на месте преступления.

Каково же было удивление сотрудников, когда среди задержанных они увидели четверых хиленьких мужичков, никак не похожих на матёрых “медвежатников” – взломщиков сейфов. Ведь все, кто расследовал

это дело, представляли себе крупных богатырей с недюжинной силой. Взятые с поличным, не видя смысла отпираться, члены группы сразу начали рассказывать о своих похождениях. Все показания сходились с материалами дела.

Интересным фактом стало то, что на территории Куртамышского района, где и проживали грабители, не было совершено ни одной кражи. Вроде бы в своём районе ты знаешь больше и осведомлён лучше, имеешь связи и возможность скрыться. Но преступники признались, что изначально руководствовались правилом: “Никогда не грабить в своём городе”. Этим они старались не привлекать к себе лишнее внимание. В виду многочисленности эпизодов и охвату территории нескольких областей, дальнейшее расследование проводилось Курганским ОРЧ. Задержанные получили заслуженное наказание. Это резонансное дело впоследствии ещё долго обсуждалось в обществе. Оно возникает в памяти до сих пор, несмотря на истечение срока давности.

За успешно выполненную работу все сотрудники уголовного розыска и те, кто участвовал в задержании, были поощрены руководством. Денежное вознаграждение, конечно, хорошо, но для каждого настоящего сыскаря главное – это моральное удовлетворение и чувство, что он, несмотря на трудности, смог переиграть преступника.

В папке участницы конкурса – двенадцать небольших статей, которые она регулярно писала и посылала в газеты. Но даже из вышеопубликованной видно, что перед нами – интересный и перспективный автор.

МЕДВЕДЕВА
Наталья Сергеевна,
студентка 2-го курса
Южно-Уральского государственного
педагогического университета
(участница конкурса из посёлка
Мишкино)

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Дорогой дневник, я открываю твою первую страницу и поздравляю тебя с рождением. Твоя жизнь с прикосновением моего пера только что началась. Свежий, немного хрустящий лист податливо лёг под руку, и разлинованные полосы стали наполняться незатейливыми закорючками. Я пишу – не сложно догадаться, что пишу от руки.

За окном поздняя осень или ранняя зима – каждый называет это так, как ему нравится. Скажу одно: неприятная погода для прогулок, но потрясающая для письма. На часах – одиннадцать. Вечер. А мне совсем не спится, в голове всё какие-то мысли, не дающие покоя. Вот что значит быть человеком! Всё думаю и думаю. О чём? Порой не понимаю и сама, но точно уверена, что это правильно, что так и должно быть.

Ах, да. Слишком длинное предисловие получилось. Свой дневник я начала не случайно. У меня возникло много вопросов, а вокруг так мало ответов. Тут, в своём письме неизвестному адресату (немного забавно звучит, не правда ли?), я хочу поделиться мыслями, которые бьют изнутри жадным ключом и просят публики. Так вот, я готова, я созрела вылить всё на бумагу – ведь, как известно, бумага всё стерпит.

Мне не удастся “открыть Америку” идеей, что в наш век владеть информацией – это владеть миром. Действительно, информация сейчас как никогда ценна и значима. Мы следим за новостями, читаем книги и газеты, изучаем статьи, смотрим фильмы, штудируем интернет; яро, а порой и фанатично следим за жизнью “звёзд”. Объём нашей каждо-

дневной информации можно сравнить с огромным багажом и маленькой тележкой. Мы хотим объять всё, но порой у нас не получается ровным счётом ничего.

“Почему?” – этим вопросом задаются многие. Ответ прост и умещается буквально в двух словах: “Начни с малого”. Познай самого себя, своих родных, семью. Узнай историю своего рода – и любая другая информация тебе будет по плечу. Ты будешь сильным, ведь под тобой будет крепкий фундамент. “Вот так закрутила!” – скажешь ты. Да, вот так мы вышли на тему, которая запала мне в душу, – окольными путями, но добрались.

Я переворачиваю лист дневника и начинаю своё повествование.

Дорогой мой собеседник, я надеюсь, что ты не сочтёшь меня глупой невежей, если я буду обращаться к тебе на “ты”. Так будет привычнее, душевнее, по-простому.

Вспомни школу, урок литературы. Там, помимо скучных нравоучительных речей педагога, было много интересного. Стихотворения, пересказы, чтение, анализы, биографии... Стоп! Биографии – вот что нам нужно. Жизнь писателей и поэтов активно изучается на просторах школьной скамьи неспроста: благодаря этой информации мы узнаём автора как человека, а только потом как писателя. История жизни помогает нам углубиться и детально понять смысл произведений, поскольку в них, между строк скрывается то, что нельзя увидеть невооружённым глазом. С литераторами всё, кажется, предельно ясно. Теперь попробуем подобраться чуть ближе.

Почему же мы, изучая жизни других, свою собственную оставляем всегда в тени? Вопрос риторический.

Давай начистоту. Какие сведения ты знаешь о своей семье? Информацию об отце и матери озвучат все. Часть – знают своих бабушек и дедушек. Но если копнуть глубже – дело пойдёт худо.

Прабабушки, прадедушки, прапрабабушки... и так далее, добавляя приставку “пра”. Этих недалёких (двусмысленное слово получается) родственников сейчас, к сожалению, знают единицы.

“Не помню... Забыл... Никто в семье не рассказывал... Знаю, но не уверен... и т. д.” – всё это можно приравнять к формулировке: “Не знаю и не хочу знать!”. Грубо, но справедливо.

Мало кто знает, что не так давно было обязательно знать поимённо свою родословную до пятого или даже седьмого колена. Память о предках была естественной потребностью. Держаться своего рода, оберегать семейные традиции, реликвии, передавать их по наследству следующим поколениям было обязанностью каждого. Было... А что сейчас? Мы стали безответственны и не хотим знать о людях, которые стоят у истоков

нашей жизни. Мы перестаём интересоваться, а значит – перестаём жить. Мы лишь существуем.

...Перо издаёт скрипящий звук трения по чистому листу. Немудрено – ведь я ещё не обучилась столь сложному искусству каллиграфии. Полночь. Перечитала письмо, и кажется, что все мои мысли – сплошной негатив. Нет, это совсем не так, не пойми меня неправильно. Мне лишь хочется одного: чтобы ты – мой читатель – переоценил свои ценности и извлёк для себя пользу.

Разве тебе не интересно, кем была твоя прапрабабушка по маминной линии, или прапрадед по папиной? Может, в твоём роду есть выдающиеся люди. Может быть. А ты и не знаешь.

С другой стороны – да, в жизни случаются и ситуации, когда связь поколений разрушена, и люди не могут воссоединиться, узнать свою историю. Возможно, к таким людям, к несчастью, относишься и ты. Заранее прошу прощения и продолжаю ход своих мыслей.

Как ни странно, именно люди, потерявшие семейные узы, обладают сумасшедшим рвением к поиску. Они жаждут найти даже самую малую информацию. У них есть смысл – смысл найти.

Мне в этом плане повезло. Моя бабушка по папиной линии в молодости интересовалась историей нашей семьи. Она, будучи юной девчонкой, узнавала у своих родных биографии, факты из жизни, собирала документы и всё это записывала, хранила. Затем её дочь (моя тётя) дополняла нашу родословную новыми сведениями. И сейчас у нас на руках есть “семейный архив” – небольшой кожаный оранжевый портфель, некогда служивший по назначению для советских школьников, а сейчас вступивший в права хранителя семейной истории.

Не буду загружать тебя объёмной информацией о своей семье. Понимаю, что это не представляет для тебя огромный интерес, но кое-что я тебе всё же расскажу. Не поленись, прочти: ведь ты уже сделал довольно длинный путь, и останавливаться сейчас – бросать дело на полпути.

Я вновь переворачиваю лист, а на часах уже второй час.

О чём же рассказать в двух словах? Дело непростое, но я попробую. Из семейных источников я точно знаю, что в моей семье не было дворян. Были обыкновенные трудяги-крестьяне: бедные, жившие огромными семьями и испытывающие нужду во всём – и зажиточные, пострадавшие в годы раскулачивания.

Интересный факт относится к последним. Мой прадед – участник Великой Отечественной войны (отец бабушки по папиной линии) родился в с. Масли Мишкинского района как раз-таки в семье зажиточных крестьян. Детей было четверо: две сестры, брат и он – младший сын. Семья

была работающей, поэтому-то и имелся достаток: скотина, земля, торговля, помощники (они жили наравне с хозяевами), большой крепкий дом. Это всё *было*, но в один миг исчезло – не осталось и следа от старой сытной жизни. Дом забрали, позже сделав из него детский сад; скотину ликвидировали. Семья моего прадеда осталась “без кола и двора”. Не было еды от слова “совсем”, просили милостыню. Мать была слепая. Сказать, что было тяжело, не поворачивается язык. Прадед в шестилетнем возрасте пас коров. Остальные дети та же рано стали ВЗРОСЛЫМИ, и их долгая упорная работа помогла вновь встать на ноги – не так крепко, но всё же они были спасены.

Если говорить о прабабушке по папиной линии, то она – стопроцентная белоруска по крови. Получается, что и во мне на 11,25% течёт кровь нашей “западной соседки”. Жизнь бабушки была тоже не проста: из восьми детей она была старшей. Семья жила очень бедно, еды вечно не хватало. Много работали, одежды по сезону не было – но учиться, говорит прабабушка (она жива, ей девяносто четыре года), хотелось всегда. Ходили в школу в одних сапогах – по очереди. По окончании семилетней школы прабабушке хотелось получать знания далее – но семья не имела такой возможности, и ей пришлось идти работать. Прабабушка Зина до сих пор говорит мне об этом при каждом удобном случае и наставляет меня на путь, ведущий к знаниям. Ослушаться её советов не позволяет совесть.

Все эти биографические отрывки рассказывает мне бабушка – и не по одному разу, как это бывает у людей старшего поколения, поэтому большую часть информации я успешно усвоила.

К сожалению, по маминой линии я не могу похвастаться такими же знаниями – но и их хватает для представления картины рода.

Свои родословные и отрывки из записей я прикреплю в приложении. Ты, мой читатель, сможешь посмотреть и оценить работу, проделанную моими родственниками в поиске информации. Если говорить честно (сегодня у нас ночь откровений получается), то моей заслуги как таковой во всём этом нет. Не я находила, не я собирала. Но одно точно известно мне: всю эту информацию я должна знать, беречь и передавать своим детям, чтобы они имели под собой крепкий фундамент истории и так же, как и их предки смогли твердо встать на ноги.

На часах – три. Опять засыпаю под утро, а так много ещё хочется рассказать... Но об этом – в другой раз, в другую ночь. Я не заканчиваю своё письмо и не прощаюсь. Я лишь кладу закладку и говорю: до свидания, мой друг, мы ещё свидимся!

P.S. Пробуй, пытайся, узнавай новое, ЖИВИ! Ещё есть время, ведь пока живут твои бабушки и дедушки, папы и мамы – жива и память о них. Цени любую найденную информацию, не забывай, что от тебя зависит будущее. И ещё помни слова М. В. Ломоносова “Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего”.

ИЛЬИНЫХ Любовь Алексеевна,
студентка 4-го курса
Мишкинского
педагогического колледжа

Наставник – Онучина
Светлана Владимировна

ВРАЧЕБНЫЙ ДОЛГ МОЕГО ДЕДУШКИ
САВКОВА АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА –
УЧАСТНИКА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С каждым годом всё дальше уходят от нас героические годы Великой Отечественной войны, но никогда не должны померкнуть праздник 9 мая – День Победы, Подвиг Солдата, вставшего на пути смерти, чумы XX века – фашизма, Подвиг тружеников тыла.

Развязанная гитлеровцами война против советского народа принесла неисчислимые бедствия десяткам миллионов людей, razорила поля России, превратила в руины города и сёла. Весь советский народ поднялся на защиту Родины, на разгром ненавистного врага. В боях с захватчиками советские войны проявили чудеса героизма.

Война... Сколько бед она приносит: сколько сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жён, братьев, сестёр, однополчан, родных, друзей встречают смерть на поле брани, защищая честь и достоинство своей Родины, своих близких и детей; сколько уходят в первые послевоенные годы от полученных ран; сколько остаются инвалидами на всю жизнь; сколько детей остаются сиротами.

О Великой Отечественной войне я узнавала из уроков истории и литературы, кинофильмов и художественных произведений. Но самыми яркими и правдивыми в моей памяти на всю жизнь останутся рассказы о войне моей бабушки Савковой Евдокии Артёмовны, которая родилась 13 марта 1925 года. Ведь Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в истории нашей семьи.

Мой дед, Савков Алексей Васильевич, родился 8 июля 1913 г. в Польше. До войны окончил медицинское училище, в 1941 году был призван на фронт. В период с 1941 по 1942 год служил в санитарном поезде фельдшером. Зимой 1942 года санитарный поезд попал под бомбёжку. Алексей Васильевич чудом остался в живых – было лишь

лёгкое ранение в бедро. Затем продолжил военную службу в санитарной части. Было тяжело: приходилось участвовать в боях, помогать в полевых операциях, выносить раненых с поля боя.

1944 год. Декабрь. Савков Алексей Васильевич в очередной раз выносит раненого солдата с поля боя. Вдруг сильная встряска – как будто электрическим током – и мой дед подорвался на mine, получив осколочное ранение в грудь. В том же госпитале, где и проходил службу, Алексей Васильевич перенёс несколько тяжёлых операций – но всё-таки все осколки вынуть не удалось: несколько осталось в лёгком. За подвиг он был награждён одной из уважаемых среди солдат медалью – “За отвагу”. Была и другая медаль – “За освобождение Кракова”. В том же 1944 году, пока мой дедушка восстанавливал здоровье после ранения, он познакомился со своей будущей женой (а моей бабушкой) Евдокией Артёмовной.

Следует отметить, что Евдокия Артёмовна Савкова в 1942 г. была угнана в Германию на работу на ферму. В тот 1944 год она заболела тифом и как раз попала в тот же госпиталь, где проходил лечение мой дед после операции. Когда их выписали из госпиталя, нужно было усиленное питание. Тогда глава семьи решил добираться до г. Караганда, где жил его младший брат Леонид.

В послевоенное время Алексей Васильевич работал фельдшером, помогал больным. В 1947 г. в семье Савковых на свет появился первенец. Всего в семье деда и бабушки было 10 детей. Жизнь Алексея Васильевича оборвалась в 1968 году – вражеские осколки напомнили о себе.

В этом году мы отмечаем 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Наш долг – сохранить историческую память о подвигах участников, ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

Мы все должны гордиться нашими предками, которые спасли мир от фашистского ига, отстаивали независимость нашей Родины. Мы обязаны помнить, какой ценой досталась Победа!

Я горжусь своим дедом, Савковым Алексеем Васильевичем, в память о котором ежегодно участвую в акции “Бессмертный полк”.

*СПЕЦИАЛЬНЫЕ
ПРИЗЫ*

Специальный приз жюри:
“Маленький шаг в литературу”

Бендюжик Екатерина Андреевна
(Далматовский район), 6 лет

“Здравствуйте, меня зовут Катя. Мне очень нравится придумывать разные рассказы. В них я рассказываю о разных животных, о том, как они живут и путешествуют. Сегодня я расскажу вам об удивительном путешествии...”

ДЕЛО БЫЛО УТРОМ...

В этот день я проснулась пораньше. За окном лето. Погода очень тёплая, и я решаю набрать ягод. Когда я собирала ягоды, я увидела большую белку. Белка села мне на руку. Я угостила её ягодами. Белка с удовольствием взяла несколько штук и поблагодарила меня.

По дороге домой мне повстречался заяц. Я решила, что угощу и его. Следом за зайцем, пощёлкивая зубами, шёл волк. Я сказала ему: “Не хочешь ли ты угоститься вкусными ягодками?” – на что волк согласился и тут же подобрел.

Придя домой, я обнаружила, что ягод совсем не осталось. Зато у меня было хорошее настроение. А ягод я ещё себе наберу!

Специальный приз жюри:
“Лучшее новогоднее произведение”

ЗИМИН
Николай Вячеславович,
студент 1 курса
Курганского государственного
университета

ЖИВАЯ ЁЛКА (рассказ)

Воскресное морозное утро 31 декабря... Синеву чистого неба освещает яркое зимнее солнце, светлые лучи которого, отражаясь от белоснежного покрова земли, заставляют обычных прохожих щуриться от света, что делает их очень смешными. Красивые деревья, покрытые серебристым, переливающимся на солнце инеем, украшают город так же, как и гирлянды, снежинки, снеговики, ёлки, встречающиеся сейчас на каждом здании и каждом шагу. Суетливые пешеходы наполнили улицы города звуком скрипящего снега под ногами: кто-то просто гуляет или выгуливает своего питомца, наслаждаясь свежестью зимы, кто-то покоряет “снежные вершины” и пробует обуздать крутые виражи ледяных горок, другие же спешат успеть купить подарки родным и близким, чтобы как следует отблагодарить всех тех, кто был рядом в это непростое время.

Ослепительные солнечные лучи, сталкиваясь с оконным стеклом, украшенным морозными узорами, словно с призмой, рассеиваются радужными пучками света по детской комнате, наполняя её атмосферой того самого волшебного утра перед Новым годом. Для сопящей в своей кроватке Юли сегодняшнее утро по-настоящему волшебное: ведь в гости к семье Калининых приехали бабушка с дедушкой, которых внуки так давно не видели. Да и отец семейства – Игорь Прохорович – наконец-то нашёл время для того, чтоб провести его с семьёй, забыв о своей работе (которая, бывает, беспокоит его даже на законных выходных).

– Юля, Паша, вставайте, почистите зубки и идите кушать, – скоман-

довала мама Аня, занятая приготовлением завтрака, после чего с детской комнаты стало слышно небольшое шебуршение.

– Аня, пусть дети ещё поспят, – вступилась за сон любимых внуков бабушка Нина.

– Нет, мам, у них режим. Им после каникул в школу рано вставать, пусть не отвыкают, – внёс свою лепту в разговор папа Игорь.

– Ох, помню тебя в их годы, Игорюня. Так трудно было тебя поднимать! Ты, пока в школу собирался, мог пару раз уснуть – за тобой глаз да глаз нужен был! – с приятным хохотком осветил детство сына дедушка Прохор.

– Хорошо, что у нашей Анечки глаз-алмаз! – похвалила баба Нина невестку. – Она и за детьми успеваешь глядеть, и за мужем!

Спустя некоторое время дети, выполнив все поручения мамы, пришли завтракать. Им не терпелось узнать, когда наконец папа поедет за ёлкой – поэтому первым делом, войдя на кухню, Паша протяжно, попутно зевая, спрашивает отца, безмятежно читающего свежий выпуск газеты:

– Папа, а когда ты поедешь за ёлкой?..

Сыну удалось не на шутку озадачить отца: со своей беспокойной работой тот совсем позабыл про лесную красавицу. Ведь найти её на выходных, да ещё и в последний день уходящего года, – задача не из простых.

– Ты не купил ёлку? – с небольшим укором спросила мужа любящая жена, попутно успокаивая себя тем, что хоть подарки детям куплены.

– Я как раз хотел выехать за ней, – немного краснея, неловко произнёс папа Игорь с малодовольным лицом.

Недолго думая, с неохотой отложив прочтение интересного предновогоднего номера газеты, отец семейства поспешил найти “лесную красавицу” для одного из главных семейных праздников.

Игорю Прохоровичу пришлось пройти и огонь, и воду, и медные трубы, но ёлки для праздника он так и не нашёл. Во всех магазинах города остались лишь неприметные, искусственные, пластиковые ёлки. Как назло, торговцы с улиц, которые вроде вот-вот торговали самыми разными лесными красавицами, чудесным образом пропали. Словно сквозь землю провалились. Возвращаться домой с пустыми руками папа Игорь не хотел, поэтому искал малейший шанс привезти домой живую ёлку. Он даже подумал “одолжить” лесную красавицу с детской площадки, но совесть и воспитание не позволили ему этого сделать. Совсем уж отчаявшись, он поехал сдаваться с повинной – но по пути домой увидел незнакомый магазин, находившийся в новом, ещё строящемся районе города. И этот магазин – о чудо! – продавал ёлки, да не простые, а живые, то есть в горшках. Точнее, даже не продавал, а сдавал

в аренду на новогодние праздники.

– Здравствуйте! Можно мне одну живую ёлку, пожалуйста? – радуясь тому, что он спасён, спросил Калинин у продавца.

– Здравствуйте. Извините, но таких уже нет. Мода нынче такая: продукты, направленные на улучшение экологии, пользуются спросом. Вот и этих живых лесных красавиц всех разобрали. Как хорошо, что народ поддерживает данное направление! Так, глядишь, и все перейдут на экологически чистое использование. А что: и нашему бизнесу хорошо, и тысячи ёлок останутся живыми. Экология сейчас – наше всё!

Разочарованный, но не сдавшийся папа Игорь с надеждой произнёс:

– А можете подсказать, где ещё у нас в городе можно такую ёлку найти?

– К сожалению, наш магазин пока единственный, где занимаются подобным. Других точек по городу у нас ещё нет, – с сочувствием ответил продавец. И добавил, видя разочарованное лицо покупателя: – Да вы не расстраивайтесь. Новый год ведь не обязательно встречать с ёлкой, главное – провести его в кругу самых родных и близких людей. С наступающим!

– И вас с наступающим, – без особой радости произнёс Игорь Прохорович, удалился из магазина и поехал домой.

Дорога показалась нашему герою долгой и полной раздумий. Приехав, папа Игорь нехотя объяснил семье всю ситуацию.

– Как же мы без ёлки?! – взволнованно спросил Паша.

– А куда Дед мороз подарки положит?! – в том же духе продолжила Юля.

– Любимые, сейчас папа съездит и купит ёлочку. Только она будет заколдованная, и будет выглядеть не как настоящая. Злая колдунья её заколдовала за то, что колдунья страшная, а она – ёлочка – всегда такая красивая, и зимой и летом...

– Стройная? – через смех спросил сынишка.

– И стройная тоже, – с улыбкой на лице ответила мама, после чего посмотрела на мужа. Тот уже по одному её взгляду понял – нужно действовать и ехать за той самой “заколдованной” ёлкой.

Папа Игорь уже собрался ехать, когда его остановил дедушка Прохор:

– погоди, Игорь. – И, уже обращаясь к ребятам, добавил: – А давайте-ка мы эту злую колдунью проучим и спасём маленькие ёлочки в лесу? Ведь она не только эту ёлочку заколдовала, но и другие тоже.

Радость в глазах ребят была настолько велика, что затмила недоумение взрослых.

– А где мы найдём злую колдунью? – спросил томимый любопытством Паша.

– В лесу. Здесь недалеко, – с улыбкой ответил дедушка Прохор.

– А когда мы поедим? – подхватила внучка.

– Скоро, Юлечка, скоро. Только приготовим снаряжение – и сразу в путь! – сказал дедушка, ласково глядя на любимую внучку.

Когда счастливые дети убежали в свою комнату, по пути обсуждая, как именно будут спасать лесных красавиц от злой колдуньи, все взрослые члены семьи устремили свой полный вопросов взгляд на что-то задумавшего деда Прохора.

– Ну, может уже расскажешь, что ты задумал? – с нетерпением спросила бабушка Нина.

– Давай, пап, рассказывай, не томи! – подытожил Игорь.

– Мы поедем к одному моему знакомому. Он работает в лесничестве, которое находится недалеко от города. Думаю, он сможет нам чем-нибудь помочь. Заодно детишек проветрим, а то засиделись дома! – довольный своей гениальной идеей, пропел дедушка Прохор.

– Мда-а, вот это поворот! – протянул папа Игорь. – Ну, что ж, попытка не пытка! Думаю, все согласны?..

Конечно, единогласного “да” не послышалось, но всё же любимые женщины одобрили эту идею. Взяв в прокат дом на колёсах и заскочив в пару магазинов, счастливая семья под плейлист новогодних песен поехала к знакомому деда Прохора в надежде, что новогодний семейный вечер всё же украсит ёлочка-красавица. Дорога прошла быстро и легко благодаря хорошей памяти деда Прохора, точно помнившего, где находится то самое заветное лесничество. Прибыв на место, женщины стали готовить небольшой перекус для проголодавшейся семьи, а мужчины пошли на переговоры с лесником, что уже встречал их у ворот.

“Это что за нежданные гости?..” – промелькнуло у лесника Тимофея в голове. Подойдя ближе к фургону, Тимофей понял, что гости не только нежданные, но и приятные.

– Проха! Сколько лет, сколько зим!.. – с улыбкой на лице встретил старого товарища лесник.

– Тимоха!.. Рад тебя видеть! – отозвался на приветствие дедушка Прохор. – Вот, познакомься, это сын мой.

– Игорь, – сухо, по-мужски, поздоровался Калинин-младший.

– Тимофей. – Руки мужчин сошлись в крепком рукопожатии.

– Какими судьбами ко мне? По делу, али так, в гости заскочил? – поинтересовался дядя Тимофей.

– По делу, – лаконично ответил дедушка Прохор.

Ознакомив лесника Тимофея со всей ситуацией (и историей бабушки Прохора про злоую колдунью включительно), сын и отец Калининны стали ждать ответа от старого товарища.

– Как же ты так, Игорь, не успел – ведь столько времени было? –

с доброй иронией спросил дядя Тимофей. – Что за работа у тебя такая?

– Так он у меня это... безработный, – добавляя иронии, проговорил дедушка Прохор.

– В наше время это называется “самозанятый”. “Бизнесмен” по-другому, – объяснил Калинин-младший. – Держу своё небольшое рекламное агентство. Всё как у людей.

– А что насчёт ёлки-то? – вспомнил дедушка Прохор.

– Ну что могу сказать?.. У нас тоже все ёлки уж раскупили. Надо звонить начальству. Даст добро на то, чтобы срубить ёлку из резерва, – подсоблю, а нет – так не сердчайте.

С такими словами лесник Тимофей пошёл к телефону, находившемуся в доме, решать судьбу новогоднего вечера. Спустя несколько минут он вышел.

– ...Благо у начальства сегодня хорошее настроение!.. Видать, премии всем повыписывали, – с ехидной улыбкой произнёс Тимофей. – Разрешили!

С этими словами у Калининых камень с души упал. Сейчас оставалось дело за малым: срубить ёлку – и ехать домой, отмечать наступление Нового года.

– Ну, что, идём за ёлкой? – пропел папа Игорь, после чего лесник Тимофей собрался было идти за топором и лопатой, но был остановлен Прохором.

– Постой-ка, куда спешить-то? Мы никуда не торопимся. Пойдём лучше перекусим, заодно побеседуем. Давненько ведь с тобой не виделись, есть о чём поговорить, – пригласил к столу Прохор старого товарища.

Чаепитие выдалось по-настоящему семейным, наполненным множеством рассказов из детства и юности старых товарищей, анекдотами и хорошими эмоциями.

– После хорошего застолья не грех и потрудиться, – такие слова Тимофея завершили застолье и означали то, что сейчас все выдвинутся на защиту новогодней красавицы от злой колдуньи.

Тепло одевшись, вооружившись топором и лопатой и взяв с собой верного сторожа и друга Тимофея – собаку Булата, наши герои выдвинулись в путь. Булат, находясь на другом конце территории лесничества, даже не подозревал, что у Тимофея гости. Так что, когда пса выпустили из просторного вольера, его сперва немного ошарашило присутствие посторонних людей.

– Старый стал, Булат? – ласково спросил Тимофей, погладив пса. – Не учуял гостей? Его нынче усыплять хотели, но я не дал! – строго добавил он. – Булат хоть и старый, но ещё есть порох в пороховницах, поживёт ещё. А что охранять уж толком не может – так это ничего. Нас

здесь двое сторожей, да и место у нас тихое, – с необычным спокойствием сказал “старший” сторож.

Булат с осторожностью обжегал вокруг группы, тщательно приюхиваясь к каждому из её членов.

– Свои, Булат! – скомандовал Тимофей, а пёс радостно завилал хвостом и стал играть, после чего наша группа окончательно выдвинулась.

Покрытый инеем лес переливался различными оттенками: от белого до серебряного. Хруст снега под ногами создавал особую атмосферу зимней прогулки. Воздух был морозный и пар от дыхания оседал на ресницах, образуя со временем “зимний макияж”. Наши герои шли по расчищенной дороге (что значительно облегчало задачу) в сторону елового бора.

– А как мы поймём, какую ёлочку нам нужно защитить? Ведь их тут так много? – придя на место, спросила Юля.

– Взрослые, большие ёлки не боятся злой колдуньи. Она им ничего не сможет сделать, – с приятной улыбкой ответил дядя Тимофей. – А вот маленькие ёлочки ещё не в силах за себя постоять.

– Значит, ищем маленькую? – сделал вывод Паша.

– Всё верно, – произнёс лесник, уже ища подходящую кандидатуру.

Через несколько минут поиска выбор пал на небольшую – около полутора метров высотой – стройную лесную красавицу.

– Вот же она! – радостно пролепетал Паша. – Не бойся, мы тебя сейчас спасём.

– Какая красивая! – восхитилась Юля.

– Итак, детки, отойдите. Сейчас мы её откопаем, – скомандовал лесник, после чего закипела работа.

Снег вокруг ёлки словно плавился от приложенного усердия. Откопав ёлку, лесник взялся за топор и хотел уже сделать первый заруб, как в его работу вмешалась Юля.

– Стойте! А мы что, рубить её будем?.. – чуть ли не со слезами на глазах спросила девочка.

– Ну да, – недоумённо ответил дядя Тимофей.

– Но ведь папа рассказывал про живую ёлку? Я всё слышала... – посмотрев на отца, сказала девочка.

В воздухе повисла неудобная тишина.

– А как же мы её тогда домой возьмём? – задал вопрос лесник, направленный больше взрослым, нежели маленькой девочке.

– Рубить не дам! – насупилась Юля и встала на защиту маленькой ёлочки.

– Ну-ка расскажите мне поподробнее про эти необычные “горшочные” ёлочки, – усмехнулся дядя Тимофей.

– Папа, Расскажи-расскажи! – попросила дочка отца, после чего Игорь Прохорович поведал интересную историю о том, как узнал про существование живых ёлок в горшках.

– Вот так да-а... – протянул Тимофей. – Чего только люди не придумают!..

– Мы же ведь на защиту ёлочки пришли, а если мы её срубим – она умрёт! Какие мы тогда защитники? – поддержал сестрѐнку Паша.

– Делать нечего, придётся копать, – на удивление для всех сказал лесник.

– А где же мы теперь горшок-то возьмѐм? – Такой вопрос задавала себе вся семья, но на обсуждение его выдвинул дедушка Прохор.

– Сейчас увидишь, – с ехидной улыбкой ответил Тимофей, скомандовал: “Булат, ко мне!” и продолжил с цирковой интонацией: – Приветствуйте! На сцене лесного цирка выступает Булат! Булат, принеси горшок!

По команде хозяина Булат побежал в сторону “закулисья” – домой.

– Неужели он горшок принесѐт?! – воскликнули все в изумлении.

– Ещѐ как принесѐт, – видя удивлѐнные лица зрителей, сказал Тимофей. – Давайте пока ёлку откопаем, пока солнце не село. Повезло нам: морозов нынче не было, а снегу выпало много. Земля не совсем заоченела.

Несколько раз сменяя друг друга, работники всё же выкопали ёлку. Постарались на славу. После, благодаря профессионализму дяди Тимофея, ёлка была успешно пересажена в принесѐнный Булатом большой горшок. Завершив работу, группа отправилась домой.

– Дядя Тимофей, а как Булат понял, что нам нужен горшок? – с удивлением спросила Юля.

– А он уже знает эту команду. Это он горшок от саженцев принѐс, которые мы этой весной высадили.

– Чудеса! – удивилась бабушка Нина.

Вернувшись на базу и отдохнув, наши герои начали собираться домой.

– Ну, пора прощаться. Спасибо за всё, Тимоха! – протягивая руку, сказал дедушка Прохор!

– И вам спасибо! Развеели старика! – отвечая рукопожатием, произнѐс Тимофей. – С наступающим Новым годом!

– И вас, дядя Тимофей! Ой... Кстати, а где вы его встречать будете – неужто здесь?.. – поинтересовалась мама Аня.

– Да, здесь, – как-то грустно ответил лесник.

– Как же так? Вы же здесь совсем одни? – спросил Паша.

– Я не один, со мной Булат, – усмехнулся Тимофей.

– Правильно, не одни! Мы остаѐмся! – неожиданно сказала Юля и с надеждой попросила: – Папа, давай останемся?.. Ведь дяде Тимофею здесь так скучно одному, наверно. Сегодня ведь праздник, грустить нельзя!

Лицо у лесника вспыхнуло румянцем.

– Вы не против, если мы останемся у вас?.. – робко спросил папа Игорь. Не зная, что и ответить, переполненный радостью Тимофей лишь одобрительно кивнул головой.

– Ну вот и решили! Мы остаёмся! – сказал Калинин.

Началась подготовка к новомуднему вечеру. Никто не сидел без дела, и поэтому уже к курантам был накрыт новогодний стол, а в углу стояла наряженная, живая лесная красавица, под которой утром появятся подарки от Деда Мороза. Так, в весёлой дружной компании Тимофея и Булата, наши герои отлично встретят Новый год.

На следующий год с помощью рекламной кампании Игоря Прохоровича у лесничества появится множество запросов на живые ёлки в горшке, благодаря чему лесника Тимофея наградят именной премией за вклад в экологию.

Специальный приз жюри:
“Лучшая жанровая проза”

БОРОВИНСКИХ
Влада Дмитриевна,
город Щучье

ПРОПАВШАЯ КНИГА

– Василиса!!! Вася!!! Ты где? Письмо тебе! Вася!! – Бабка Варя кричала так, что даже пёс, живущий на этом дворе полноправным хозяином вот уже восемь лет, забился в будку.

Василиса выбежала на крыльцо, вытирая руки полотенцем.

– Василиса, письмо тебе.

– Спасибо, баба Варя.

– От кого письмо-то?.. А то очки дома сегодня забыла. Не вижу ничего. – Любопытная бабка Варя со двора не уходила, а напротив, поднялась на крыльцо и стала ждать, когда Василиса распечатает конверт.

– От брата, Иванушки. Приезжает он ко мне сегодня вечером. Отпуск у него.

– Понятно, на свежий воздух. А не заскучает? Парень-то городской. Нет ведь у нас ничего: ни телевизора, ни интернета ихнего. Чего делать-то будет?.. – заворчала бабка Варя, спускаясь с крыльца.

Шутка ли – в её возрасте второй раз бежать по всей деревне, а ещё только утро! Опять же, как соседей оставить без такой новости – к Василисе брат приезжает.

Бабка Варя была пенсионеркой. Энергии в ней было столько, что каждое утро она бегала на станцию, получала почту и разносила её по дворам, попутно пересказывая все новости внешнего мира. Нередко самоназначенный почтальон оставалась в доме того, кому принесла послание и помогала в домашних хлопотах – иногда и против воли хозяина.

“Ох”, – вздохнула бабка Варя, и поплелась в конец деревеньки, чтобы осчастливить каждого чудной новостью.

Солнышко уже поднялось высоко, было жарко...

День выдался суматошным. С утра экзамены письменно, потом – физическая подготовка, дальше – диплом, распределение...

“Очень хотелось бы в свой район попасть. Я там всех знаю”, – думал Иван, ожидая, когда ему вынесут подписанные документы.

Уже перевалило за обед, а сумка ещё не была собрана, и билет не куплен. Как всё успеть? Васька письмо уже, наверное, получила.

Вот что за надобность из города переехать в деревню, да ещё туда, где сотовый не берёт и по интернету не свяжешься? Нет там связи – и всё тут. Только бумажное письмо – единственный источник сведений о сестрёнке.

– Егоров! – из кабинета вышел лейтенант. – Не готовы на тебя ещё документы. Ты же в отпуск собирался? Вот и хорошо, недельку отдохнёшь, а потом приедешь. К тому времени всё готово будет.

– Значит, я могу идти? – спросил Иван.

– Да, да, свободен. Через неделю жду. А пока отдыхай.

Иван поторопился домой. По-военному быстро собрал дорожную сумку и отправился на вокзал.

Добравшись до автобусной остановки, юноша посмотрел на часы. До электрички оставалось полтора часа. Иван закинул голову – должен успеть, если автобус по расписанию придёт. Прошло двадцать минут, а автобус так и не появился. Иван обеспокоенно посмотрел на часы.

– Егоров, ты? – вдруг раздалось рядом. Юноша оглянулся и увидел, что окликнул его тот самый лейтенант, который сегодня в учебном центре не выдал ему документы.

– Добрый день, Сергей Семёнович.

– Тебе куда?

– На вокзал, – ответил Иван.

– Пойдём, подброшу.

Вспоминая день, Иван медленно катил в электричке к Тридцать девятой платформе, недалеко от которой – в маленькой деревеньке – жила его сестра. Было очень жарко. Всё плавилось и тянулось, Ивана не радовал даже вид из окна. А посмотреть было на что.

По ту и другую сторону железнодорожного пути монолитной стеной выстроились стройные высокие сосны, перемешивая сочную тёмно-зелёную листву с нежными листиками белых хрупких берёз. От самого полотна до этой стены Природой был уложен яркий травянистый ковёр. На нём был выткан причудливый цветочный узор. Несмотря на жару, всё искрилось радостью, лёгкостью и летом.

Тридцать девятая платформа находилась от города недалеко. Другой

дороги до Василисиной деревеньки другой не было – только железная. Сорок минут в сторону Екатеринбурга на электричке. Уже совсем стемнело, когда Иван прибыл на место. Электричка, осветив его напоследок окнами, двинулась дальше. Иван огляделся:

– Странно... Почему на указателе цифра “39” была написана через дробь? Какая-то платформа Три Девярых получается...

Иван двинулся по узенькой, едва различимой тропинке вглубь леса. За ним, в третьем доме с краю и жила его Василиса.

Было темно. Звёзды не старались помочь путнику добраться до сестры, а месяц вообще не посчитал нужным появиться на небе. Именно поэтому – а вовсе не потому, что был невнимателен – Иван, дойдя до деревеньки, не увидел первого к тропинке дома.

Отсчитав, как ему показалось, третий дом, Иван двинулся к нему. Зашёл в ограду, поднялся на крыльцо и дёрнул ручку входной двери. Дверь открылась.

“Ничего себе, не запирают”, – подумал Иван и вошёл в избу. Кухня (она же прихожая) освещалась свечой, стоявшей на столе.

– Вася, ты где? Брат приехал, – Иван прошёл в комнату.

Дом был пуст. Иван вернулся к столу и только сейчас увидел записку: “Скоро буду, ужин на столе. В.”

Иван откинул полотенце и понял, что очень, ну очень хочет ужинать. На столе стояли кувшин с молоком, тарелка с ещё горячим отварным картофелем, солёные огурчики, капуста с клюквой и блюдо с пирогами.

Пожинав, Иван разделся, умылся и лёг на кровать, которая стояла за печкой. Едва голова молодого человека коснулась подушки, он уснул.

* * *

Проснулся Иван от скрипа двери, в доме было темно. Увидеть, кто пришёл, он смог, лишь когда зажглась свеча. Остатки сна улетучились с криком вошедшей:

– А-а-а!!!!.. Убивают!!!!.. Грабят!!!!.. А-а-а!!!!..

Со свечой в руках посреди кухни стояла бабка Варя. Стояла и орала. Громко, с чувством, от всей души. И громкость постепенно только увеличивалась. На крик в дом сбегались перепуганные соседи. Собаки, жившие в деревне, даже не лаяли – видимо посчитав: то, что сейчас издаёт эти звуки, защитит их хозяев и дворы, а также их самих от любой опасности.

– Что случилось? – В дом влетела Клавдия Семёновна.

– А ну, тихо! – вдруг раздался громоподобный бас Алексея Агафоновича – ещё одного соседа бабки Вари.

Тишина, возникшая за окриком Лешакова, оглушила всех. И несколько

минут во дворе стояла самая что ни на есть мёртвая тишина.

Бабка Варя всхлипнула и снова открыла рот, но Алексей Агафонович ещё раз повторил:

– Тихо!

Варвара выдохнула:

– Я это... вот... захожу... А он... это... тут... Спит...

– Так спит или убивает? – с усмешкой спросил Алексей Агафонович.

Чуть поколебавшись, бабка Варя ответила:

– Спит.

– А дворы чего переполошила?

– Страшно, – ещё раз всхлипнула Варвара.

– Ну а ты чего, малой, молчишь? Контузило, что ль?

Иван очень медленно встал с кровати: не дай бог эта снова завизжит – так и оглохнуть недолго:

– Я думал, что это дом Васи... Василисы, мой сестры.

– Она тебе что – номер дома не сказала? Чего в шестой-то полез?.. – Алексей Агафонович подошёл поближе к Ивану. – Пошли, отведу тебя. А ты, Варвара, спать давай ложись. Это ж надо – всю деревню переполошила! Ну, пришёл парень, поел, спать лёг, – чего, сказок не читала: “утро вечера мудренее”? С утра бы и голосила. Всё петухам не надрываться.

...Василиса стояла у калитки своего дома.

– Ванечка, ты где был? Я уж думала – не приехал... А тут крик такой!.. Что случилось?

– Твой Иван Варвару перепугал. Дома парень попутал, – ответил Алексей Агафонович. – Забирай своего брата. А завтра с утра покажи ему, живёшь где – чтоб не блудил более.

– Спасибо вам, Алексей Агафонович. Спокойной ночи.

И, взяв Ивана за рукав, Василиса потянула его в сторону дома.

* * *

Солнышко только-только показало первый лучик, петухи взлетели на заборы... но пропеть, восхваляя утро, им не дали.

– Ой!!! Украли!!! Украли!!! Лишили женщину её сокровища!!! Ой! Жить-то как теперь буду?!.. – неслось по деревеньке.

Чуть медленнее, чем ночью, соседи опять собирались у дома бабки Вари. “Что случилось?” – спрашивали они друг друга и Варвару, но та только причитала:

– Ой!!! Украли!!! Украли!!! Лишили женщину её сокровища!!! Ой! Жить-то как теперь буду?!..

– Она что, другого ничего сказать не может? Переклинило её, что

ли? – Роберт Кириллович, сосед энергичной пенсионерки, пытался выяснить, что же всё-таки случилось.

Услышав его вопрос, Варвара замолчала, а потом выдала:

– Да, переклинило!.. Украли!!! Украли!!! Лишили женщину её сокровища!!! Ой! Жить-то как теперь буду?!..

Затем, обведя глазами всех собравшихся, уже спокойно она обратилась к Ивану:

– А ведь ты вчера у меня был. Ты и взял. Верни Книгу по-хорошему.

Юноша покраснел. Его – почти сотрудника полиции, почти участкового – ещё никто так не обижал. Это надо же подумать, что он – он! – может взять чужую вещь без спроса. Да и потом – что там за книга у этой бабки? Роман какой-нибудь про чувства? А он фантастику научную любит, приключения там разные. Чего он там не читал?

– Вы это чего такое говорите?.. Я не брал! – возмутился Иван.

– Да не мог он, – вступилась за брата Василиса.

– Понятно, – сказал Василий Федотович, – полицию вызывать надо.

– Подождите! – Василиса схватила брата за руку. – Вот вам полиция! Ванечка, найдёшь Книгу?.. Тебя же учили...

Несколько пар глаз не мигая смотрели на молодого человека.

– Найду, – почти шёпотом произнёс Иван. – А... Книга-то какая была?..

Взгляды собравшихся переместились в сторону бабки Вари.

– Моя.

– Автор, название у неё есть? – спросил Иван.

– Есть, наверное... – Бабка Варя пожала плечами. – Она мне без обложки досталась... От бабки моей – ведуньи местной.

– А описать вы её сможете?

– Это как? – Бабка Варя склонила голову на бок и посмотрела на Ивана очень внимательно.

– Ну... Размер, сколько страниц, их цвет, содержание...

– Всё расскажу. А про то, что написано – не буду, – скрестила Варвара руки на груди.

Соседи опять уставились на Ивана.

– Ну, что можете – рассказывайте, – вздохнул тот.

* * *

– Вань, иди завтракать.

После маленького собрания возле дома бабки Вари Иван сидел на крыльце сестринского дома и думал. Он вспомнил ещё раз, что рассказала ему потерпевшая Варвара:

“Книга та – старинная, страницы её – тонкие-тонкие, пергаментные, от времени пожелтевшие. Буквы пером писаны, кровью, но выцвели

очень. Автора не знаю, названия не скажу – без обложки она мне досталась”.

“Вот как так – писаны кровью?.. Чьей кровью, зачем – кровью?..” – Иван ещё раз посмотрел на свой блокнот, куда записал все показания бабки Вари, после того, как они с сестрой вернулись домой.

– ...Иду, – ответил Иван сестре.

Сев за стол, парень взял с большой тарелки пирог и начал его жевать.

– Вася, а расскажи мне про жителей ваших? Кто чем живёт... Ты же их знаешь.

Василиса повернулась к брату:

– Знать-то знаю, да только поговори с ними сам. Приглядишься. Я к ним привыкла за три-то года, а ты – человек новый.

– Тогда давай показывай, кто где живёт и когда дома бывает.

Василиса поставила перед братом кружку с чаем и села рядом.

– Ну, слушай. В первом от тропинки доме живёт Кашина Клавдия Семёновна. Женщина энергичная, с причудами.

Иван посмотрел на сестру:

– Это как?

– А вот так. Огород свой почти заболотила: всё ей кажется, что высохнет весь. Дом каждый день моет. К ней как ни зайдешь – всё на полу лужи стоят. И комаров!.. На улице столько нет! Дальше – дом как дом. Живёт там кто-то уже около года, печь топит, огород всегда выполот, полит, зимой снег убран. Хозяйства никакого не держит. Мимо когда хожу, вижу – занавески шевелятся. За год один раз и видела, и то уже в сумерках. Девушка это. Дальше – дом мой, затем – Роберт Кириллович Домашний живет. Ты его сегодня утром видел. Такой маленький, лохматый и в саже постоянно. Из дома редко выходит. Чужих людей сторонится. Но гостей всегда душевно встречает. Стол от еды ломится. В следующем доме – Ламинария с отцом живёт. Ну как “живёт”: постоянно в озере за огородом плещется. И днём и ночью. Вообще из воды не выходит.

– А зимой? Россия же, – Иван оторвался от блокнота. Он рисовал треугольники, под ними писал имена соседней Василисы и краткую данную сестрой характеристику.

– А зиму она в бассейне проводит. Видел, у них во дворе ещё один домик стоит? Вот там бассейн и есть. Отец её – мужчина видный, лет средних. Полкан Федотович – военный в отставке. Сюда приехали год назад. Рыбалка – его страсть. Поймает рыбку и снова отпускает. Целыми днями так развлекается. Фамилия у него – Морской. Следом – дом бабки Вари. В деревне говорят, что ведунья она местная. Приболеет кто – к ней обращается. С травами на ты. Постоянно в лесу за домами

пропадает. Все травки, ягоды, грибы, коренья собирает. Кровь останавливать умеет.

Иван посмотрел на сестру.

– Чего смотришь? Порезалась я прошлым летом сильно. Босая на луг вышла, да на стекло попала. Вон шрам до сих пор видно. Кровищи было! Идти не могу, нога огнем горит... Хорошо, Варвара из леса возвращалась. Что-то над раной пошептала – кровь бежать перестала и боль ушла. А потом домой ещё мазь принесла – так я через два дня уже не хромала. Здесь все к ней обращаются, до больницы-то далеко.

Котофеев Василий Кузьмич живёт в предпоследнем доме. Кошатник жуткий!.. Коты и кошки к нему со всего мира приходят. И странное дело – собаки их местные не трогают, даже не облаивают. Василий Кузьмич и летом и зимой в жилетке меховой и в сапогах ходит. В огороде разных сортов валерианы насадил. Ухаживает за ней лучше, чем Варвара за своим садом. Ну, Алексея Агафоновича ты уже знаешь. Каждый день с утра пораньше в лес уходит. То деревца новые посадит, то кормушку птицам, животным соорудит. Всех браконьеров от нашего леса отвадил. Животные из леса к дому его близко подходят, когда им помощь нужна. Понимает он их.

Иван отставил кружку и посмотрел на листок. “Начну, пожалуй, с Лешакова, – решил он для себя, – а сейчас Василисе помочь надо: двор в порядок привести, баньку подлатать, да в курятнике насесты поправить”.

* * *

Иван отправился к дому Алексея Агафоновича, когда уже солнце совсем село за лес. Лешаков сидел на лавочке у ворот и что-то мастерил.

– Добрый вечер, Алексей Агафонович.

– И тебе не хворать, Иван. Чего ко мне пришёл? Про книгу не знаю ничего. Я вообще читать буквы не люблю, книг дома не держу.

– А что ещё-то, кроме букв, читать можно? – усмехнулся Иван.

– А ты посмотри вокруг. Прислушайся. Вот что лес говорит? Слышишь?

Иван мотнул головой.

– То-то. У сороки кто-то ложку серебряную стащил. Она решила, что бельчонок. Слышишь, кричит как! Матери Хвостика жалуется, наказать просит.

– Хвостика? – не понял Иван.

– Имя бельчонок. Известный в округе шалопай. От его проказ в лесу все плачут. Ты иди, Иван, книгу ищи. У меня её точно нет. Да и отвлекать ты меня. До утра нужно кормушку соорудить, лисят подкормить.

Иван попрощался с Лешаковым, и отправился было в сторону своего дома, но вдруг к нему в ноги бросилось что-то мягкое и пушистое. Боясь причинить вред живому комочку, Иван замер. Было уже темно, поэто-

му понадобилось время, чтобы разглядеть, что так сильно прижималось к ноге. Это оказался маленький рыжий котёнок с огромными зелёными глазами. И он был напуган.

– Привет, малыш. Ну и чей ты?

Услышав голос, котёнок замер, а когда Иван наклонился – разрешил себя взять на руки.

– Куда пойдём? – Иван погладил котёночка.

– Молодой человек! Верните Шустрика, пожалуйста, – произнесли два огромных, светящихся жёлтым светом глаза.

Иван вгляделся во тьму. Серьёзно, не могут же с ним разговаривать глаза?.. Только сейчас он заметил, что к “говорящим” глазам прилагалось человеческое лицо с ушами, носом, ртом и усами. Далее шли шея, плечи, руки, грудь, живот, ноги...

– Здравствуйте, Василий Кузьмич... – выдохнул Иван. – Это ваше чудо?.. Конечно, забирайте. Я и не знал, что делать-то с ним... Думал, завтра хозяев искать будем.

– Вечера доброго, молодой человек. Недоглядел я: Шустрик из ограды без ведома моего убежал...

Котофеев протянул руки, и Шустрик быстро перебрался в ладони Василия Кузьмича.

– Пойдёмте, молодой человек, мы вас проводим. – Сосед Лешакова развернулся в сторону Василисиного дома. – К Лешакову ходили? Позвольте полюбопытствовать, зачем?

– Про книгу узнать, которая у Варвары пропала.

– И что, он знает?

– Да нет, ничего он не знает... А вы?

– Что – “мы”? – Котофеев посмотрел на Ивана, а затем перевёл глаза на Шустрика.

“Странные у него глаза. Как у кота”, – подумалось Ивану.

– Что вы знаете про пропавшую книгу?

– С Варварой познакомился я давно, еще, когда моя семья сюда переехала. Маленьким я был. Теперь вот сам внуков нянчу, а Варвара всё в одной поре. Не меняется она вообще. Я был уверен, что и читать-то она не умеет. Пишет корявенько – как курица лапой. Какое там читать! А тут – Книга. Я когда у неё в доме был, вообще никаких книг, газет или журналов не видел. И расстроилась-то как!.. Из дому не выходит. Мы ж так без новостей скоро окажемся. Изолируемся, так сказать, от внешнего мира... Ищи книгу, Иван!.. Ну вот, и калитка ваша. Спокойной ночи...

– Спокойной ночи, Василий Кузьмич.

– Иван, завтракать иди, – донёлся из кухни голос Василисы.

“Пожалуй, мне здесь очень нравится”, – подумал Иван.

– Как поиски, Ваня? – спросила сестра, когда молодой человек сел за стол.

– Пока никак. Никто про книгу не знает. Баба Варя её в тайне держала, а почему и зачем – не говорит. Соседей её опросил – никто ничего не знает. Сегодня к Кашиной пойду: они с Варварой возраста одного, дружнее всего между собой будут. Может, она мне чего расскажет.

– Хорошо. Я тогда в посёлок схожу: купить кое-чего надо. Варвару позову, а то второй день за оградой не появляется.

Иван пожал плечами. Каша была – просто объединение.

После завтрака, проводив Василису в посёлок, Иван отправился к дому Кашиной. Утро выдалось пасмурное, но дождя не обещалось. Не было липкой жары, в воздухе повисли маленькие комарики. Они роились и нападали на тех несчастливцев, которые проходили мимо. Шлёп! – услышал Иван. Шлёп! Шлёп! Из кустарника на краю дороги появилась голова Роберта Кирилловича.

– Доброе утро, молодой человек. Гуляете? (Шлёп!) Опять комар!.. Не люблю их, кусают больно...

– Здравствуйте... А простите... что вы в придорожных кустах делаете?.. – спросил Иван.

– Клавдию Семёновну жду, – покраснел Домашний и пожаловался:

– Подарок ей приготовил, а комары кусают!..

– Простите за любопытство, что за подарок? – поинтересовался Иван.

– Книга! – радостно сообщил Роберт Кириллович.

– Какая?

Глаза Домашнего увеличились:

– Вы не подумайте чего! Купил я её в магазине поселковом. Клавдия Семёновна очень читать любит. Вот и решил порадовать.

– А в кустах-то чего?

– Сюрприз сделать хотел, – ответил Роберт Кириллович.

– Я как раз в гости к Кашиной иду. Пойдёмте со мной? По дороге поговорим. Домашний сомневался секунду, а потом начал вылезать из куста.

– Роберт Кириллович, что вы знаете про пропавшую книгу бабы Вари?

– Ничего. Я ведь один живу, в компаниях не нуждаюсь. А Варвара, по секрету скажу, баба надоедливая. Устаю от неё. И общение наше свёл к минимуму. Про книгу в день пропажи первый раз и услышал. Может, сама куда по старости дела... А вы к Клавдии Семёновне зачем пошли?

– Поговорить. Может, она чего знает или слышала... Где-то искать

пропажу надо. Без следа ничего не исчезает.

– Это точно, – услышали мужчины. – Чего пожаловали?

Клавдия Семёновна в своём неизменном красном халате стояла у ворот.

– Привет тебе, соседка! Гуляли, решили к тебе в гости заглянуть.пустишь?.. – Роберт Кириллович, обращаясь к Кашиной, пытался спрятать подарок у себя за спиной. Но поскольку он был роста невеликого, а Клавдия Семёновна была худа и высока, взглянув вниз за спину Домашнего, она легко увидела его сюрприз. Заметив это, Роберт Кириллович вытащил подарок из-за спины и сунул в руки Ивану.

– ...И вот подарок вам принесли, – произнёс Иван, протягивая свёрток Кашиной.

Клавдия Семёновна посмотрела на пришедших сверху вниз, произнесла:

– Пойдёмте прогуляемся лучше. Туда, к пруду. Вот уж год скоро будет, как моих друзей кто-то обижает. Поможешь, полиция?

– А кто обижает? – спросил Иван.

– Не знаю пока. Пойдём, посмотрим.

– Я не пойду, – сказал Роберт Кириллович. – Комары там.

Кашина посмотрела на него:

– Не ходи, меня Иван проводит. – И вдруг махнула рукой. – Не пищи, говорю, сейчас посмотрим...

Иван и Роберт Кириллович переглянулись, а затем устали на Кашину.

– Вы это кому? – спросил Домашний.

– Друзьям, – ответила дама, – вон их сколько. – Клавдия Семёновна повела рукой. Только сейчас Иван заметил, что у головы женщины вилось огромное количество комаров. И если они с Робертом Кирилловичем подвергались нападкам этих насекомых, то Кашина, казалось, даже не замечала укусов.

“Конечно, не замечала!” – подумал Иван. Её они и не кусали, а только вились роем над головой.

– Сколько уже обижают? Каких друзей? – одновременно прозвучали два вопроса от мужчин.

Клавдия Семёновна повернулась к Ивану: – Около года. – И ответила Домашнему: – Моих!

– Ну тогда я пойду, – сник Домашний.

– Иди, иди. Ты уже прощался.

Роберт Кириллович, опустив голову, пошёл к своему дому.

– Зачем так? – спросил Иван. – Нравится вы ему очень.

– Ага! Как и Варвара! Я ведь помню записочку на столе у Варвары...

– Какую?

– Не помнишь? В ночь, когда ты к нам приехал. Я первая в дом-то её влетела. Смотрю – на столе посуда грязная и записка. Своё я расследование провела, полиция. К Варьке он в гости ходит, подарки ей дарит.

“А про записку я и забыл!.. – подумал Иван. – Вот и сыщик...” От этой мысли молодой человек даже замедлил шаги. Клавдия Семёновна улыбнулась:

– Да ладно тебе. Не брал он книгу, за это поручиться могу. Человек он очень хороший.

За беседой они спустились к пруду. Солнышко так и не выглянуло. Над прудом стоял звонкий гул, издаваемый друзьями Кашиной, и кваканье лягушек.

– Привет!

У берега вдруг вынырнула девичья головка.

“Это и есть Ламинария”, – подумал Иван.

– И тебе не хворать, – ответила его попутчица. – Ещё утро, а ты уже в воде...

– Что делать: купаться люблю! Только, наверное, скоро в бассейн переберусь. Шумно здесь стало. Очень шумно.

– Это почему? – спросил Иван. – Здравствуйте.

– А послушайте... Клавдия Семёновна, вы помните, чтобы столько лягушек у нас было?.. Сутками квакают! Раньше только в пруду их видела, а месяца два назад заметила, что они от деревеньки нашей к воде утром возвращаются.

– А откуда конкретно – не знаете? – спросил Иван и оглянулся на дом таинственной соседки Василисы.

– Не видела, не знаю. Только нашествие их началось где-то год назад.

– Понятно. И друзей ваших тоже год назад сильно притеснять стали, так? – повернулся Иван к Клавдии Семёновне.

– Верно. Их всегда в пищу употребляют – но в этот год они не успевают даже заменить выбывших, до того много их едят.

Иван кивнул:

– Я пойду, наверное. До свидания.

– Не забудьте нам рассказать, когда вора найдёте! – прокричала Ламинария в спину Ивану.

– Непременно, – ответил юноша и направился к дому Домашнего.

* * *

– Роберт Кириллович, зачем вы с Варварой о встрече договаривались? – спросил Иван.

– Когда? – Глаза Домашнего забегали.

– В ночь моего приезда, – спокойно ответил юноша. – Роберт Кирил-

лович, Клавдия Семёновна об этом знает.

– Варвара на целый день в лес собиралась, а мне поговорить с ней надо было. Вот на вечер и уговорились. Я у неё про Клаву спросить хотел, чтобы подарок сделать... Представляю, чего она там себе придумала!.. Иван, можно я побегу? Надо объяснить всё Клавдии...

– Идите.

После разговора с Домашним Иван направился в сторону дома таинственной соседки Василисы. Маленькие воротца ограды были открыты. Молодой человек зашёл во двор.

– Хозяйка! Можно?..

Никто не ответил.

– Мне поговорить с вами нужно! У одного из жителей деревни вещь пропала! Можно пройти?..

Молчание.

Иван поднялся на крыльцо и потянул ручку двери. В доме было тихо.

– Я войду?..

Снова тишина. “Подожждём”, – подумал Иван. Тут его взгляд упал на стол. А вот и пропажа! Книга – без обложки, страницы старые, жёлтые, тоненькие – лежала на столе. “Подожждём”, – подумал Иван и вышел на крыльцо.

Уже вечерело, когда за спиной юноша услышал шорох. Иван обернулся. На крыльце стояла девушка и смотрела на него, склонив голову набок.

– Вы кто, и что вы делаете на моём дворе?

– Добрый вечер. Вас жду, – ответил молодой человек.

– Зачем?

– Чтобы Книгу бабы Вари у Вас забрать.

– Чушь! Моя эта Книга! Она в моей семье поколений сто жила, пока бабка Серафима – Варварина бабка – её у моего деда не выкрала!.. – Девушка сжала кулачки, и слёзы побежали по её лицу.

– И всё-таки нам придется показать вашу книгу Варваре. – Иван посмотрел на девушку. – Как вас зовут?

– Елена...

– А что вы тут делаете? Молодая, красивая... и в деревне? Обычно в город такие уезжают, а вы недавно сюда приехали. Прячетесь от кого?

Елена посмотрела на Ивана:

– От отца! Чрезмерная опека его надоела. Ничего нельзя!.. А я жить хочу, как другие, обычные, понимаете?..

– Понимаю, – вздохнул Иван. – Ну что, к бабе Варе идём?.. Берите Книгу.

Елена зашла в дом, взяла Книгу и вышла на крыльцо к Ивану.

– Пойдёмте.

Варвары на дворе не было. Поэтому гости вошли в дом.

– Варвара, можно к вам? Мы вашу Книгу нашли.

Бабка Варя вышла из комнаты. И взгляд не смогла оторвать от Елены:

– Как на деда похожа!..

– Как?! Вы?..

– А что, прикажешь мне века под одним именем жить?.. Так и узнавать меня будут. Зачем мне популярность! Живу себе тихо, мирно, никому зла уже веков десять не творю. Чего смотришь, Иван? Да, Серафима я, и что? – Варвара повернулась к Елене. – А ты здесь как? Книгу мою зачем стащила?

– Не ваша она. Деда моего... От отца прячусь, – ответила девушка.

– Курица ты, курица. Книгу эту твой дед мне за услугу одну отдал.

– Это какую? У него от меня секретов не было...

– Ты помнишь, чем отец твой тебя наградил?..

Елена опустила голову.

– То-то же. Только если бы не я, сидела бы ты в замке папочки своего и носа не высывала. А так – смотри, у тебя возможность какая появилась: мир посмотреть, с людьми пообщаться! Ты книгу-то для чего взяла?..

– Чтобы способ найти, как всегда такой быть...

– Нет его тут. В другом месте искать надо.

У Ивана закружилась голова: “Я подумаю об этом завтра... Или вообще никогда. Не бывает такого...”

– Претензии у вас, Варвара, есть?

– Да что ты, милоч! Спасибо, что Книгу нашёл!

– Ну, я пойду.

– Иди, конечно. Нам с Еленой о многом поговорить надо.

Иван вышел на крыльцо. Вдохнул глубоко и начал спускаться по ступеням.

– Василиса! – вдруг раздалось рядом. – Василиса!!! Где брат твой?!

Юноша подбежал к калитке сестринского дома – и сразу же угодил в руки Котофеева:

– Иван, Шустрик пропал. Найди внука мне!..

Специальный приз жюри:
“Лучшее произведение
про путешествия”

ДОСТОВАЛОВА Яна Сергеевна,
город Курган

ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

День 1

Переодевшись наспех в самолёте, я поняла, что прилетела в Лето! Возле аэропорта – огромное количество деревьев! А у моего гостиничного дома – пальмы! Настоящие огромные пальмы! Я даже их потрогала, чтобы в этом убедиться. От остановки до места, где я сейчас живу, десять минут. И чтобы перейти дорогу, надо дожидаться сигнала загорелых полицейских, что регулируют движение. Весь день под палящим солнцем они властвуют над дорогой, одним движением разрешая или запрещая пешеходам и машинам продолжать путь. При этом выглядят они очень довольными и счастливыми – впрочем, как и все люди, каких я здесь встречала.

Дорога к морю

Скажу честно: до этого дня, прожив чудесные двадцать девять лет, моря я не видела. Поэтому главная цель – купаться и наслаждаться.

Но! Сперва очень хотелось позавтракать и выпить кофе на его берегу. Что я и сделала, поблудив перед этим минут двадцать, убедившись в том, что лучше верить карте и поменьше спрашивать у людей, как найти дорогу. Хотела сходить в кафе “У рыбака”. Но, подойдя к городскому пляжу “Огонёк”, увидела красивые столики под навесом. Что-то вроде морского причала. А слева медпункт. Хорошее соседство однако!

Выпив свой кофе и откушав изумительный хачапури, я отправилась к морю.

Море!

Прозрачное море! Красивые камни, тёплая галька и солёные волны! Здесь тоже хотелось себя ущипнуть, потому что не верилось, что всё

это – по-настоящему. Так не верилось, что я пробыла на пляже пять часов, разговаривая по телефону, загорая и купаясь. А ещё мы спасли с женщиной медузу, которую хотели поймать совком мальчишки. Самого старшего она укусила. “Но ты же не умер!” – сказала ему местная жительница, очень эмоционально возмущаясь при этом. “Нарушают здесь экологию моря!” – поддержала я. И эта медуза была спасена.

Море тёплое, волнующее и бесконечное. Я просто была в настоящем, слушала волны и ни о чем не думала. Поэтому, конечно, сгорела. Наивно полагая, что шляпа и солнцезащитный крем мне не понадобятся, я оставила всё это дома. Теперь вся красная. Больно ходить и прикасаться к ногам. Но это меня не останавливает. Пойду куплю шляпу и крем, позавтракаю и буду дальше радоваться и наслаждаться. И, конечно, писать. Мне очень нравится это делать! А вам понравилось читать?

День 2, часть 1. Поездка в Сочи

Важно быть в настоящем. Сегодня утром говорила об этом. Но сейчас осознанно возвращаюсь к вчерашнему дню. Сегодня я еду в солнечную Абхазию, а вчера – любовалась просторами Сочи. Для этого у замечательной женщины Светланы заказала экскурсию. Специально для этого по всей улице стоит множество “островков”. Выбрала из них самый ближний к дому. А лучезарная улыбка его хозяйки окончательно подтвердила, что я сделала правильный выбор.

Пока ждали автобус сфотографировалась у пальмы и потрогала её. Убедилась: настоящая.

В автобусе нас развлекала экскурсовод Ирина. Обожаю таких женщин: влюблённых в жизнь, в людей, в город, где они живут, и в дело, которое они делают. Такие люди по-настоящему счастливы. Это видно, и это завораживает. Наверное, это и называют обаянием – умение получать удовольствие от всего, что тебя окружает.

* * *

Личность вождя можно обсуждать часами. Но всё-таки хотелось бы Иосифу Виссарионовичу сказать спасибо за строительство социалистического субтропического курорта. Боже, какие здесь дворцы! С подobaющими колоннами, величественными лестницами и роскошными фонтанами! А вдоль побережья – белокаменные набережные. Их строили с верой в светлое в будущее. Для простого народа.

День 2, часть 2. Сочи

В городе наша туристическая группа пробыла совсем немного. Мы увидели морской вокзал, побывали в парке «Ривьера», посетили гору Ахун, океанариум и дегустацию вин.

Первая остановка – парк «Ривьера».

В экскурсию не заложено время на то, чтобы обойти парк полностью. Поэтому обязательно это сделаю сегодня или завтра.

Здесь насчитывается около 250 видов растений, из которых 50 представляют особую ценность.

Парк «Ривьера» основал известный купец Хлудов. Ещё в 1898 году он решил создать огромный парк и построить имение. Считается, что Сочи как курорт начинался именно отсюда.

Между аллеями на просторных клумбах и полянах были высажены экзотические декоративные растения.

Здесь есть Аллея писателей, искусственный водоём «Чёрное море», а ещё парк украшен скульптурами. Для взрослых и детей предусмотрена масса развлечений и мест отдыха: многочисленные аттракционы, спортивный городок, «фонтан любви», «скамья примирения», «Зелёный театр», где проходят крупные концертные программы и шоу, дельфинарий, пляж и многое другое!

Главная достопримечательность парка «Ривьера» – Поляна дружбы. Здесь растут магнолии, посаженные известными политическими деятелями и космонавтами. Есть здесь и дерево имени Юрия Гагарина. Однако в своё время поклонники Гагарина очень часто фотографировались с деревом. Задушенное любовью его почитателей, оно погибло. Поэтому сотрудникам парка пришлось посадить новое.

Океанариум

Вот опять повторяюсь, что обожаю людей, влюблённых в свою жизнь. Вы слышали, как экскурсовод рассказывает про рыб, что живут в океанариуме?! Это же неподдельный восторг и восхищение обитателями морских глубин.

Океанариум «Ривьера» – третий по величине на территории России. Здесь можно вблизи наблюдать самых разных представителей морского мира. Коллекция включает в себя как жителей самого ближайшего к океанариуму Чёрного моря, так и гостей из далеких морей и океанов.

В океанариуме есть представители семейства акул, лангустов, мурен; хирурги-единороги и королевские хирурги; рыба-клоун; скаты, живущие в пресной воде; ядовитые крылатки, желтохвостые зебросомы, люцианы

императорские и многие другие. Советую посетить! Интересно будет и взрослым, и детям.

Рынки южного города заслуживают отдельного рассказа и фотосессии.

Сегодня планирую сходить на центральный рынок. Хочу больше фруктов и овощей. Но и любовь к сырам и местным хачапури не пропадает. Я уже и не знаю, как в меня вмещается столько хачапури! Хачапури-подочки, разрезанные на несколько частей, с одним яйцом, с двумя; хачапури в Адлере, в Сочи и Абхазии. Каждый раз, когда я выхожу на улицу и чувствую из ближайших кафе этот пьянящий аромат печёного хлеба и сыра, соблазняюсь и иду. А где, как не в отпуске, позволять себе соблазны?

Опьяняющий воздух, убаюкивающее море и солнце. Здесь, как никогда ранее, я почувствовала себя такой свободной и счастливой. Поэтому пара-тройка хачапури не нанесут вреда, если съесть их в удовольствие.

Удовольствие! Мне нравится это слово! А ещё мне очень нравится тратить деньги. Свободно и не напрягаясь. Не думая о том, что в родном Кургане меня ожидают ежемесячные платежи и другие денежные обязательства. Деньги есть и будут. Надо повторять себе это почаще. Чтобы не бояться их терять. Деньги – это тоже про удовольствие.

Я считаю себя находкой для продавцов местных рынков. Я хочу всё и побольше. Мороженое, квас, местные фрукты и сыры? – Заверните! Прилавок с изделиями из глины? – Мне срочно нужны кофейные чашки! Подставка под горячее, выполненная из натуральной древесины? – Боже, как она пахнет! Срочно иду в автобус за картой! Фотография на магнит, вставленная в копейную пластиковую рамку?! – Конечно же, беру!

Магниты и брелоки, которые я не хотела покупать, понимая их бессмысленность... Но они же такие красивые! И друзьям будет приятно. Мне лично всегда приятно получать в подарок магнит на холодильник. Хотя я и понимаю, что кроме простого эстетического удовольствия он ничего не приносит! Но слово “удовольствие” же присутствует? – Значит, берём!

Очень много удовольствий и радостей в первые дни. Организм перенасыщен счастьем, и это прекрасно. Каждый раз я возвращаюсь домой с улыбкой! Но и это приедается. Я имею в виду спокойствие.

Со Вселенной мы дружим. Поэтому в последнее время стоит мне только подумать о том, что хочется острых ощущений – пожалуйста, Яна Сергеевна! Вчерашнюю свою поездку в Абхазию я запомню на всю жизнь. Как и нескольких людей, что со мной ехали. Яну в Абхазии

запомнили экскурсоводы, пограничники, полицейские, работники местных кафе и вся группа, что была со мной в автобусе.

Историю о том, как я потеряла паспорт и смирилась с временным пребыванием в этой прекрасной стране, расскажу вечером. Как и то, почему стоит быть более бережной к себе и своей нервной и пищеварительной системе.

Обнимаю вас и шлю лучи тёплого южного солнца.

Абхазия. Часть 1

“Что-то не хватает мне острых ощущений, – подумала я, насыпая чёрный перец и в без того острый харчо. – Как-то всё гладко, спокойно и красиво”.

“Заказ принят!” – ответила мне Вселенная. И понеслось...

Потерянный в другой стране паспорт; камень, слетевший с горы и упавший в двух метрах от нашей машины; бушующее море, снёсшее волной мой рюкзак и вещи; пищевое отравление, стресс, волнение... В общем – всё, как я и заказывала. Остро, эмоционально, горячо! Похлеще любого абхазского харчо поездочка получилась. Но обо всём по порядку.

Ранний подъём в пять утра. Полтора часа на сборы – и я в комфортабельном “форде” отправилась в Абхазию.

Как-то по-другому представляла я себе переход через границу Российской Федерации. Где множество полицейских с собаками, грозные пограничники и нервные беглецы с многомиллионными долгами и их скандальными жёнами, узнавшими об этих долгах только переходя границу?! Три-четыре человека в очереди, улыбчивые сотрудники, запретившие мне снимать видео, пару минут на проверку документов, и о-ля-ля – мы в Абхазии.

“Итак, уважаемые, добро пожаловать в Абхазию!”

Под сладкие речи гида мы отправились в путь. За окном пролетели район Старой Гагры и курорт Пицунда. Среди цветущих мимоз и эвкалиптов виднелись обветшавшие и полуразрушенные дома. За Гаграми созрели заброшенные чайные и мандариновые плантации.

Первая остановка – кафе у моря. Заказав харчо и вкусив турецкий кофе, я, конечно же, сперва устроила фотосессию и лишь потом отправилась на море. Когда я снимала видео, то даже и не думала, что мои приключения только начинаются. Бушующее море снесло волной вещи, оставленные на берегу. Сарафан, босоножки, рюкзак и всё, что в нём было, промокли насквозь. А самое главное – изученный досконально на границе паспорт был потерян! Вместе с очками и прекрасными серь-

гами, что сделала Анна. Что, с одной стороны, прекрасно: если их найдёт абхазская женщина, то обязательно обрадуется и будет носить их с удовольствием! А её подруги обязательно захотят такие же! И пожалуйста – русско-абхазские отношения наладили! Но что-то я отвлеклась.

Это сейчас я так спокойно вспоминаю о море и своей поездке, а тогда мне было очень беспокойно. Я в панике стала искать, где мог быть мой паспорт. Помню, что даже очки для остроты зрения надела, но всё равно не нашла. На уши поставила работников рынка, загорелых купальщиц и продавцов утвари на ближайшем рынке. Но паспорта не было... Нигде. Помню, что первые минуты я сохраняла спокойствие и было чувство, что он просто не мог потеряться. Я никогда не теряю ценные вещи. Да, могу оставить кольцо или расчёску, забыв об этом. Но ключи, паспорт и телефон – всегда при мне.

Однако паспорта не было. А была я. Живая, целая и невредимая. Это успокаивало. Немного поревев, я даже со смехом взглянула на происходящую нелепую ситуацию.

Экскурсовод позвонил пограничникам. Мужчины поочерёдно проверили мой рюкзак и сделали вывод, что через маленькую дырку, что была в нём, он вылететь не мог.

“Как ваша фамилия?” – кричит мне гид Виктор (абхазец, которому не нравится его настоящее имя). “Достовалова!” – отвечаю я. Люди дружно смеются. И мне полегчало. И тоже стало смешно: интересно же! Такого со мной ещё не происходило.

Надо придумывать выход из сложившейся ситуации, подумала я и стала вспоминать – приходили ли представители гордой Абхазии ко мне на эфир. Так, армяне были, азербайджанцы тоже были, узбеки, башкиры, татары... Стоп!.. Я же знаю Владимира Дмитриевича Уфимцева, а он – руководитель Ассамблеи народов Зауралья. Он точно знает людей из Абхазии. “Всё решаемо,” – подумала я и, успокоившись, СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО опустила руку в пространство между сиденьем и дверью автомобиля! Там был мой паспорт! Целый и невредимый! Родненький! В красивой красной обложке!

Такой радости и ликования я давно не испытывала! “Ура!” – прокричали присутствующие, и мы отправились дальше.

Абхазия. Часть 2. Пасека, озеро Рица, Голубое озеро и Новоафонский мужской монастырь

...И знала же Яна Сергеевна, что для длительных поездок её избалованное тело не подготовлено! Под изнуряющим солнцем, без шляпы и воды, пренебрегая всеми мерами безопасности, около часа подни-

маться в горы, отведав сомнительного харчо накануне... Смириться с потерей паспорта и, не отойдя от случившегося, подниматься в горы...

Интересные легенды поют абхазцы по дороге. Вот, например, вы знаете, почему так много коров в Абхазии любит лежать у дороги? Не только потому, что встречный ветер сбивает с них мух, и они могут блаженно отдохнуть без этих надоедливых насекомых. Говорят, что душа абхазского гаишника после смерти переселяется в корову, и поэтому, привыкнув за всю жизнь находиться у дороги, они и в новом перевоплощении опять стремятся быть рядом с проезжей частью.

Удивительные люди в Абхазии. С чувством юмора и горячими сердцами. Смелые и щедрые. Заботливые и равнодушные. Гордые и независимые.

Вы знаете эту историю о том, как абхазский президент Рауль Хаджимба ушёл в отставку по требованию оппозиционеров, проработав на посту всего четыре месяца? В антиправительственном митинге в Сухуме приняли участие около 800 человек. И добились же своего!

А ещё в абхазах чувствуется сплочённость. Любовь к своей родине и дому. Уважение к себе и другим людям. Думаю, что могу понять, почему так много межнациональных семей. Абхазские мужчины очень внимательны к русским женщинам. Страшно, что “хорошее отношение” многих удивляет и восхищает. Но это норма. Заботиться и ухаживать за женщиной, оказывать ей помощь, если она в этом нуждается, не требуя ничего взамен.

От стресса, крутого подъёма в горы, перепада температуры и изнуряющего солнца мне стало очень плохо. Настолько, что я даже заплакала от физической боли, так как не знала, что сделать, чтобы мне стало лучше. Естественно, дегустацию вин я пропустила. Сидела возле родника и молчала. Вид у меня был удручающий.

Первым делом на помощь пришёл экскурсовод. Отвёл в кафе с кондиционером, где заказал мне воды и кофе. Но лучше не становилось. Другой мужчина, увидев мои мучения, принёс мне таблетку. Я даже не смотрела и не спрашивала – что это. На несколько минут стало получше. “Присмотри за Яной!” – кричал гид своему товарищу.

В погребе, где хранятся вина, мне сделали пятьдесят граммов чачи с солью. Хорошо помогает при отравлении, уверили меня жители гор. Не обманули – помогло! Вкупе с посещением “дамской комнаты” и вливанием в себя чистой воды. Мне стало легче. Я заказала овощную нарезку и взяла с собой хачапури, чтобы съесть в России.

Следующая остановка – живописное озеро Рица. Расположено оно на высоте 950 метров над уровнем моря. Было нанесено на карты относительно недавно – в 1865 году. До этого о его существовании знали только местные охотники и пастухи.

Удивительно, но вода в озере меняет свой цвет в зависимости от времени года. Красоту этого места отмечали советские вожди. Здесь есть дачи Сталина, Брежнева и Хрущёва. На одной из фотографии виднеется и сам профиль вождя. Лицо, гордо смотрящее в небо, будто лежит в горах. Присмотритесь.

Одно из самых популярных туристических мест в Абхазии – Новый Афон. Город имеет древнюю историю – первые упоминания о нём датируются III веком. В 1875 году русские монахи основали мужской монастырь у подножья Афонской горы, и это место стало ещё и крупнейшим религиозным центром.

Однажды монастырь посетил император Александр III со своей семьей. В дар монахам он привёз куранты, которые впоследствии стали украшать одну из колоколен обители.

Всепоглощающая атмосфера внутри. Хочется сказать именно так. На входе мужчина с густой бородой, одетый во всё чёрное, молча меряет тебя взглядом, напоминая про платок и юбку. Одевания, приготовленные для паломников, ровной горкой лежат у дверей храма.

А какие виды вокруг! Высокие, стройные кипарисы, пальмы и царская набережная. На фото не передать всей величественности и красоты практически нетронутой природы.

Абхазию можно вкушать, чувствовать и осязать часами. Абхазия – гордая и независимая страна. Хочется, чтобы она была именно такой. Всегда. Без войн и экономических кризисов. Со своими бескрайними горами, лазурным морем и опьяняющим воздухом. В море остались мои серьги и очки – а это значит, что я обязательно вернусь!

“Страна Души! Ты будешь жить!”

*“Так оставьте ненужные споры, я себе уже все доказал.
Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал.”*

В. Высоцкий

Чертовски прав был Владимир Семёнович! Только я бы ещё обязательно вписала в песню несколько строк про море, солнце и тёплый южный ветер.

*Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас и зовут нас остаться.
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем,
Потому что всегда, потому что всегда
мы должны возвращаться.*

Вот и я вернулась в родной Курган. С багажом положительных эмо-

ций, радостью от путешествий и сгоревшей на палящем солнце кожей. Довольная и счастливая.

А про горы я расскажу вам, вещая из кресла своей уютной городской квартиры. Мозг мой ещё полон воспоминаний и радостей. Делюсь ими с вами.

“А были ли вы на Красной Поляне?” – спросила у меня Светлана в предпоследний день моего отпуска. “Нет! – ответила я. – Но обязательно поеду!”

И поехала! Экскурсионный автобус забрал меня от остановки, уже по сложившейся традиции располагающейся у пальмы. А где им ещё располагаться, когда вокруг так много пальм и так много солнца? А под листьями этих зеленоглазых красавиц так приятно от него прятаться. В этот день, правда, солнца не было, а был дождь. Но для знойного города Сочи он стал настоящим подарком. Сочинцы ждали этого события два месяца – ведь от стоявшей засухи высохли местные реки и мои любимые пальмы. Поэтому со счастливым дождём поздравили мы друг друга и отправились в путь! По дороге из Адлера в Красную Поляну мы остановились возле ущелья Ахцу, одного из самых глубоких ущелий в Кавказских горах.

С абхазского языка слово “аахыц” переводится как “южный склон”. Учёные считают, что это ущелье было образовано за счёт тысячеметровых пластов камня-известняка, которые сто миллионов лет назад являлись дном древнего моря.

Ущелье – разное по ширине. В одном из самых его узких мест дорога проходит через стометровый тоннель, а нависающую над ней скалу прозвали “Пронеси, Господи!”.

В русле реки Мзымты, что в пределах ущелья Ахцу, есть множество мест, где ежегодно происходит нерест черноморского лосося. Длинной эта рыба – более одного метра, а весом – более двадцати пяти килограммов!

Сфотографировались, полюбовались. Едем дальше. Знаменитая Краснополянская пасека.

Дегустацию меда и напитков я пропустила. Хватило мне пищевых приключений в Абхазии. Поэтому – быстрее в горы!

Роза Хутор – это горнолыжный курорт в Красной Поляне. Интересно, что, хотя зимы как таковой в Сочи и нет, в горах в это в время года температура может достигать – 25 градусов!

В комплексе “Роза Хутор” работает 29 подъёмников четырёх типов: гондольные, кресельные, конвейерные, бугельные. Восемь кресельных подъёмников доставляют райдеров на большие высоты. Я прокатилась на трёх закрытых подъёмниках гондольного типа с прозрачными стёк-

лами – “Заповедный лес”, “Олимпия” и “Кавказский экспресс”. Максимальная высота, на которую я поднималась, – почти 2500 метров над уровнем моря.

Я ехала и не верила в то, что мир настолько прекрасен и я его вижу. Разве это не счастье? Хотелось петь и летать, летать и петь – как поёт моя любимая Земфира!

А каждый вагончик, сделанный старательно трудолюбивыми французами, – как отдельный мир с людьми, что ехали со мной.

В начале пути мне попалась компания армян. “Как вас зовут?” – спросил самый старший из них. “Яна”, – ответила я. “Да какая же ты Яна?! Ты Джана. Друг, Джанику руку подашь, когда она выходить будет. Вот сейчас окружим тебя и сфотографируемся. А потом в Кургане будешь показывать всем фото с настоящими седовласыми орлами”.

Собственно, я так и сделала.

А во второй кабине мне попалась семейная пара – по-моему, из Астрахани. Улыбчивые и счастливые, они приехали в Сочи по путёвке с работы. Отдыхают в санатории. Удивлялись нашим сибирским морозам. Сфотографировав друг друга, мы разошлись.

А ещё моими спутниками была молодая пара с двумя детьми. Счастливый молодой отец, как я поняла, был инициатором катания на открытом подъёмнике “Волчья скала”. Под дождём! На открытом подъёмнике! Я-то его понимаю, потому что сама сделала то же самое. А вот его жена этот поступок не очень одобрила. Она зло смотрела в окно и лишь каверзно отметила: “Ты когда напортачишь, всегда такой разговорчивый становишься!”

Я же себя за этот поступок не корила. И пусть я промокла до нитки и промёрзла – открывшиеся на высоте виды бархатной осенней природы того стоили. К сожалению, был туман и дождь. Но это прекрасная возможность вернуться сюда еще раз, что я обязательно и сделаю.

А вы бывали в горах?

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

ФРОЛОВА Полина Николаевна.....	6
ИВАНОВА Алина Александровна.....	8
КРИГЕР Александра Константиновна.....	9
БАСТРИКОВА Алина Андреевна.....	10
СОТНИКОВ Дмитрий Сергеевич.....	12
ПАСТУШКОВ Алексей Владимирович.....	15
ЛИТВИНОВА Мария Валерьевна.....	16
ТАБУЕВА Тамара Вячеславовна.....	22
КУРЫЛЁВА Ксения Владимировна.....	25

Проза

ПЕТРИЧЕНКО Софья Николаевна.....	34
ШАБАЛИН Андрей Иванович.....	43
ВАСИЛЬЕВА Екатерина Владимировна.....	48
КОРOTOVСКИХ Алиса Маратовна.....	50
ВОРОБЬЁВА Анна Олеговна.....	63
БЕСПАЛОВА Виктория Константиновна.....	69
ХРЕНОВА Анна Александровна.....	72
ЧЕРКАЩЕНКО Елизавета Андреевна.....	78
БОРЧАНИНОВ Геннадий Александрович.....	113

Публицистика

МЕЗЕНЦЕВА Ксения Денисовна.....	121
СТРЕКАЛОВА Валерия Максимовна.....	124
МОРДВИНОВА Полина Денисовна.....	127
ВЕСЕЛУХИНА Ксения Дмитриевна.....	129
МЕДВЕДЕВА Наталья Сергеевна.....	133
ИЛЬИНЫХ Любовь Алексеевна.....	138

Специальные призы

БЕЦДЮЖИК Екатерина Андреевна.....	141
ЗИМИН Николай Вячеславович.....	143
БОРОВИНСКИХ Влада Дмитриевна.....	150
ДОСТОВАЛОВА Яна Сергеевна.....	163

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА “МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ – 2020”

Номинация “ПОЭЗИЯ”

Младшая группа (6–13 лет):

- I место – Фролова Полина Николаевна (г. Петухово);
- II место – Иванова Алина Александровна (Частоозерский район);
- III место – Кригер Александра Константиновна (Далматовский район).

Средняя группа (14–18 лет):

- I место – Бастрикова Алена Андреевна (г. Шадринск);
- II место – Сотников Дмитрий Сергеевич (Юргамышский район);
- III место – Пастушков Алексей Владимирович (Белозерский район).

Старшая группа (19–30 лет):

- I место – Литвинова Мария Валерьевна (Кетовский район);
- II место – Табуева Тамара Вячеславовна (г. Шумиха);
- III место – Курылёва Ксения Владимировна (г. Курган).

Номинация “ПРОЗА”

Младшая группа (6–13 лет):

- I место – Петриченко Софья Александровна (г. Курган);
- II место – Шабалин Андрей Иванович (г. Курган);
- III место – Васильева Екатерина Владимировна (Мишкинский район).

Специальный приз жюри: “Маленький шаг в литературу” – Бендюжик Екатерина Андреевна (Далматовский район).

Средняя группа (14–18 лет):

- I место – Коротовских Алиса Маратовна (г. Курган);
- II место – Воробьёва Анна Олеговна (с. Альменево);
- III место – Беспалова Виктория Константиновна (г. Курган).

Специальный приз жюри: “Лучшее новогоднее произведение” – Зимин Николай Вячеславович (с. Мокроусово).

Специальный приз жюри: “Лучшая жанровая проза” – Боровинских Влада Дмитриевна (г. Щучье).

Старшая группа (19–30 лет):

I место – Хренова Анна Александровна (г. Курган);

II место – Черкащенко Елизавета Андреевна (Кетовский район);

III место – Борчанинов Геннадий Александрович (Кетовский район).

Номинация “ПУБЛИЦИСТИКА”

От младшей группы (6–13 лет) произведений не поступило.

Средняя группа (14–18 лет):

I место – Мезенцева Ксения Денисовна (Мишкинский район);

II место – Стрекалёва Валерия Максимовна (Кетовский район);

III место – Мордвинова Полина Денисовна (г. Шумиха).

Старшая группа (19–30 лет):

I место – Веселухина Ксения Дмитриевна (с. Целинное);

II место – Медведева Наталья Сергеевна (р. п. Мишкино);

III место – Ильиных Любовь Алексеевна (р. п. Мишкино).

Специальный приз жюри: “Лучшее произведение про путешествия” – Достовалова Яна Сергеевна (г. Курган).

ПО ИТОГАМ КОНКУРСА

МОЛОДАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ЗАУРАЛЬЯ -
2020

